

Украинская
жизнь

1912 - 10

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ
на ежемѣсячный журналъ

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Въ тяжелый моментъ приходится объявлять о возобновленіи подписки на «Украинскую Жизнь». Украинскій горизонтъ не только не просвѣтлѣлъ въ послѣднее время, но еще болѣе омрачился сгущающимися надъ нимъ тучами. При такомъ положеніи всякій лучъ свѣта выясняющій нужды украинской національной жизни и разсѣвающій вольныя и невольныя предубѣждения противъ нея, всякое живое слово, разоблачающее недобросовѣстность нашихъ враговъ и весь вредъ ихъ политики съ точки зрѣнія правильно и широко понимаемыхъ государственныхъ и культурно-общественныхъ задачъ, приобретаютъ особое значеніе.

«Украинская Жизнь» въ 1913 году будетъ посильно выполнять тѣ же задачи, какія выполнялись ею до сихъ поръ; но въ журналъ рѣшено ввести нѣкоторыя улучшенія, а размѣръ книжекъ его установить въ 7—8 печатныхъ листовъ вмѣсто 5—6. Въ зависимости отъ этого годовая подписная цѣна изданія повышается на одинъ рубль.

Въ теченіе 1912 года въ «Украинской Жизни» были напечатаны между прочимъ слѣдующія статьи:

Проф. М. С. Грушевскій. Украина и украинство.—**Его же.** Новое знамя націоналистовъ.—**О. Бѣлоусенко.** Гибель «Просвіт».—**Его же.** Украинскіе моменты въ холмскомъ вопросѣ.—**Его же.** Lex Rіchniana.—**Старый Укринецъ.** Украинскій книжный языкъ и общерусская культура.—**Ан. Василько.** Къ холмскому вопросу.—**А. Э. Салиновскій.** Большой вопросъ.—**Его же.** Судьбы украинскаго слова.—**Его же.** Одна изъ очередныхъ задачъ.—**Б. А. Кистяковскій.** М. П. Драгомановъ и «Вольное Слово».—**С. В. Петлюра.** Къ драмѣ жизни Шевченка.—**Его же.** Къ вопросу о культурномъ творчествѣ.—**Проф. Ѳ. Е. Коршъ.** Къ спору объ украинской культурѣ.—**Д. Сиромеха.** Соединеніе Украины съ Москвою.—**Проф. А. Л. Погодинъ.** Соединеніе или разложеніе?—**С. Буда.** Памятникъ Т. Г. Шевченку.—**Его же.** Украинскій театръ.—**К. Оберучевъ.** Къ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ Украины къ Великороссіи и Польшѣ.—**В. Ладыженно.** Национальное искусство и задача искусства на Украинѣ.—**Ник. Василенко.** Декабристы—объ Украинѣ.—**Н. В.** Политическіе взгляды М. П. Драгоманова.—**М. М. Могилянскій.** О культурномъ творчествѣ.—**Его же.** Коцюбинскій и Винниченко.—**Проф. Н. Ф. Сумцовъ.** Украинскій этнографизмъ.—**А. Хатченко.** Герценъ и Украина.—**Его же.** М. П. Драгомановъ и вопросъ о самостоятельности украинской культуры.—**С. Ф. Русова.** Современная украинская лирика.—**Ея же.** Национальный вопросъ въ европейскомъ освѣщеніи.—**Дм. Донцовъ.** Русскій либерализмъ и украинское движеніе.—**Его же.** Письма изъ Галиціи.—**В. Садовскій.** Украинскій вопросъ въ третьей Думѣ.—**Е. Олевницкій** (деп. рейхсрата). Борьба за украинскій университетъ.—**Вл. Жаботинскій.** О русскомъ либерализмѣ.—**М. Горькій.** О русской интеллигенціи и національныхъ вопросахъ.—**М. Гордіенко.** Капитализмъ и русская культура на Украинѣ.—**А. Л.** Украинскій архитектурный стиль.—**А. В. Луначарскій.** О национализмѣ вообще и украинскомъ движеніи въ частности.—**Л. Н. Жебуневъ.** Почему былъ бѣденъ украинскій отдѣлъ на выставкѣ печати.—**Л. Василевскій** (Плохоцкій). Спорные вопросы въ области польско-украинскихъ отношеній.

Кромѣ того, въ вышедшихъ книжкахъ напечатаны рядъ статей **С. А. Ефремова**—«На текуція темы»; **В. В. Садовскаго**. «Изъ земской жизни на Украинѣ».—**С. Б.** Обзоръ украинской жизни.—**М. Ж—на.**—Изъ украинской печати.—**О. Хоменна.**—Изъ русской печати.

Въ каждой книжкѣ—отдѣлы: «На Украинѣ и внѣ ея» (извѣстія, замѣтки, сообщенія и т. д.) и «Библиографія».

Въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

С. П. Балабуха, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Бочковский, И. К. Брусиловскій, С. А. Буда, О. Бълоусенко, И. А. Бълоусовъ, Н. Ф. Бъляшевскій, Leon Wasilewski, прив.-доц. Н. П. Василенко, Ан. Василько, В. В. Водовозовъ, проф. Ф. К. Волковъ, Гр. Гетьманецъ, прив.-доц. А. С. Грушевскій, проф. М. С. Грушевскій, М. Данько, Дм. Донцовъ, В. Дорошенко, Д. Дорошенко, С. А. Ефремовъ, В. Е. Жаботинскій, Л. Н. Жебуневъ, М. Зализнякъ, И. В. Ивановъ (Джонсонъ), Б. А. Кистяковскій, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. О. Е. Коршъ, И. Кривецкій, проф. А. Е. Крымскій, К. Ладыженко, И. В. Лебединскій, М. Ф. Левицкій, Н. В. Левитскій, Ор. Левицкій, В. Липинскій, М. Лозинскій, А. В. Луначарскій, проф. И. В. Луцицкій, Д. Марковичъ, Ф. П. Матушевскій, С. П. Мельгуновъ, Н. Б. Миркинъ, А. Михура, Мих. Могилянскій, В. П. Науменко, А. П. Новицкій, К. М. Оберучевъ, В. П. Обнинскій, деп. австр. парл. д-ръ Е. Олесницкій, И. А. Панкевичъ, С. В. Петлюра, проф. А. Л. Погодинъ, С. Подолянинъ, П. Понятенко, Н. Поршъ, С. Ф. Русова, проф. А. А. Русовъ, В. В. Садовскій, А. О. Саликовский, Д. Сиромаха, М. А. Славинскій, П. Смутокъ, Н. Стасюкъ, И. Я. Стеллейкій, И. М. Стешенко, проф. Н. Ф. Сумцовъ, С. Сърполко, Н. Г. Филянскій, С. Чепига, С. Черкасенко, П. Чижевскій, проф. М. П. Чубинскій, С. П. Шелухинъ, И. А. Ярошевичъ и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ дост. и перес. Годъ 6 мѣс. 3 мѣс. 2 мѣс. 1 мѣс.
 въ Россіи. . 6 р. 3 р. — к. 1 р. 50 к. 1 р. 10 к. — р. 60 к.
 За границу . 8 р. 4 р. — к. 2 р. — к. 1 р. 50 к. — р. 75 к.

Книжные магазины, принимающіе подписку, могутъ оставлять въ свою пользу 10%.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА: на годъ 5 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 к. и на 3 мѣс. 1 р. 25 к. съ доставкою и пересылкою.

**Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“,
 Москва, Б. Дмитровка, 14. Телеф. № 308-79.**

Украинская Жизнь

Ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал.

№ 10.

Москва. — 1912 г.

МОСКВА,

Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, собств. домъ.

1912.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Отъ редакціи.	7
II. О націонализмѣ вообще и украинскомъ движеніи въ частности. <i>А. Н. Луначарскаго</i>	9
III. Украинская академія наукъ. <i>В. Дорошенка</i>	23
IV. Спорные вопросы въ области польско-украинскихъ отношеній. <i>Л. Василевскаго</i> (Плохоцкаго)	39
V. Почему былъ бѣденъ украинскій отдѣлъ на выставкѣ печати. <i>Л. Н. Жебунева</i>	52
VI. Одна изъ очередныхъ задачъ. <i>А. Ѳ. Саликовскаго</i>	60
VII. Украинскій театръ. <i>С. А. Буды</i>	68
VIII. Національный вопросъ въ европейскомъ освѣщеніи. <i>С. Ф. Русовой</i>	78
IX. Еще о русскомъ либерализмѣ. <i>Дм. Донцова</i>	84
X. Что и требовалось доказать (Письмо изъ Кіева). <i>С. А. Ефремова</i>	85
XI. На Украинѣ и внѣ ея.—За мѣсяць.—Смерть Н. В. Лысенко.—Университетскіе курсы на украинскомъ языкѣ.—Украинскіе высшіе народныя курсы.—Лекція объ Украинѣ въ Лондонѣ.—Карты Украины въ Британскомъ музеѣ.—Изъ жизни украинской колоніи въ Москвѣ.	93
XII. Библіографія.—Возвращеніе къ родному народу (<i>Z dziejów Ukrainy</i>). <i>Д. Д-ка</i> .— <i>Peasant art in Russia. The Studio</i> . <i>Дм. Донцова</i> .— <i>Nowy Prąd Tygodnik</i> . <i>Дм. Донцова</i> .—Хр. Алчевська. „Туга за сонцемъ“ і „Вишневий цвіт“. <i>В. Міяковскаго</i> .— <i>А. Ѳ. Кони. На жизненномъ пути. т. I. С. Е.</i>	103
XIII. Содержаніе украинскихъ журналовъ.—Литературная лѣтопись.	108
XIV. Отвѣты читателямъ „Украинской Жизни“	123

О П Е Ч А Т К И:

Отъ редакціи.

Въ 7—8 кн. „Украинской Жизни“ въ статьѣ И. Панкевича „Указатель литературы для изученія украинскаго языка“ по недосмотру допущена ошибка: сказано, что словарь Гринченка изданъ Императорской академіей наукъ, между тѣмъ какъ онъ только премированъ Академіей наукъ.

Опечатки въ статьѣ „Украинскій архитектурный стиль“.

(Украинская Жизнь, 1912, IX).

	Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стр. 33, снизу	строка 10-ая наименьшей	наибольшей
Стр. 39, сверху	строка 6-ая украинскихъ	указанныхъ
Стр 42, сверху	строка 6-ая черта генія въ украинской области	черта украин- скаго генія въ области

Отъ редакціи.

Открывая подписку на получение „Украинской Жизни“ въ 1913 году, редакція испытываетъ потребность и вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ долгомъ подѣлиться съ читателями журнала нѣкоторыми обстоятельствами его, пока непродолжительнаго, существованія.

Останавливаться на основныхъ цѣляхъ и ближайшихъ задачахъ журнала редакція не будетъ, такъ какъ достаточно подробно объяснила ихъ при самомъ возникновеніи „Украинской Жизни“—въ январской книжкѣ ея. По понятнымъ причинамъ редакція также не станетъ входить въ оцѣнку того, чтò сдѣлано ею для осуществленія указанныхъ задачъ. Въ этомъ отношеніи она считаетъ возможнымъ ограничиться констатированіемъ того факта, что журналъ, судя по многочисленнымъ откликамъ читателей и отзывамъ прессы,—не только украинской, но также русской и польской,—заполнилъ собою существенный пробѣлъ и дѣлаетъ нужное дѣло.

При такихъ условіяхъ вопросъ о необходимости продолжать изданіе „Украинской Жизни“ разрѣшается самъ собою, и въ настоящій моментъ приходится собственно подумать о томъ, какія улучшенія должны быть внесены въ журналъ и при какихъ матеріальныхъ условіяхъ можетъ быть успѣшно осуществлено продолженіе изданія.

Первый изъ этихъ вопросовъ въ достаточной мѣрѣ выясненъ редакціею. Опытъ десяти мѣсяцевъ, съ одной стороны, указанія читателей и ближайшихъ друзей изданія—съ другой, подвергнутые внимательному совмѣстному обсужденію, поставили предъ редакціею вполне опредѣленные задачи по улучшенію журнала. Въ эту сторону будутъ направлены всѣ тѣ усилія, какія она въ состояніи примѣнить къ дорогому ей дѣлу. Но само собою понятно, что не отъ однихъ только усилій редакціи зависитъ успѣхъ его. Крайне существенное значеніе принадлежитъ въ этомъ отношеніи матеріальнымъ условіямъ и той поддержкѣ, какую могутъ оказать изданію его читатели пугемъ распространенія свѣдѣній о журналѣ, привлеченіемъ новыхъ подписчиковъ и т. д.

Что касается матеріального положенія журнала, то оно представляется въ слѣдующемъ видѣ.

„Украинская Жизнь“ при своемъ возникновеніи располагала очень ограниченными средствами, но благодаря безвозмездному хозяйственно-організаціонному, литературному и, въ частности, редакціонному труду, который согласились отдать дѣлу рядъ лицъ, оказалось возможнымъ приступить къ изданію. Въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ вначалѣ было рѣшено ограничить размѣръ ежемѣсячныхъ книжекъ журнала 5—6 печатными листами; но обиліе литературнаго матеріала, который сталъ поступать въ редакцію, и его болѣе или менѣе срочный характеръ выяснили недостаточность такого размѣра книжекъ, и съ 1-го же номера пришлось выпускать ихъ въ значительно большемъ объемѣ—въ среднемъ не менѣе 8 печатныхъ листовъ. Иначе говоря, въ теченіе года редакція даетъ своимъ подписчикамъ болѣе 20 печатныхъ листовъ сверхъ того количества, которое она обѣщала дать.

Крупный расходъ, сопряженный съ такимъ увеличеніемъ книжекъ журнала, ложится на его бюджетъ крайне тяжелымъ бременемъ, и дѣлать подобныя приплаты въ будущемъ „Украинская Жизнь“ положительно не въ состояніи. Открывая подписку на 1913 годъ, редакціи приходится остановиться передъ альтернативою: либо сократить объемъ книжекъ журнала до объявленныхъ при подпискѣ на 1912 г. размѣровъ, либо сохранить установившійся уже объемъ журнала, но повысить подписную плату на 1 р. въ годъ.

Редакція съ согласія лицъ, принимающихъ матеріальное участіе въ изданіи, избрала повышение подписной платы, надѣясь, что читатели согласятся съ преимуществами, какія имѣетъ этотъ выходъ передъ сокращеніемъ литературнаго матеріала.

Нужно добавить къ этому, что и при повышенной платѣ крестьяне, рабочіе, учащіе, сельское духовенство и вообще лица, пользовавшіяся льготной подпискою въ настоящемъ году, будутъ пользоваться скидкой съ годовой платы въ размѣрѣ одного рубля.

Итакъ, въ надеждѣ на сочувствіе и поддержку читателей и съ вѣрою въ необходимость работы для посильнаго осуществленія стоящихъ передъ украинскою жизнью задачъ, мы вступаемъ въ новый періодъ своего существованія.

Редакція.

О націоналізмѣ вообще и украинскомѣ движеніи въ частности.

Мысли, которыя я хочу изложить здѣсь, явились у меня отвѣтомъ на вашу анкету, обращенную къ представителямъ великорусской интеллигенціи.

Я не намѣренъ ни слѣдовать ея порядку, ни отвѣчать на всѣ вопросы, — я хочу отмѣтить лишь то, что меня наиболѣе задѣло, и сказать лишь то, что представляетъ, по моему, наибольшій общій интересъ.

Констатируя недостаточное знакомство великорусской интеллигенціи съ украинскимъ движеніемъ и большею частью неопредѣленное отношеніе къ нему ея представителей, переходящее порою въ неясное и непродуманное недоброжелательство, — авторъ анкеты болѣе или менѣе правъ. Я думаю, было бы нетрудно освѣтить причины этого печальнаго явленія. Но введеніе въ анкету упрекаетъ въ томъ же равнодушіи и, можетъ-быть, скрытой враждебности и русскихъ марксистовъ. Здѣсь есть, конечно, тоже зерно истины. Марксисты относятся съ извѣстной подозрительностью ко всякому проявленію націоналізма. Но дѣло въ томъ, что для такой подозрительности у нихъ есть весьма законныя и благородныя причины.

Смѣшивать индифферентизмъ какого-нибудь заспаннаго обывателя или переутонченнаго эстета съ относительнымъ равнодушіемъ людей, всецѣло отдавшихъ борьбѣ иного рода, ведущей, по ихъ мнѣнію, къ осуществленію идеала, включающаго въ себя полную свободу самоопредѣленія всѣхъ людей, — никакъ не слѣдуетъ. Одно дѣло — звѣриная враждебность какого-нибудь праваго, съ его готтентотской моралью, ушибающаго увѣсистымъ „націоналізмомъ“ сверху“ ростки освободительнаго „націоналізма“ снизу“, или черствая враждебность „великодержавнаго“ господина Струве, и другое дѣло — недовѣріе людей, имѣющихъ уже великую цѣль, требующую напряженія всѣхъ силъ, и опасующихся растраты этихъ силъ на цѣли побочныя,

быть-можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ парализующія единство стремленій того класса, въ которомъ они видятъ носителя всеобщаго освобожденія.

Нельзя отрицать, что среди социаль-демократовъ, какъ русскихъ, такъ и европейскихъ, не существуетъ полного единства въ оцѣнкѣ націи, какъ таковой. Среди нихъ есть, конечно, и сейчасъ послѣдовательные космополиты, полагающіе, что будущее несетъ съ собою полнѣйшее объединеніе человѣческаго рода, единый общій языкъ и единую общую культуру. Соціалисты-космополиты не стануть равнодушно относиться къ гоненіямъ за языкъ и культурныя особенности, но совершенно такъ же, какъ они протестуютъ противъ гоненій за любое вѣрованіе или даже суевѣріе. Самой идеѣ религіи, какъ и самой идеѣ націи, не придается при этомъ никакого значенія, но ведется священная война противъ всякаго рода насилія.

Однако, далеко не всѣ марксисты стоятъ на этой точкѣ зрѣнія. Лично пишущій эти строки придаетъ національностямъ громадное и живое культурное значеніе и привѣтствуетъ столь широко развившійся процессъ возрожденія къ самобытной жизни почти забытыхъ было и, такъ сказать, обезглавленныхъ національностей. Интересно, что не только національности въ подлинномъ смыслѣ стремятся сейчасъ возстановить свой языкъ и свою культурную физономію, но даже отдѣльныя провинціи, обладавшія когда-то особыми обычаями, особымъ внѣшнимъ обликомъ, стершимся потомъ въ процессѣ постепеннаго торжества капиталистической цивилизаціи надъ феодальнымъ партикуляризмомъ, воскрешаютъ на нашихъ глазахъ былую самобытность. Едва такое движеніе переступаетъ извѣстную границу, начинаетъ гордиться своимъ, какъ чѣмъ-то исключительнымъ, презирать и ненавидѣть чужое и обезцѣнивать колоссальныя, по формѣ своей интернаціональныя, завоеванія новѣйшаго времени,—какъ оно становится ни болѣе, ни менѣе какъ видомъ ограниченности, коллективнаго идиотизма, достойнаго всякаго порицанія. Такъ въ оркестрѣ только сумасшедшій флейтистъ можетъ стараться заглушить пискомъ своего инструмента музыку другихъ своихъ собратій. Между тѣмъ и въ оркестрѣ человѣчества каждый особый инструментъ, каждый тембръ, каждый новый модуль является приобрѣтеніемъ и обогащаетъ цѣлое.

Нація — сложный и прочный продуктъ тысячелѣтнаго приблизительнаго единства условій жизни. Единство языка свидѣтельствуемъ объ единствѣ психическаго строя и распространяется на подымающіяся надъ лингвистическимъ фундаментомъ художественныя созданія, какъ пословицы, сказки, лирическія и эпическія пѣсни, обряды и т. п. Чрезвычайно выразительнымъ доказательствомъ психологическаго характера національнаго единства является то, что въ пору расцвѣта народнаго творчества, когда и создаются національныя фізіономіи, всѣ виды народной словесности болѣе или менѣе сплетаются съ оригинальной во всѣхъ своихъ элементахъ музыкой. Быть-можетъ, границы, раздѣляющія людей разныхъ національностей, не такъ ужъ глубоки и могутъ стереться при извѣстныхъ условіяхъ, — все-же они существуютъ. Приходится признать существованіе многихъ коллективныхъ психей, въ которыхъ природа и общечеловѣческія цѣнности отражаются и преломляются своеобразно.

„Человѣкъ человѣку богъ“, — провозглашаетъ Фейербахъ. Это уже потому такъ, что впечатлѣнія, строй эмоцій и идей сочеловѣка всегда достаточно близки намъ, чтобы быть принципиально понятными, но всегда достаточно отличны, чтобы обогащать нашъ міръ, словно одаривъ насъ новою парюю глазъ, новымъ сердцемъ, еще однимъ мозгомъ. Но особенное обогащеніе получается именно тогда, когда человѣкъ опредѣленныхъ національныхъ навыковъ погружается въ міръ представленій другой націи, когда передъ нимъ мало-по-малу раскрывается вселенная такою, какъ воспринимается она другою человѣческой разновидностью. Единство только тогда является принципомъ красоты и высокой организаціи, когда оно охватываетъ своими гибкими рамками возможно болѣе богатое многообразіе. Многообразіе національное есть, думается, великое наслѣдіе человѣческое, которое, надо надѣяться, сохранится и дастъ еще недоступныя намъ наслажденія подъема жизни.

Но и социалисты, стоящіе на такой или приблизительно такой точкѣ зрѣнія, отнюдь не могутъ мириться со всякимъ націонализмомъ. Ужъ нечего и говорить о націонализмѣ насильническомъ, вгоняющемъ личность палкой въ „народность“. Однако и націонализмъ угнетенныхъ народовъ часто имѣетъ весьма неприятный привкусъ исключительности и презрительной враждебности ко всему окружающему.

Если мы вдумаемся въ причины столь мощно развертывающагося повсюду на нашихъ глазахъ націонализма угнетенныхъ народовъ, мы легко усмотримъ, что движеніе это чревато опасностями.

Въ самомъ дѣлѣ, главнѣйшими носителями національнаго возрожденія являются двѣ родственныя соціальныя группы, — интеллигенція и торгово-ремесленная мелкая буржуазія. Въ теченіе долгаго времени та или другая народность занимаетъ общественные низы и является рабочей силой, зависимой отъ сознательныхъ организаторовъ, принадлежащихъ къ другой народности. Но вотъ мало-по-малу и среди этой демократіи, съ ея запущеннымъ и презираемымъ языкомъ, начинаетъ выдѣляться интеллигенція настолько густымъ строемъ, что она уже не просачивается своего рода соціальнымъ эндомосомъ въ господствующую націю, а пытается защититъ новую позицію и создать культуру родного народа. Для этой культуры уже есть потребитель, прежде всего въ лицѣ развивающейся къ тому же времени болѣе или менѣе зажиточной мелкой буржуазіи. На такую интеллигенцію ложится благородная задача—спасти отъ смерти оригинальный языкъ и оригинальное, многовѣковымъ прошлымъ созданное культурное начало, и среди нея мы обыкновенно встрѣчаемъ прекрасные типы самоотверженныхъ демократовъ и высокодаровитыхъ чеканщиковъ оригинальныхъ художественныхъ образовъ изъ золота, прямо почерпнутаго въ сокровищницѣ народныхъ традицій. Но рядомъ мы встрѣчаемъ и другихъ интеллигентовъ, въ большей мѣрѣ заинтересованныхъ своимъ заработкомъ и соціальнымъ вліяніемъ и глядящихъ на все еще могучее вліяніе культуры господствующей націи не какъ на проводникъ высокихъ общечеловѣческихъ цѣнностей, не какъ на нѣчто помогающее созрѣванію молодой культуры ихъ націи, а какъ на враждебную силу, на опаснаго конкуррента, отбивающаго хлѣбъ у только-что родившейся національной прессы, у „своихъ“ адвокатовъ, врачей, учителей и т. п.

Всею накопившейся ненавистью долготѣшняго подавленія эти господа пользуются, чтобы вырыть пропасть между своимъ народомъ и остальнымъ міромъ, они разжигаютъ культурный сепаратизмъ и воспитываютъ смѣшное и вредное самодовольство всякимъ доморощеннымъ продуктомъ часто еще дѣтскаго творчества, всякимъ даже пустяшнымъ остаткомъ старины.

—Дѣло обстоитъ еще хуже съ мелкобуржуазнымъ націонализмомъ. Какъ имперіализмъ, эта хищническая идеологія большихъ державъ является продуктомъ конкуренціи крупнаго капитала, а сами державы все болѣе становятся организаціями отдѣльныхъ компаній чудовищно богатыхъ финансистовъ и королей промышленности, такъ и націонализмъ мелкихъ народностей, входящихъ въ рамки одного и того же государства, оказывается почти сплошь организаціей мелкихъ и микроскопическихъ капиталовъ для конкуренціи съ себѣ подобными. Дѣленіе на польскую, скажемъ, еврейскую, украинскую группы въ той или другой мѣстности напрашивается при этомъ само собой: это наиболѣе легкая линія такого дѣленія, суть котораго заключается въ отмежеваніи „своего національнаго“ рынка, „своихъ“ покупателей, „своихъ“ заказчиковъ отъ „чужого“ продавца или ремесленника. Лучшимъ примѣромъ такого, всегда отталкивающаго, націонализма является широко распространенный антисемитизмъ.

Не естественно ли въ виду этого, что сознательные пролетаріи и примыкающіе къ нимъ идеологи не могутъ безъ оглядки апплодировать всякому національному движенію? Въдъ ту же осторожность, доходящую порой почти до враждебности, проявляли и многіе великіе представители здороваго національнаго возрожденія.

Мнѣ припоминаются слова одного изъ самыхъ блестящихъ борцовъ за возрожденіе чешскаго народа, самаго увлекательнаго журналиста Чехіи, одного изъ крупнѣйшихъ ея поэтовъ — Яна Неруды.

„Довольно болтовни о націонализмѣ и патриотизмѣ, — писалъ онъ. — Я ненавижу тѣхъ, кто не видитъ цѣли выше, чѣмъ быть патриотомъ, кто воображаетъ, что ужъ ничего болѣе нельзя и сдѣлать для своего народа. Мы стоимъ на такомъ уровнѣ цивилизаціи, на которомъ патриотизмъ не является больше никакой заслугой. Это очень легкая обязанность. Нѣтъ, теперь надо бороться за то, чтобы данная нація была признана другими и чтобы жизнь ея была обезпечена. Въ этомъ заключается мой космополитизмъ. Давайте слѣдовать урокамъ другихъ націй и сольемъ въ единое цѣлое наши послѣднія познанія съ тѣми, которыя приобрѣтены нами въ національной колыбели. Это цѣлое будетъ славянскимъ само собою, ибо, будучи славянами, мы не можемъ иначе творить, чѣмъ по-славянски“.

Но вѣдь и другой дѣятель, столь же крупный и безконечно болѣе близкій украинцамъ, самъ Драгомановъ, высказывался въ томъ же духѣ. Развѣ не писалъ этотъ мыслитель, что „сама по себѣ національная идея не можетъ еще привести людей къ свободѣ и справедливости“, что не слѣдуетъ становиться на чрезвычайно зыбкую почву націонализма, идя на отказъ отъ ясныхъ идей всемірнаго гуманизма, которыя только и могутъ дать безусловно прочную основу нашимъ стремленіямъ къ національной свободѣ? Развѣ не ему принадлежатъ еще болѣе яркія слова: „Мы ищемъ руководящихъ и контролирующихъ идей въ научныхъ выводахъ и интересахъ интернаціональныхъ, общечеловѣческихъ. Мы, конечно, не отрицаемъ національности, но отрицаемъ национализмъ, особенно тотъ, который самъ себя противопоставляетъ человѣчеству или космополитизму“?

Если вы сравните эти слова съ тезисомъ марксиста Брауна, въ одной изъ послѣднихъ книжекъ Капрѣа, вы увидите, что мысли совершенно сходны, только для Брауна опредѣлилось вполнѣ, кто и какимъ путемъ ведетъ наилучшую борьбу за интересы человѣчества.

„Отчего зависитъ сила и величіе націй? — спрашиваетъ Браунъ и отвѣчаетъ:—Оттого, здорово ли ея національное тѣло и весь ли народъ пропитанъ своею культурой. Капиталистическая эксплуатація разрушаетъ силу націй, похищая у класса, составляющаго большинство націй, здоровье и пресѣкая ему доступъ къ національной культурѣ. Тѣмъ не менѣе националисты сплошь и рядомъ являются защитниками капитализма. Этимъ они сразу доказываютъ, что они не борцы за націю; а представители интересовъ ея господствующихъ классовъ. Окончательное проникновение національною культурой всей націи принесетъ съ собою лишь социализмъ. Но борьба за него противъ буржуазіи ведется и можетъ вестись лишь въ интернаціональныхъ рамкахъ. Выводъ ясенъ: социалистическій интернаціональ — лучший борецъ за истинный национализмъ“.

Отто Браунъ отвергаетъ въ рѣзкой формѣ довольно ходкій приемъ борьбы съ национализмомъ при помощи доказательства, что экономически рабочій ничего не выигрываетъ отъ освобожденія націи, къ которой принадлежитъ.

„Я не думаю, — говоритъ Браунъ, — чтобы націоналистовъ можно было побѣдить при помощи аргумента: „Что мнѣ нація? Что я могу купить на это?“ — Нація есть продуктъ тысячелѣтняго развитія. Въ теченіе столѣтій національная борьба зажигала пламеннѣйшія страсти. Тысячи умирали въ этой борьбѣ. Она была то источникомъ жизни, то причиной смерти для великихъ революцій. Можете ли вы освободить массы отъ этой великой идеологіи при помощи лавочническаго: „что я куплю на это?““.

Признавая, конечно, вредоноснымъ замкнутый въ себѣ, челоѣконенавистнической націонализмъ, Браунъ указываетъ, что въ старыя времена идеей, которая могла господствовать надъ нимъ и умѣрять его, было челоѣчество. Въ наше же время общечелоѣческой идеаль конкретизировался, и конечныя цѣли борьбы за успѣхи челоѣчества совпали съ конкретной борьбой пролетаріата за свои классовыя интересы.

Обращаясь въ частности къ украинскому движенію, которое послѣ 1905 года наконецъ и въ россійской части Украины начинаетъ пріобрѣтать массовый характеръ и растетъ теперь, несмотря на всѣ препоны, я долженъ сразу сказать, что ни одно національное пробужденіе не вызываетъ во мнѣ субъективно столько горячихъ симпатій. Этому есть, какъ я думаю, и общественныя, и личныя причины. Но и здѣсь съ самага начала наталкиваешься на такія явленія, которыя заставляютъ задуматься и во всякомъ случаѣ пожелать передовому украинству возможно большихъ успѣховъ въ дѣлѣ предуказаннаго и Шевченкомъ, и Драгомановымъ сочетанія любви къ своему народу и служенія ему съ духомъ гуманизма и служенія общечелоѣческимъ идеаламъ. Распространяться о томъ отгѣнкѣ украинофильства, который уже теперь кажется насквозь проникнутымъ націоналистическимъ злопыхательствомъ и открыто гордится своимъ антисемитизмомъ, я не стану. „Украинская Жизнь“ — это другой полюсъ движенія, и двоякаго суда объ упоминаемыхъ нами уродствахъ здѣсь быть у насъ не можетъ.

Но вотъ, напимѣръ, фактъ, глубоко меня огорчившій.

Оговариваюсь, что въ послѣднее время я не читалъ непосредственно органа прогрессивнаго зарубежнаго украинства „Діло“. Я буду радъ, если русскія газеты, въ которыхъ я прочелъ крайне прискорбную цитату изъ этой газеты, что-нибудь перепутали и если въ непродолжительномъ вре-

мени послѣдуетъ со стороны редакціи „Діло“ достаточное опроверженіе.

Русскія газеты передавали слѣдующее: „Газета „Діло“ заявляетъ, что украинцы должны всемѣрно сопротивляться проведенію канала черезъ Галицію, ибо экономическій расцвѣтъ края, который отъ этого воспослѣдуетъ, отдастъ украинскій народъ во власть польскаго капитала“!

Можно было бы не повѣрять такому чудовищному проявленію самоубійственнаго націонализма, если бы оно не лежало цѣликомъ въ логикѣ несознающаго себя, даже для самого себя, націонализмомъ прикрытаго эгоизма молодой интеллигенціи и молодого капитала только-что пробуждающагося для самостоятельной культурной жизни „полуисторическаго“ народа.

Да, въ логикѣ этихъ группъ населенія лежитъ не допускать свой народъ до „преждевременнаго“ пышнаго расцвѣта, дабы не потерять его какъ базисъ своего собственнаго существованія. Но какая мѣра оскорбительнаго недоувѣрія къ культурной жизни своего народа лежитъ въ этомъ! Съ какой беспощадной рѣзкостью сталкиваются при этомъ общечеловѣческій интересъ возможно быстрѣйшаго, возможно роскошнѣйшаго развитія капитала, всюду подготавлиющаго почву дальнѣйшимъ, гдубоко-значительнымъ фазамъ общественнаго развитія, съ групповымъ эгоизмомъ, который на манеръ ложной матери въ знаменитой притчѣ о судѣ Соломона говоритъ о своемъ краѣ и своемъ народѣ: „Хоть мертвый, да мой“!

Съ болью въ сердцѣ прислушивался я также къ отголоскамъ, донесшимъ до насъ вѣсть о расколѣ такой незначительной еще, такой неокрѣпшей партіи, какъ украинская соціаль-демократія Австріи. Изъ внимательнаго чтенія оправдывающихъ этотъ расколъ статей лидера національнаго крыла партіи Левинскаго можно сдѣлать только такіе выводы: 1) причины раскола лежатъ въ чрезмѣрномъ попустительствѣ со стороны старыхъ лидеровъ по отношенію къ несправедливостямъ, творимымъ надъ украинскими рабочими ихъ польскими товарищами, соціаль-демократами; 2) интересы поляковъ и украинцевъ-рабочихъ рѣзко расходятся въ дѣлѣ разграниченія территорій, чаемыхъ свободной Украиной и свободной Польшей.—

Я-таки знаю кое-что о націонализмѣ, искажающемъ лицо австро-польскаго социализма. Надо, однако, констатиро-

вать, что далеко не вся партія, въ ея цѣломъ, имъ проникнута. Во всякомъ случаѣ нужны крайне рѣзкія, невыносимыя несправедливости со стороны польскихъ товарищей, чтобы надо было раскалывать свои собственныя силы, проводя грань между собою и слишкомъ дружелюбными къ полякамъ соратниками. Между тѣмъ, хотя мнѣ извѣстна почти вся оправдательная по этому поводу литература, я такъ и не смогъ найти какихъ-нибудь вѣскихъ фактовъ, и неопровергнутыя пока контръ-заявленія Игнатія Дашинскаго еще разъ подчеркиваютъ, что поляки старались держаться въ границахъ довольно скропулозной корректности. Нѣтъ, отношенія между людьми, борющимися подъ однимъ великимъ знаменемъ, отравлены здѣсь перенесеніемъ заразной и безобразной борьбы польской и украинской буржуазіи въ Галиціи. Конечно, пальма первенства безобразія и вѣнокъ совершенства въ э т о м ъ д ѣ л ѣ уже безспорно принадлежатъ польскимъ шовинистамъ.

Во всякомъ случаѣ вотъ ужъ на Украинѣ переживается отчаяннѣйшій развалъ самыхъ прогрессивныхъ силъ изъ-за національныхъ идей, чему столь горестный примѣръ подали, хотя, какъ кажется, и съ большимъ основаніемъ, чехи.

Но если для раскола, о которомъ я говорю, не было конкретныхъ поводовъ, въ конкретныхъ обидяхъ-то съ нашей точки зрѣнія прямо чудовищнымъ является ссылка на споръ о столь отдаленномъ и гадательномъ предметѣ, какъ границы территорій.

Нужно надѣяться, однако, и можно надѣяться, что всѣ эти дѣтскія болѣзни пройдутъ и что украинское движеніе легко станетъ на правильную дорогу.

Лишь загнипнотизировавъ себя какими-нибудь дикимыя выдумками, лишь преклонившись передъ какими-нибудь идолами, культурный человекъ можетъ не радоваться пробужденію двѣнадцатимилліоннаго народа, въ массахъ своихъ искусственно и жестоко отторгнутаго отъ источниковъ культуры.

Вопросъ объ украинской школѣ является однимъ изъ насущнѣйшихъ и долженъ быть поставленъ въ качествѣ важной задачи не только украинскимъ, но и всѣмъ російскимъ пролетаріатомъ. Какой объ этомъ можетъ быть споръ? Стоитъ только вспомнить, что по родственному со школьнымъ вопросу о распространеніи среди украинскаго населенія популярныхъ книгъ на родномъ языкѣ самъ ко-

митеть министровъ, да еще въ 1904 году, пишетъ въ своемъ журналѣ, что „запреты, значительно затрудняя распространіе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія книгъ на понятномъ для крестьянъ нарѣчій, препятствуютъ повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго уровня крестьянъ малороссійскихъ губерній“.

Императорская академія наукъ въ знаменитой запискѣ „Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова“, также признаетъ, что „нынѣшній низкій уровень культурнаго развитія крестьянъ малорусскихъ губерній долженъ стать предметомъ самыхъ серьезныхъ и неотложныхъ заботъ Россіи“. Комиссія академіи добавляетъ: „Отмѣна стѣсненій малорусскаго печатнаго слова окажетъ вліяніе не только на подъемъ знаній въ народной средѣ, но и на общій подъемъ культурнаго облика народа. Нельзя не признать, что пренебрежительное отношеніе къ родной рѣчи влечетъ за собой отрицательное отношеніе и къ семьѣ, и къ родной средѣ, а это не можетъ не отразиться самымъ печальнымъ образомъ на нравственномъ складѣ сельскаго населенія Малороссіи“.

Нечего и говорить, что всѣ эти замѣчанія съ еще большимъ правомъ должны быть отнесены къ вопросу о судьбѣ украинской школы.

Какъ извѣстно, тою частью россійской социаль-демократіи, которая специально обращалась къ украинскому населенію, была „Спілка“. Недавно изданные ею документы говорятъ объ ея возрожденіи. Этому предшествовало официальное обращеніе двухъ членовъ стараго главнаго комитета ея къ организаціонному комитету р. с.-д. р. п. Въ интересномъ письмѣ этомъ я нахожу между прочимъ, слѣдующія въ высшей степени любопытныя строки: „Подъ вліяніемъ преслѣдованія культурныхъ стремленій нашего народа начинаетъ проявляться украинскій шовинизмъ не только въ средѣ интеллигенціи, но и въ крестьянскихъ массахъ. Мы, социаль-демократы, должны своей, сочувственной возрожденію украинскаго народа, дѣятельностью, своимъ въ немъ участіемъ доказать, что возводимыя на насъ обвиненія въ руссификаціи невѣрны. Намъ необходимо для этого выставить въ избирательной партійной платформѣ рядъ культурно-національныхъ требованій, какъ національно-украинская школа—въ первую очередь и автономія Украины—въ будущемъ. Мы, съ агитаціей и пропаган-

дой на родномъ народу языкѣ, должны стать близкими и вполне своими, выросшимъ до пониманія своей национальности слоямъ рабочихъ“.

Я не сомнѣваюсь, да за то говорить и изданная уже „Спілкою“ избирательная брошюра, что какъ эта организация, такъ и вся партія, наконецъ, всѣ марксистскіе круги Россіи самымъ сердечнымъ образомъ отнесутся къ этому пожеланію и этому плану.

Отъ самостоятельнаго культурнаго развитія украинскаго народа можно ждать самыхъ отраднѣхъ результатовъ, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это одна изъ даровитѣйшихъ вѣтвей славянскаго древа.

Лично я,—хотя и принадлежу къ русской семьѣ и воспитанъ исключительно на русскомъ языкѣ, единственномъ, употреблявшемся моею семьей,—родился и провелъ дѣтство и раннюю юность въ Полтавской и Кіевской губерніяхъ и до нѣкоторой степени сблизился съ украинскою душою. Еще гимназистомъ я перечиталъ всю болѣе значительную украинскую литературу, съ трепетомъ восторга вслушивался въ несравненную музыку великаго Кобзаря, жилъ, можно сказать, въ атмосферѣ чудной малорусской пѣсни и являлся усерднѣйшимъ посѣтителемъ украинскаго театра, съ его гениальными комиками и его царственнымъ талантомъ — Заньковецкой.

Естественно, что все это развило во мнѣ горячую любовь къ вашему народу, какъ и безконечное количество мелкихъ наблюдений, вынесенныхъ изъ контакта съ украинскими народными массами.

Мнѣ кажется, что и природа, и историческая судьба создала для украинскаго народа важныя предпосылки для культуры высокой и оригинальной.

На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь въ высшей степени демократическій составъ этого народа. Недаромъ въ цитированной уже мною запискѣ академія наукъ констатируетъ, что „въ дѣлѣ демократизма малорусская литература лѣтъ на пятьдесятъ обогнала великорусскую“ и что она „до половины сороковыхъ годовъ отличалась отъ великорусской именно только своимъ глубокимъ, послѣдовательнымъ демократизмомъ, что вполне понятно, такъ какъ малорусская народность была тогда представляема почти

только низшими сословіями. Между тѣмъ въ другихъ своихъ стремленіяхъ и въ составѣ своихъ дѣятелей украинская письменность была такъ же разнообразна, какъ великорусская“.

Коренной и пока еще далеко неразрушенной демократичности Украины я придаю огромное значеніе въ дѣлѣ дальнѣйшаго самоопредѣленія характера ея культуры.

Вторымъ основаніемъ, заставляющимъ меня ждать великихъ и богатыхъ результатовъ отъ самостоятельнаго развитія украинской культуры является своеобразная психическая складка украинца.

Я знаю, съ какой осторожностью надо говорить о національной психологіи. Мнѣ кажется, однако, что черта, о которой я говорю, слишкомъ ясно бросается въ глаза, проходитъ слишкомъ яркой красной нитью черезъ все, что до сихъ поръ украинцами сдѣлано, сказывается такъ часто при непосредственномъ наблюденіи надъ ними, что высказать ее можно безъ чрезмѣрныхъ опасеній.

Кто только не замѣтилъ присущаго украинцу юмора? О немъ мы слышимъ немедленно, какъ только начинаемъ говорить или читать объ этомъ народѣ. Между тѣмъ, дѣло лежитъ здѣсь гораздо глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Самъ по себѣ юморъ есть не что иное, какъ нѣкоторое въ одно и то же время сложное и непосредственное отношеніе къ дѣйствительности. Юмористъ не рефлексируетъ, не ограничиваетъ своихъ сужденій оговорками, но непосредственно, цѣлостно воспринимаетъ факты одиновременно съ ихъ комической и мелочной стороны и со стороны ихъ глубокой связи съ корнями жизни, со стороны ихъ драматической серьезности. Для юмориста даже самое трагическое происшествіе можетъ окраситься нѣкоторой мыслью или, вѣрнѣе, эмоціей, смягчающей его контуры, ставящей его въ какія-то рамки преходящести, дающей возможность сдобрить горькое чувство какимъ-то добродушнымъ всепрощеніемъ, своеобразнымъ фатализмомъ, чѣмъ-то похожимъ на отгѣнокъ философскаго равнодушія, не мѣшающаго, однако, ни любви, ни негодованію въ ихъ реальныхъ проявленіяхъ. То, что обыкновенно называется юморомъ, есть лишь одностороннее проявленіе этого коренного терпѣнія, въ свѣтѣ котораго вещи слегка обезцѣниваются и улыбка проглядываетъ рядомъ со слезами. Между тѣмъ улыбка есть не что иное, какъ призна-

ніе за данной жизнерадостностью нѣкоторой несерьезности, символъ нѣкоторой, хотя бы чисто психологической, побѣды души надъ объектомъ. Слезы, наоборотъ, выражаютъ крайнее напряженіе психики передъ данной задачей, поставленной судьбою организму и безсиліе его разрѣшить ее. Я могу лишь бѣгло отмѣтить все это, да сейчасъ это и не такъ нужно для меня: я хотѣлъ бы только установить, что во всѣхъ продуктахъ украинской психеи наблюдается это интимное сочетаніе мажорнаго и минорнаго отношеній къ жизни. До нѣкоторой степени юморъ присущъ всякому народу, какъ таковому, т.-е. разумѣя народныя массы, демократію. Объясняется онъ сочетаніемъ огромныхъ и свѣжихъ, неисчерпанныхъ силъ, чувствующихъ за собой право смотрѣть и на медкое, и на крупное до извѣстной степени сверху внизъ, смягчать ненависть презрѣніемъ, восторгъ и преклоненіе — ироніей, горе — надеждой; съ другой стороны — безконечнаго ряда пережитыхъ, оставившихъ наслѣдственныя черты невзгодъ и притѣсненій, которыя, наоборотъ, во всякую чашу меда вливаютъ каплю яда.

Украинскому же народу эта черта присуща по преимуществу. Возьмите, какъ доказательство, его музыку. Знайки отмѣчаютъ, что вообще многіе народные танцы при весьма бурномъ темпѣ взяты тѣмъ не менѣе въ минорѣ. Для украинской музыки это является почти правиломъ. Ея бравурная, ея ликующая пѣсня, ея стихійно-широкіе, порою титанически кружащіеся вихри-танцы почти сплошь написаны въ минорѣ; словно тотъ гигантъ, который пляшетъ передъ нами въ самозабвеніи, остается грустнымъ гдѣ-то въ глубинахъ своего духа, и самое веселье свое высѣкаетъ изъ темнаго мрамора своей печали. И, наоборотъ, ни одинъ народъ не обладаетъ такимъ изумительнымъ количествомъ трогательныхъ пѣсенъ, назначеніе которыхъ можетъ быть только однимъ: растворять тоску въ красотѣ, исцѣлять душу, превращая рыданіе ея въ мелодію.

Мнѣ кажется, что эта смѣсь, если хотите, съ верной печали съ южнымъ блескомъ и живостью, горестной умудренности народной души съ ея здоровой выносливостью, помогающей ей стихійно побуждать или по крайней мѣрѣ подчинять временами основной, исторически сложившейся пессимизмъ, — есть коренная особенность украинской души, вправленной и въ соотвѣтственную рамку. Ибо и обаяніе природы украинской заключается въ томъ, что въ

ея картинахъ мы можемъ вычитать отклики тому же настроенію. Южная глубина ея небесной лазури сочетается съ задумчивостью, интимностью нашего русскаго пейзажа, съ-вернѣе пригнетеннаго слишкомъ негостепрѣимными небесами. Съ благоуханіемъ и роскошью южнаго лѣта Украина соединяетъ торжественно-суровую красоту зимнихъ снѣговъ и обладаетъ тѣмъ чудомъ, котораго лишень европейскій югъ: нашей весной, съ ея музыкой постепеннаго, трогательнаго, сначала робкаго, а потомъ триумфальнаго пробужденія жизни.

Живость темперамента, блескъ воображенія, сдерживаемыя рамками исторически внушеннаго пессимизма. Горечь одной изъ многострадальнѣйшихъ исторій, скорбь одной изъ злополучнѣйшихъ демократій, освѣщенная огромной силой въ жизненности. Сложная гармонія тѣхъ началъ, которыя въ чистомъ видѣ выступаютъ въ сверканіи неглубокаго, но пьянящаго темперамента какого-нибудь неаполитанца и въ угрюмой глубинѣ, желѣзной выдержанности и туманной мечтательности какого-нибудь финна. Вотъ крайне приблизительныя формулы, какія я могу найти, чтобы выразить то впечатлѣніе, которое производитъ на меня юная красавица Украина, нѣсколько вѣковъ уже спящая подъ свинцовой крышей историческаго гнета, но сохранившая въ этомъ снѣ свою многообѣщающую молодость.

А. Луначарскій.

Украинская академія наукъ.

Вѣроятно, не одинъ читатель, прочитавъ заглавіе настоящей статьи, пожметъ въ удивленіи плечами, а то, чего добраго, иронически усмѣхнется: „Украинская академія наукъ! Но развѣ существуетъ наука на украинскомъ языкѣ?“

Вмѣсто праздныхъ толковъ на эту схоластическую тему лучше обратиться къ живой жизни. Я хочу рассказать читателямъ объ украинскомъ Научномъ Обществѣ имени Шевченко (по-украински—„Наукове Товариство імени Шевченка“), уже много лѣтъ плодотворно разрабатывающемъ украинскую науку. Конечно, существуетъ оно не въ Россіи, гдѣ только въ 1906 году спали цѣпи съ украинской литературы вообще и появилась возможность болѣе или менѣе нормальнаго, всесторонняго ея развитія, а за границей, во Львовѣ, столицѣ Галиціи, гдѣ несмотря на всяческія препятствія со стороны правящихъ польскихъ круговъ растетъ и крѣпнетъ украинское національное движеніе.

На дѣятельности Наукового Товариства тѣмъ умѣстнѣе остановиться, что въ прошломъ году исполнилось ровно двадцать лѣтъ существованія его какъ научнаго учрежденія. Но прежде, чѣмъ заговоримъ объ этомъ періодѣ его дѣятельности, скажемъ нѣсколько словъ о предыдущей его исторіи. Она гораздо старше, такъ какъ восходитъ къ 70-мъ годамъ прошлаго столѣтія.

Въ то время, какъ извѣстно, начался уже систематическій походъ противъ украинскаго движенія въ Россіи, вылившійся въ 1876 г. въ небывало суровый „законъ Юзефовича“, на долгое время наложившій печать молчанія на уста многомилліоннаго украинскаго народа. Среди російскихъ украинцевъ невольно возникла мысль перенести свою литературную дѣятельность „за предѣлы досягаемости“, въ Галицію, гдѣ какъ-разъ подъ покровомъ добытой подъ Садовой конституціи началось новое возрожденіе заснувашаго было украинскаго національнаго сознанія, на этотъ разъ уже болѣе успѣшное и плодотворное.

По соглашенію съ вождями молодой народной украинской партіи въ Галиціи основываютъ наши, російскіе, украинцы специальное литературное общество имени Шевченка („Товариство імени Шевченка“), задачей котораго было „способствовать развитію украинской литературы“ (§ 1 его устава). Чтобы успѣшнѣе осуществлять эту задачу, на средства, доставленные изъ російской Украины (около 9 тыс. гульденовъ) ¹⁾, была приобрѣтена типографія, долженствовавшая послужить матеріальною основою для указаннаго развитія.

Въ декабрѣ 1873 года уставъ „Товариства імени Шевченка“ былъ утвержденъ соотвѣтствующими властями, и Товариство вошло въ жизнь. Но долгое время оно не проявляло особенной дѣятельности, ограничиваясь помощью различнымъ изданіямъ народной партіи, выражавшеюся главнымъ образомъ въ пониженіи цѣны за печатаніе, долгосрочномъ кредитѣ и т. п. Такъ помогало Товариство львовскому обществу „Просвіта“, журналу „Правда“ (между прочимъ одинъ годъ оно издавало этотъ журналъ на свои средства) и т. п., пока въ 1885 году не взяло въ свои руки изданіе литературно-семейнаго журнала „Зоря“, характера русской „Нивы“. Передъ этимъ Товариство только изрѣдка выпускало какое-либо изданіе (среди нихъ наибольшее значеніе имѣетъ такая работа, какъ „*Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache*“ (1880 г.) покойнаго проф. О. Огоновскаго).

Изданіе „Зорі“ является довольно важнымъ фактомъ въ исторіи Товариства, такъ какъ этотъ журналъ много способствовалъ оживленію литературнаго движенія и, что особенно важно, болѣе тѣсному общенію Украины російской съ австрійскими украинцами.

Въ „Зорі“ напечатана была первая полная исторія украинской литературы упомянутаго проф. О. Огоновскаго, которая вышла и въ отдѣльномъ изданіи (4 тт. 1887—1894), цѣлый рядъ оригинальныхъ произведеній писателей изъ російской Украины уже заслуженныхъ, какъ Ив. С. Левицкій, а впослѣдствіи, въ 90-хъ годахъ, и молодыхъ, какъ Гринченко, Самійленко, Коцюбинскій, Леся Украинка, Крымскій и проч., не говоря уже о галичанахъ. Кромѣ того въ ней

¹⁾ Инициаторами-основателями изъ рос. украинцевъ являются А. Конисскій, проф. Д. Пильчиковъ и М. Жученко. Они же доставили и денежныя средства. Довольно значительную сумму дала Е. Милорадовичъ.

появился рядъ переводныхъ произведеній, обогатившихъ украинскую литературу, историко-литературныхъ и критическихъ статей и т. д. Многое изъ всего этого вышло также и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Вліяніе „Зорі“ на пробужденіе литературнаго движенія среди російскихъ украинцевъ было тѣмъ сильнѣе, что нѣкоторое время (до 1894 г.) она досволно свободно проникала въ Россію. Но вотъ съ развитіемъ литературнаго движенія начала все болѣе и болѣе чувствоваться потребность въ чисто-научномъ изданіи. И снова инициатива російскихъ украинцевъ совпала съ стремленіями самихъ галичанъ. Въ началѣ 90-хъ гг. подымается вопросъ о преобразованіи литературнаго „Товариства імени Шевченка“ въ научное. Изъ російскихъ украинцевъ настаиваетъ на этомъ особенно покойный А. Я. Конисскій, изъ галичанъ хлопочетъ г. А. Барвинскій, проектъ котораго относительно реформы былъ наконецъ принятъ на общемъ собраніи членовъ Товариства въ 1892 году, и въ концѣ того же года по утвержденіи новаго устава властями „Наукове Товариство імени Шевченка“ вошло въ жизнь.

Преобразованное общество ставило своей задачей не простое содѣйствіе развитію украинской словесности, а „развитіе и разработку науки на украинскомъ языкѣ“ (§ 2 устава).

Вскорѣ Общество развило чрезвычайно интенсивную дѣятельность и настолько успѣло зарекомендовать себя своими солидными работами, что еще почти въ началѣ его существованія различные выдающіеся ученые стали видѣть въ немъ будущую украинскую академію наукъ (ср. отзывъ акад. В. Ягича въ „Archiv für sl. Ph“, XX, 1898).

Этимъ успѣхомъ обязано Общество главнымъ образомъ энергіи проф. М. С. Грушевскаго, который вскорѣ по основаніи Общества былъ приглашенъ въ львовскій университетъ на кафедру исторіи Украины. Еще находясь въ російской Украинѣ, Грушевскій близко стоялъ къ дѣламъ Общества. Уже первая книга ученаго журнала новаго Общества открывалась его статьей. Переселившись во Львовъ, г. Грушевскій становится во главѣ Наукового Товариства, дѣлается редакторомъ его „Записокъ“ (съ 1895 г., de facto еще раньше) и безсмѣннымъ выборнымъ председателемъ (съ 1897 г.). Грушевскій сумѣлъ собрать вокругъ Товариства небольшой кружокъ галицко-украинскихъ уче-

ныхъ, который постепенно сталъ пополняться учениками новаго профессора и его украинскихъ товарищей по университету.

Рядомъ съ Грушевскимъ, развившимъ необыкновенно широкую научную дѣятельность, становится такой ученый, какъ Иванъ Франко, оказавшій Товариству колоссальныя услуги. Можно сказать безъ преувеличенія, что оба они были настоящими столпами Наукового Товариства и врядъ ли безъ нихъ смогло бы оно такъ успѣшно развиваться. Харьковскій университетъ, почтивъ ихъ въ день своего столѣтняго юбилея дипломами докторовъ *honoris causa*, отмѣтилъ ихъ выдающіяся научныя заслуги на полѣ украинской исторіи и исторіи литературы.

Поставивъ себѣ широкія задачи по разработкѣ наукъ вообще, Товариство волею судьбы сгало разрабатывать главнымъ образомъ украинскія дисциплины — исторію Украины, исторію украинской литературы, языкъ, этнографію и т. д. На этомъ пути за двадцать лѣтъ сдѣлало оно очень многое и внесло весьма крупный вкладъ въ украиновѣдѣніе. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что безъ его изданій, которыя въ настоящее время составляютъ порядочную библіотеку, не можетъ обойтись ни одинъ сколько-нибудь серьезный ученый, работающій надъ украинскими дисциплинами или въ сосѣднихъ съ ними областяхъ.

За 20 лѣтъ (1892—1911 г.) Наукове Товариство издало:

1) 98 томовъ своихъ „Записокъ“ („Записки Наукового Товариства імени Шевченка“) — ученый органъ Общества, посвященный главнымъ образомъ украинской исторіи, исторіи литературы и этнографіи. Онъ издается съ 1892 г., въ настоящее время выходитъ 6 разъ въ годъ книжками не менѣе 15-ти печатныхъ листовъ¹⁾.

2) 29 томовъ „Этнографическаго Сборника“ („Етнографічний Збірник“ съ 1895 г.), въ которомъ собранъ весьма цѣнный фольклорный матеріалъ, главнымъ образомъ изъ Галиціи и Угорской Руси.

3) 11 тт. „Этнологическихъ Матеріаловъ“ („Матеріали до української етнології“, тт. I—IX і XII—XIII, съ 1899 г.), посвященныхъ преимущественно описательной этнографіи.

¹⁾ Тт. 99 и 100-й будутъ содержать подробный и систематическій указатель къ „Запискамъ“ за первое 20-лѣтіе ихъ существованія.

—4) 13 тт. „Сборника историческаго отдѣленія“ („Збірник історично-філософичної секції“, съ 1898 г.).

5) 13 тт. „Сборника отдѣленія украинскаго языка и словесности“ („Збірник фельольогічної секції“, также съ 1898 г.).

Въ этихъ двухъ „Сборникахъ“ печатаются болѣе крупныя работы, которыя по своимъ размѣрамъ не могутъ появиться въ „Запискахъ“.

6) 7 тт. „Источниковъ по украинской исторіи“ („Жерела до історії України Руси“ съ 1895 года), основанныхъ для изданія актовыхъ матеріаловъ по украинской исторіи.

7) 6 тт. „Памятниковъ по исторіи украинской литературы и языка“ („Памятки українсько-руської мови і літератури“, съ 1896 г. ¹⁾).

8) 7 тт. „Украинскаго Архива“ („Українсько-руський Архивъ“, съ 1906 г.), собраніе мелкихъ документовъ, описаніе рукописей и т. п.

9) 8 тт. „Украинскоѣ библиотекѣ“ („Українсько-руська бібліотека“, съ 1902 года), предназначенной для критическаго изданія классиковъ новѣйшей украинской литературы. Пока вышли сочиненія Федьковича и „Кобзарь“ Шевченка. Кромѣ того еще ранѣе издало Товариство 4 тт. сочиненій Шевченка подъ ред. проф. О. Огоновскаго (1893—1895 гг.) ²⁾).

10) 2 тт. „Сборника по обществовъдѣнію“ ³⁾ („Студії з поля суспильних наук і статистики“, съ 1909 г.), посвященнаго вопросамъ соціально-экономическимъ.

11) 3 тт. „Матеріаловъ по украинской библіографіи“ („Матеріали до української бібліографії“, съ 1909 года).

12) 14 тт. „Сборника естественно-историческаго и математическаго отдѣленія“ („Збірник математично-природописно-лікарської секції“, съ

¹⁾ Въ настоящемъ году вышелъ 7-й томъ.

²⁾ Независимо отъ этой „Библиотеки“ Товариществомъ изданы сочиненія поэта-драматурга С. Руданскаго (7 томиковъ, выдержавшихъ уже два изданія).

³⁾ Въ 1912 году вышелъ 3-й томъ.

съ 1897 г.)¹⁾. Этотъ сборникъ посвященъ работамъ по математикѣ, природовѣдѣнію и медицины, которыя по своему спеціальному характеру не подходятъ къ „Запискамъ“, какъ органу историческому и историко-литературному.

Извѣстія о текущей ученой работѣ, отчеты Правленія Общества и его учреждений помѣщаются въ „Хроникѣ“ („Хроніка“), выходящей четыре раза въ годъ на украинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (съ 1900 г. вышло 48 №№).

Кромѣ упомянутыхъ выше постоянныхъ, съ правильною періодичностью появляющихся изданій, въ которыхъ регулярно выливается уже окрѣпшая, наладившаяся работа Общества, слѣдуетъ упомянуть о цѣломъ рядѣ другихъ изданій его, по тѣмъ или инымъ причинамъ въ настоящее время уже прекращенныхъ.

Такъ, болѣе не выходитъ „Юридическій Журналъ“ („Часопись Правнича“), издававшийся Науковымъ Товариществомъ въ 1894—1900 гг., подъ ред. д-ра К. Левицкаго, теперешняго предсѣдателя Украинскаго клуба въ сеймѣ и парламентѣ (7 тт.)²⁾, и замѣнившій его „Журналъ права и экономіи“ („Часопись правнича і економічна“) подъ ред. проф. С. Днистрянскаго (1900—1906 гг.—9 тт.). До извѣстной степени замѣненъ этотъ пробѣлъ упомянутыми выше „Студіями“. Впрочемъ „Студія не имѣетъ того узко-спеціального юридическаго характера, какимъ отличались эти журналы³⁾.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть 4 книги „Юридической бібліотеки“ („Правнича бібліотека“ 1901—1902 гг.), посвященныхъ крупнымъ спеціальнымъ работамъ по австрійскому праву (австрійское обязательственное право проф. С. Днистрянскаго и австрійскій уголовный процессъ проф. П. Стебельскаго).

Кромѣ этого Товариство издавало „Историческую Библиотеку“ („Історична Бібліотека“⁴⁾), въ которой по-

¹⁾ Въ 1912 г. вышелъ 15-й томъ.

²⁾ Въ 1889—1891 гг. К. Левицкій самъ издалъ 3 тома журнала.

³⁾ Дѣйствительнымъ наследникомъ упомянутыхъ журналовъ является „Вѣстникъ Права“ (Правничій Вістник), издаваемый уже 2-й годъ Украинскимъ Юридическимъ Обществомъ (Товариство українсько-руськихъ правників) подъ ред. проф. С. Днистрянскаго.

⁴⁾ Издавалась сначала А. Барвинскимъ (съ 1883 г. и до 1894 г.—15 тт.), въ 1894 г. изданіе ея перешло къ Науковому Товариству которое вело его до 1904 г., издавъ еще 9 тт.

мѣщались переводы русскихъ монографій по украинской исторіи) и литературные журналы: упомянутый выше еженедѣльникъ „Заря“ („Зоря“) и смѣнившій его въ 1898 году ежемѣсячникъ „Литературно-Научный Вѣстникъ“ („Літературно-Наукової Вістник“), одинъ изъ лучшихъ общелитературныхъ украинскихъ журналовъ. Въ маѣ 1905 года Товариство передало этотъ журналъ издательству „Українсько-руська Видавнича Спілка“, которое ведетъ его и до сихъ поръ.

Изданіе помянутыхъ журналовъ являлось наслѣдіемъ дореформеннаго прошлаго, когда Общество ставило своей цѣлью вообще способствовать развитію родной литературы. Теперь же, съ развитіемъ, расширеніемъ и укрѣпленіемъ общенациональнаго движенія явилась возможность ограничиться лишь строго-научной дѣятельностью. Но конечно, при исторической оцѣнкѣ дѣятельности общества не должна быть забыта и только-что упомянутая чисто литературная его производительность¹⁾.

Какъ видитъ читатель, уже одна издательская дѣятельность нашего Товариства говоритъ, что оно является крупнымъ научнымъ учрежденіемъ. Но это издательство, хотя и составляетъ главнѣйшую сторону его дѣятельности, далеко, однако, не исчерпываетъ ея. Есть еще иныя, не менѣе важныя ея стороны: Наукове Товариство содержитъ музей и библіотеку, которые, несмотря на сравнительно недавнее основаніе и на скудость средствъ, какія Товариство въ состояніи имѣть удѣлять, успѣшно развиваются и представляютъ въ настоящее время весьма цѣнныя собранія книгъ и предметовъ изъ украинскаго быта и старины. Особенно цѣнна библіотека своимъ подборомъ книгъ. Въ Австріи это единственная библіотека, гдѣ такъ подобраны *Ukrainica*, да, вѣроятно, и въ Россіи, кромѣ Императорской Публичной библіотеки и библіотеки Румянцевскаго музея въ Москвѣ, врядъ ли найдется другое болѣе крупное собраніе книгъ на русскомъ языкѣ на украинскія темы; объ иноязычныхъ же изданіяхъ на эти темы и о чисто украинскихъ изданіяхъ ужъ и говорить не приходится: тутъ библіотека Наукового Товариства просто незамѣнима. По праву ее можно назвать единственнымъ на всей украинской

¹⁾ Кромѣ научныхъ и литературныхъ изданій Товариство издало также нѣсколько учебниковъ и учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній.

территоріи всеукраинскимъ національнымъ книгохранилищемъ.

Къ началу 1912 г. въ бібліотекѣ насчитывалось около 60 тыс. томовъ (въ настоящее время свыше 62 тысячъ). При бібліотекѣ имѣется небольшой архивъ (собрание рукописей и проч.) и отдѣленіе старопечатныхъ книгъ, также главнымъ образомъ украинскихъ.

Въ самое послѣднее время (въ концѣ 1910 г.) рядомъ съ бібліотекой возникло иное учрежденіе — библиографическое бюро, спеціальною цѣлью котораго является слѣдить за украинской книжной продукціей, комплектовать чисто украинское отдѣленіе и составлять изъ года въ годъ текущую бібліографію всего появляющагося на украинскомъ языкѣ.

Быстрое возрастаніе книжныхъ богатствъ бібліотеки зависитъ въ значительной степени отъ пожертвованій земляковъ. Въ послѣднее время среди авторовъ и издательствъ входитъ мало-по-малу въ обычай (главнымъ образомъ, конечно, въ Галиціи) посылать одинъ экземпляръ своего изданія Науковому Товариству. Кромѣ того многіе дарятъ и старыя изданія, такъ какъ бібліотека существуетъ собственно съ 1897 года, когда впервые было упорядочено небольшое собраніе книгъ, накопившихся съ основанія Общества (главнымъ образомъ благодаря пожертвованіямъ членовъ), и бібліотека стала открыта для публики.

Другой источникъ—это обмѣнъ съ другими учеными обществами, учрежденіями и издательствами. Надо замѣтить, что Наукове Товариство имѣетъ очень широкія связи въ ученомъ мірѣ: въ прошломъ году въ обмѣнѣ изданіями съ нимъ состояло 335 научныхъ учрежденій и издательствъ въ различныхъ концахъ земного шара, въ томъ числѣ 26 академій наукъ (всѣ — славянскія), 196 научныхъ обществъ, комитетовъ, комиссій и проч., 113 научныхъ и иныхъ изданій, газетъ и журналовъ. Путемъ обмѣна получила бібліотека свыше 2,000 томовъ да слишкомъ 4,000 томовъ путемъ пожертвованій (отъ 257 лицъ; въ предыдущемъ году отъ 179 лицъ).

Кромѣ музея и бібліотеки Товариство имѣетъ еще свой собственный книжный магазинъ, свою типографію и переплетную мастерскую. Насколько важно національно-культурное значеніе этихъ учрежденій,

видно изъ того, что до сихъ поръ это единственныя такого рода украинскія предпріятія. Только въ самое послѣднее время возникла во Львовѣ вторая украинская типографія, принадлежащая издательскому комитету большой украинской ежедневной газеты „Діло“.

Помимо культурно-національнаго значенія только-что упомянутыя предпріятія имѣютъ для Товариства и непосредственное значеніе, какъ источникъ дохода, особенно типографія, въ которой не только даромъ печатаются всѣ изданія Товариства, но и обязательно всѣ официальныя изданія для народныхъ школъ на украинскомъ языкѣ (учебники и проч.). Эта привилегія Науковаго Товариства, выхлопотанная при самомъ его основаніи, имѣетъ существенное значеніе для его довольно скромнаго бюджета.

Упомянувъ о различныхъ предпріятіяхъ Товариства, нельзя умолчать еще объ одномъ культурномъ учрежденіи, хотя и не имъ основанномъ, но находящемся на его попеченіи. Я имѣю въ виду Студенческое Общежитіе (Академічний Дім), въ которомъ за очень дешевую плату находятъ приютъ нѣсколько десятковъ студентовъ университета и политехникума. При чрезвычайной бѣдности галицко-украинской учащейся молодежи это общежитіе оказываетъ ей большую поддержку. Къ сожалѣнію, нѣтъ средствъ его расширить, а на помощь областного управления нельзя рассчитывать: щедрое для всякаго рода польскихъ учреждений оно глухо къ просьбамъ со стороны украинскихъ. Только въ минувшемъ году сеймъ рѣшилъ дать на общежитіе, существующее съ 1906 года, небольшую сумму (2,000 кронъ), хотя польскому съ самаго открытія выдаетъ довольно значительную субсидію.

Помимо указанныхъ 2,000 кр. Товариство получило въ минувшемъ году слѣдующія суммы на свои научныя нужды: 17 тыс. кронъ отъ галицкаго сейма¹⁾, 1,000 кр. отъ буковинскаго (исключительно на изданіе сочиненій Федьковича, уроженца Буковины) и 20 тыс. кр. отъ министерства просвѣщенія, т.-е. всего-на-всего 38,000 кр., т.-е. на наши деньги не болѣе 15,200 рублей, между тѣмъ какъ лишь на одни свои изданія, не считая всего прочаго, израсходовало оно

¹⁾ Въ то же время на краковскую академію наукъ, располагающую миллионными средствами, сеймъ отпустилъ 112.000 кр., а на другія польскія научныя просвѣтительныя общества и издательства—59.600 кр., между тѣмъ какъ на всѣ украинскія вмѣстѣ всего 42.300 кр.

около 46 тыс. кронъ, т.-е. на 3,200 руб. больше, чѣмъ получило. На свои изданія Товариство израсходовало около 46 тысячъ кронъ, не считая расходовъ на другія научныя цѣли (археографическая комиссія, этнографическая экспедиція, музей, библіотека), на которыя израсходовано еще около 10½ тыс. кронъ.

Общая сумма расходовъ Товариства, вмѣстѣ съ содержаніемъ типографіи, книжнаго магазина и пр., доходила до 400 тыс. кронъ. Небольшой излишекъ дохода надъ этой суммой весь уходилъ на научныя цѣли, такъ какъ субсидіи на этотъ предметъ были невелики. Да если бы онѣ были и гораздо больше, то и тогда Товариство сводило бы только концы съ концами, такъ какъ соотвѣтственно этому расширилась бы его научная работа. Впервые Товариство получило субсидію въ 1894 г.—4,000 кронъ,—по 2 тыс. отъ сейма и министерства.

Такое отношеніе областного и центрального правительства къ нуждамъ Товариства не можетъ не отражаться крайне неблагоприятно на его работѣ. Она могла бы быть еще шире, чѣмъ есть, если бы это позволяли средства. Многія изданія приходится откладывать, отъ осуществленія многихъ научныхъ плановъ отказываться, скупиться въ тратахъ на музей, библіотеку, урѣзывать расходы на различнаго рода научныя предпріятія—археографическія, этнографическія экскурсіи и т. п. И все-же приходится только удивляться, какъ при такихъ скудныхъ средствахъ Товариство развилось въ крупное научное учрежденіе.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ внутренней стороны дѣятельности Наукового Товариства, слѣдуетъ добавить еще два—три штриха къ характеристикѣ ея внѣшней стороны.

Въ прошломъ году Товариство насчитывало около 250 членовъ (247), дѣйствительныхъ и обыкновенныхъ,—почти вдвое больше, чѣмъ въ 1892 г. (133 чл.). Въ дѣйствительные члены избираются лица, имѣющія извѣстныя заслуги въ разработкѣ украинской науки вообще и въ частности украиновѣдѣнія. Обыкновеннымъ членомъ можетъ сдѣлаться всякій, кто будетъ принять правленіемъ и уплатить 12 кр. (т.-е. около 5 р.). Дѣйствительные члены избираются соотвѣтствующими отдѣленіями (секціями) Товариства и утверждаются правленіемъ. Секцій три: историческая, филологическая и естественно-математическая. При

секціяхъ состоитъ рядъ комиссій, членами которыхъ могутъ быть и обыкновенные члены Товариства. Комиссіи являются вспомогательными органами секцій и созданы для болѣе специальныхъ цѣлей. Рѣшенія ихъ утверждаются соответствующими секціями. Комиссій имѣется шесть: археографическая, библиографическая, статистическая, этнографическая, языковая и физиологическая.

Въ научныхъ вопросахъ, обсуждаемыхъ на засѣданіяхъ секцій, рѣшающей голосъ имѣютъ только дѣйствительные члены.

Обыкновенные члены имѣютъ голосъ на общихъ собраніяхъ, рѣшающихъ административные и хозяйственные вопросы, избирающихъ правленіе и проч. Во главѣ правленія и Общества стоитъ предсѣдатель, которымъ является, какъ уже было упомянуто, безсмѣнно проф. М. С. Грушевскій.

Въ различныхъ учрежденіяхъ Общества занято было въ минувшемъ году свыше 80 служащихъ, которымъ выплачено свыше 100 тыс. кр. жалованья, не считая расходовъ на страхованіе жизни, пенсій и т. п.

Товариство имѣетъ два большихъ трехэтажныхъ дома (впрочемъ, одинъ купленъ лишь въ этомъ году, а другой принадлежитъ собственно не Товариству, а особому фонду, окончательно еще не переданному его основателемъ), не считая Общежитія, помѣщающагося также въ собственномъ зданіи. Слѣдуетъ еще упомянуть, что при Товариствѣ имѣется цѣлый рядъ фондовъ, образовавшихся путемъ пожертвованій и завѣщаній со специальнымъ назначеніемъ: изъ одного выдаются стипендіи бѣднымъ студентамъ, изъ другого—нуждающимся литераторамъ, третій назначенъ для приготовления молодыхъ ученыхъ и т. д. Къ сожалѣнію, все это фонды очень скромные.

Въ общемъ приведенныя данныя, кажется, достаточно убѣдительно свидѣтельствуютъ, что Наукове Товариство представляетъ собою крѣпкое жизненное и жизнеспособное явленіе.

Подробная критическая оцѣнка всей научной работы Наукового Товариства не входитъ въ задачу моей статьи, преслѣдующей чисто інформаціонныя цѣли ознакомленія широкихъ круговъ русскаго общества съ неизвѣстнымъ ему научнымъ учрежденіемъ. Я не могу даже подробнѣе остановиться на содержаніи изданій Наукового Товариства,

такъ какъ это значительно расширило бы рамки моего скромнаго очерка. Поэтому ограничусь лишь общими указаніями и замѣчаніями, отсылая интересующихся къ обстоятельнымъ статьямъ М. С. Грушевскаго¹⁾ и А. С. Грушевскаго²⁾.

Наиболѣе полно представлена въ изданіяхъ Товариства исторія Украины, ея народа и территоріи. По археологіи цѣнны въ особенности статьи проф. Ф. Волкова (Вовка) и проф. М. Грушевскаго. По исторіи Украины монументальный трудъ далъ опять-таки проф. Грушевскій, напечатавшій въ „Сборникѣ историческаго отдѣленія“ семь объемистыхъ томовъ своей „Исторіи України—Руси“ (доведена до 1625 г.) и цѣлый рядъ изслѣдованій, статей, замѣтокъ и рецензій въ „Запискахъ“. Въ „Источникахъ“ онъ опубликовалъ очень цѣнные матеріалы по экономической и соціальной исторіи Галиціи и правобережной Украины временъ польскаго владычества.

Рядъ учениковъ его работаютъ по большей части въ отдѣльныхъ областяхъ украинской исторіи: прив.-доц. С. Томашевскій, прив.-доц. С. Рудницкій, прив.-доц. М. Кордуба, В. Герасимчукъ, Ив. Крипякевичъ, покойный В. Доманицкій дали рядъ работъ по исторіи козаччины, Ив. Джиджора по исторіи гетьманщины XVIII в., Ив. Кревецкій по исторіи Галиціи со времени ея присоединенія къ Австріи; по исторіи Галицкой Украины польскихъ временъ имѣемъ любопытныя статьи упомянутого уже И. Крипякевича, а также Ф. Срибнаго (о львовскомъ Ставропигіальномъ братствѣ). Церковной уніи посвящены любопытныя работы преждевременно умершаго молодого историка Б. Бучинскаго, интересовавшагося и внутреннею исторіею Великаго Княжества Литовскаго.

Мазепѣ и его времени посвящена особая юбилейная книжка „Записокъ“ съ цѣлымъ рядомъ интересныхъ работъ (М. и А. Грушевскихъ, С. Томашевскаго и др.).

Исторія литературы представлена работами Ив. Франка, проф. К. Студинскаго, др. В. Щурата, А. Сушка, проф.

¹⁾ М. Грушевскій, Львовское ученое общество имени Шевченка и его вклады въ изученіе Южной Руси. „Журналъ Мин. Нар. Просв.“, 1904, мартъ, ст. 117—148.

²⁾ А. С. Грушевскій, Наукове Товариство імени Т. Шевченка и его изданія 1905—1909 гг. „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ“, 1911, кн. 3, ст. 66—132.

А. Колессы, О. Маковей, М. Возняка, покойнаго А. Конисскаго, въ послѣднее время проф. В. Перетца и др.

Работы Франко относятся къ различнымъ періодамъ; проф. Студинскій и его ученики (Сушко, Вознякъ, Тершаковецъ и др.) работаютъ преимущественно въ области церковно-полемической литературы XVI—XVII вв. и времени литературнаго возрожденія Галицкой Украины, главнымъ образомъ въ 30—40 гг. XIX в.

Покойный А. Конисскій далъ большую двухтомную монографію о Т. Шевченко (въ „Сборникѣ отд. укр. яз. и сл.“). Хорошую біографію Федьковича (тщательно собраны внѣшнія данныя) далъ въ „Укр. Библиотекѣ“ О. Маковей, которому принадлежитъ „Собраніе матеріаловъ къ біографіи“ буковинскаго кобзаря, изданное въ той же „Библиотекѣ“. Ив. Франко и проф. О. Колесса здѣсь же издали собраніе сочиненій Федьковича (стихотворенія, повѣсти, рассказы и драмы). Изъ памятниковъ средняго періода украинской литературы слѣдуетъ отмѣтить изданія проф. К. Студинскаго нѣкоторыхъ произведеній полемической литературы XVI—XVII в.

Меньше работъ имѣется въ изданіяхъ Науковаго Товариства по новѣйшей украинской литературѣ въ Россіи, а именно: нѣсколько работъ надъ Шевченкомъ И. Франка, А. Колессы, Ю. Романчука и др.,—число слишкомъ недостаточное, особенно для Общества, носящаго его имя,—работа В. Доманицкаго о Марко-Вовчкѣ, И. Стешенка объ А. Стороженькѣ и нѣсколько статей А. Грушевскаго о 40-хъ годахъ.

Для исторіи украинской драмы больше всего сдѣлалъ опять-таки Ив. Франко своими изслѣдованіями въ области старинной драматической литературы.

Ему же принадлежитъ изданіе грандіознаго корпуса апокрифовъ въ украинскихъ редакціяхъ,—трудъ, одинаково важный и для историка литературы, и для историка языка; особенно цѣнны вводныя статьи издателя (въ „Памятникахъ“).

По исторіи языка сравнительно мало работъ,—выдающихся филологовъ Товариство не имѣетъ. Зато чрезвычайно много собрано сырого матеріала для изученія украинскаго языка въ его многочисленныхъ нарѣчіяхъ. На этомъ поприщѣ извѣстенъ особенно Ив. Верхратскій, давшій рядъ работъ, въ которыхъ собранъ богатый матеріаль для изученія галицкихъ и угорскихъ говоровъ.

Фольклорный матеріаль (пѣсни, сказки, легенды, пословицы и т. д.) изданъ въ весьма значительномъ количествѣ, главнымъ образомъ трудами выдающагося галицко-украинскаго этнографа В. Гнатюка, избраннаго за свои ученія заслуги членомъ-корреспондентомъ петербургской академіи наукъ. Онъ издалъ большое собраніе коломыекъ и рядъ чрезвычайно-цѣннаго матеріала изъ Угорской Руси. Неутомимый Франко поработалъ немало и въ области этнографіи, издавъ корпусъ галицко-украинскихъ пословицъ.

Для изученія гуцуловъ, чрезвычайно оригинальныхъ и интересныхъ украинскихъ горцевъ восточныхъ Карпатъ, даетъ много цѣннаго матеріала работа В. Шухевича, „Гуцульщина“, 4 тт. (въ „Матеріалахъ по этнологіи“).

Ф. Колесса далъ интересныя работы объ украинскихъ думахъ („Записки“ и только-что упомянутые „Матеріалы“). Кромѣ этихъ лицъ въ области этнографіи работало еще много иныхъ (О. Роздольскій, И. Свѣнцицкій и др). Меньше, чѣмъ для фольклора, сдѣлано въ области описательной этнографіи, но и здѣсь имѣется рядъ очень важныхъ работъ, помѣщенныхъ главнымъ образомъ въ „Матеріалахъ по этнологіи“. Зато работъ теоретическаго характера въ указанныхъ областяхъ очень мало.

За исключеніемъ работъ покойнаго М. П. Драгоманова, основанныхъ на широкомъ сравнительно-историческомъ изученіи фольклорнаго матеріала (изданы въ 4 тт. въ „Сборникъ отд. укр. яз. и сл.“) и также уже покойнаго М. Дикарева, посмертныя произведенія котораго изданы въ томъ же „Сборникъ Товариства“, почти не приходится ничего указать. Кромѣ В. Гнатюка и И. Свѣнцицкаго никто не пробовалъ разрабатывать сырой матеріаль.

Я только бѣгло указалъ рядъ работъ, болѣе характерныхъ для Науковаго Товариства, и многого не коснулся не только по недостатку мѣста, но въ виду специальности затрагиваемыхъ вопросовъ. Таковы, напр., работы естественно-математическаго и медицинскаго отдѣленія. Да и важны онѣ главнымъ образомъ постольку, поскольку даютъ матеріаль для выработки украинской терминологіи въ этой области. Особенно выдающихся работъ здѣсь не имѣется, и, по моему мнѣнію, младшая сестра львовскаго Общества „Українське Наукове Товариство въ Київі“ дало въ области изученія природы, медицины и техническихъ наукъ болѣе цѣнныя работы.

Но зато въ области украиновѣдѣнія, особенно въ области изученія Галиціи (но не исключительно), „Наукове Товариство ім. Шевченка“ совершило дѣйствительно необычайно много. И при какихъ условіяхъ! Вѣдь научныхъ силъ въ Галиціи такъ немного, а условія научной работы такъ неблагопріятны! Единственный большой городъ въ Восточной украинской Галиціи—Львовъ, гдѣ можно болѣе или менѣе успѣшно работать, гдѣ имѣются бібліотеки, архивы, музеи; остальные города—это малокультурныя, грязныя дыры, подчасъ хуже любого уѣзднаго городишка на російской Украинѣ. Ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ничего подобнаго хотя бы нашимъ городскимъ общественнымъ бібліотекамъ или фундаментальнымъ при гимназіяхъ. Молодой студентъ, начавшій работать въ университетѣ и заявившій себя нѣсколькими удачными литературно-научными опытами, уходя изъ Львова на службу учителемъ, судьей, адвокатомъ, врачомъ въ провинціи и оставаясь тамъ надолго, почти гибнетъ для науки. Кромѣ того вообще общественно-политическія условія Галиціи таковы, что не благопріятствуютъ научной кабинетной дѣятельности. Борьба съ польскимъ гнетомъ, отстаиваніе украинскаго достоянія отъ польскаго захвата, отвоевываніе у поляковъ принадлежащаго украинскому народу по праву—все это создаетъ настроеніе боевой, лагерной жизни, а не мирной, кабинетной. Но провинція сверхъ этого,—ежедневная практическая дѣятельность въ просвѣдительныхъ, финансовыхъ, экономическихъ и иныхъ имъ подобныхъ учрежденіяхъ,—захватываетъ человѣка цѣликомъ, не оставляя необходимаго досуга. Въ университетѣ же польскій сенатъ (совѣтъ профессоровъ) не допускаетъ украинцевъ къ кафедрамъ, боясь его украинизаціи. Всѣмъ этимъ и объясняется тотъ на первый взглядъ странный фактъ, что многихъ именъ, встрѣченныхъ въ предыдущихъ книжкахъ „Записокъ“, въ послѣдующихъ не замѣчаемъ. Такъ утрачено для науки очень много дарованій.

Если все это примемъ во вниманіе, если вспомнимъ, что Восточная Галиція это всего-на-всего какихъ-нибудь двѣ русскихъ губерніи, то не сможемъ не остановиться съ изумленіемъ предъ дѣятельностью Наукового Товариства.

Какая-нибудь ученая архивная комиссія на Украинѣ съ нимъ, конечно, и сравниваема не можетъ быть, да и университетская наука Кіева, Харькова и Одессы едва ли стоитъ

выше, а что касается изученія родного украинскаго народа, то она скандально отстала отъ Товариства.

Дѣятельность „Науковаго Товариства“ свидѣтельствуешь, что въ силахъ создать дѣйственная любовь къ родному народу. „Наукове Товариство“ не стояло въ сторонѣ отъ живой жизни. Кромѣ чисто научной работы, оно отзывалось и на проклятые вопросы дня. Такъ, оно энергично протестовало противъ ограниченія правъ украинскаго языка на кievскомъ археологическомъ съѣздѣ въ 1899 г., а впоследствии бойкотировало черниговскій за такое же отношеніе, обращалось съ докладными записками и петиціями къ австрійскому правительству по поводу небрежнаго отношенія польскаго областного школьнаго совѣта къ преподаванію украинскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, по поводу основанія украинскаго университета во Львовѣ, австро-русскаго торговаго договора, по милости котораго украинскія изданія облагаются русскими властями необычайно высокой пошлиной, чѣмъ de facto задержанъ ввозъ украинскихъ изданій, даже научныхъ, на россійскую Украину (польскія и иныя изданія свободны отъ такого обложенія) и т. д.

Выше я упоминалъ о высокой оцѣнкѣ работы нашего Товариства со стороны настоящихъ ученыхъ. Выдержкою изъ письма академика А. Шахматова къ проф. М. С. Грушевскому (по поводу избранія въ дѣйствительные члены Товариства) я позволю себѣ закончить свою статью.

„Вы, конечно, повѣрите мнѣ,—писалъ А. А. Шахматовъ,—когда я говорю съ восторгомъ о Вашемъ, теперь могу сказать нашемъ Обществѣ, мое русское сердце бьется съ гордостью при мысли о томъ, какое великое научное дѣло совершено при скудныхъ средствахъ и стѣсненныхъ обстоятельствахъ нашими собратьями, руководимыми вами, въ зарубежномъ Львовѣ. Я часто говорю, что дѣятельности Товариства можетъ позавидовать любая академія“¹⁾.

В. Дорошенко.

¹⁾ См. М. Грушевскій, Призабута справа. „Літерат. - Науков.-Вістн.“ 1911, кн. XI, ст. 289.

Спорные вопросы въ области польско-украинскихъ отношеній¹⁾.

I.

Взаимоотношенія руководящихъ круговъ польской и украинской интеллигенціи крайне ненормальны. Въ Галиціи обостреніе національной борьбы привело къ такому нагроможденію ненависти, что о созданіи какого-нибудь *modus vivendi* въ данный моментъ не можетъ быть и рѣчи. Тѣмъ болѣе, что среди руководителей польскихъ партій почти нѣтъ людей, ориентирующихся какъ слѣдуетъ въ характерѣ и тенденціяхъ украинскаго національнаго движенія. Въ этомъ отношеніи наблюдается регрессъ, такъ какъ старые польскіе демократы, сошедшіе теперь со сцены, несомнѣнно обладали и болѣе основательнымъ знакомствомъ съ украинскими дѣлами, и болѣе широкими принципіальными взглядами на желательное направленіе развитія польско-украинскихъ отношеній въ будущемъ. Ничего этого нѣтъ у господствующихъ въ настоящее время въ польскомъ общественномъ мнѣніи націоналистовъ. Правда, польскій націонализмъ уже пережилъ въ Галиціи апогей своего развитія, и главная его представительница, національ-демократическая партія (н.-д.), вошла въ стадію затажного внутренняго разложенія. Тѣмъ не менѣе созданный ею націоналистическій туманъ все еще окутываетъ польско-украинскія отношенія. И значительная часть польской интеллигенціи въ Галиціи, даже порвавшая съ н.-д., все еще находится подъ вліяніемъ ея концепціи украинскаго вопроса. Концепція же эта представляетъ изъ себя не что иное, какъ приноровленный къ польско-украинскимъ отношеніямъ сколокъ съ прусскаго „гакатизма“. Достойные ученики прусскихъ гакатистовъ проповѣдуютъ борьбу съ украинствомъ à outrance, пользуясь при этомъ всѣми

¹⁾ Слѣдуя своему постоянному принципу, редакція даетъ мѣсто настоящей статьѣ польскаго публициста въ интересахъ всесторонняго освѣщенія польско-украинскихъ отношеній, хотя и не раздѣляетъ нѣкоторыхъ положеній автора.

средствами: поддержкой москвофиловъ, обвиненіемъ украинцевъ въ полученіи „прусскихъ марокъ“, доносами на два фронта—передъ Австріей и передъ Россіей—и т. д.

Націоналистическая вакханалія, организованная польской н.-д. и опирающейся на крайнее невѣжество широкихъ круговъ польской интеллигенціи въ вопросахъ украинской жизни, совпала съ сильнымъ ростомъ украинскаго націонализма. Взаимодѣйствіе двухъ этихъ факторовъ галиційской жизни дало въ результатъ и убійство намѣстника Потоцкаго, и смерть Коцка, и цѣлый рядъ безобразнѣйшихъ выходокъ челоувѣконенавистничества, —вплоть до печатанія въ газетахъ фактовъ уголовной хроники непремѣнно подъ заглавіемъ „Польская культура“ (въ украинскихъ изданіяхъ) или „Украинская культура“ (въ польскихъ изданіяхъ).

Польско-украинская борьба на галиційской почвѣ кидаетъ тѣнь и на польско-украинскія отношенія въ предѣлахъ Россіи, гдѣ до сихъ поръ не было непосредственныхъ поводовъ для вспышекъ національной вражды двухъ въ одинаковой мѣрѣ обездоленныхъ „инородческихъ“ интеллигенцій. Обѣ жили здѣсь въ полномъ взаимномъ обособленіи, совершенно другъ-другомъ не интересуясь. А такъ какъ украинское политическое движеніе — явленіе сравнительно очень недавнее, то съ политическими элементами украинства полякамъ вовсе не приходилось сталкиваться. Обостреніе польско-украинской борьбы въ Галиции заставило и варшавскую прессу удѣлить этому факту серьезное вниманіе. А такъ какъ въ періодъ реакціи, послѣ крушенія конституціонныхъ надеждъ въ Царствѣ Польскомъ, „хозяиномъ положенія“ оказалась н.-д. (руководимая тѣми же лицами, которыя создали и на галиційской почвѣ „польскій гакатизмъ“), то и тутъ общественное мнѣніе стало обрабатываться въ духѣ ея концепціи польско-украинскихъ отношеній. Правда, здѣсь эта концепція не приобрѣла себѣ популярности. Ею прониклись только органы н.-д., консервативная же, прогрессивная и радикальная печать осталась при своемъ „особомъ мнѣніи“. Къ сожалѣнію, послѣднее опредѣлилось скорѣе антагонизмомъ къ н.-д., нежели знакомствомъ съ фактами. Въ чуждыхъ націонализму польскихъ кругахъ господствовалъ взглядъ, поэтическое выраженіе которому далъ Г. Сенкевичъ въ одномъ изъ эпизодовъ „Пана Володыевскаго“ (заклятые

враги, польскій шляхтичъ и украинскій землевладѣлецъ, становятся друзьями, попадая вмѣстѣ въ неволю на турецкую галеру). Однако о реальномъ содержаніи украинскаго движенія варшавская публицистика имѣла и имѣетъ весьма смутное представленіе. Въ силу совершенно понятныхъ причинъ польское общество (не исключая и тѣхъ его частей, которыя солидарны съ н.-д. въ оцѣнкѣ украинскаго движенія на галиційской почвѣ) относится къ украинскому движенію въ Россіи съ симпатіей. Симпатія эта, конечно, совершенно платоническая и не предполагающая никакихъ практическихъ шаговъ въ ближайшемъ будущемъ вслѣдствіе почти полнаго отсутствія почвы для нихъ.

Однако, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что раньше или позже эта почва не явится. Весьма возможно, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ явится даже настоятельная потребность создать извѣстное соглашеніе чисто-практическаго характера родственныхъ по духу и идейнымъ стремленіямъ польскихъ и украинскихъ элементовъ. И къ этому, по моему мнѣнію, должны стремиться представители прогрессивно-демократической интеллигенціи обѣихъ народностей. А для того, чтобы изъ этихъ благихъ стремленій вышло что-нибудь дѣйствительно нужное, слѣдуетъ исподволь подготавливать соотвѣтственную почву путемъ ознакомленія польской интеллигенціи съ украинскими дѣлами, украинской же — съ польскими.

Исполняя по мѣрѣ возможности эту задачу среди моихъ земляковъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ бы на страницахъ „Украинской Жизни“ коснуться цѣлаго ряда вопросовъ, по которымъ взгляды поляковъ и украинцевъ (даже близкихъ по своимъ принципіальнымъ воззрѣніямъ) рѣзко расходятся. Мнѣ кажется, что выясненіе именно этихъ вопросовъ (а ихъ вѣдь немало) можетъ лучше всего содѣйствовать ознакомленію съ коренными причинами польско-украинскаго разлада. Это тѣмъ болѣе важно, что какъ у поляковъ, такъ и у украинцевъ немало накопившихся годами предубѣжденій и шаблоновъ, совершенно не соотвѣтствующихъ реальной дѣйствительности современнаго момента. Какъ эти традиціонные шаблоны непримѣнимы къ явленіямъ жизни переживаемаго нами времени, не трудно убѣдиться хотя бы на общеизвѣстныхъ галиційскихъ примѣрахъ.

Что, кажется, могло бы быть естественнѣе традиціонной вражды польскихъ аграріевъ къ украинскому движенію, какъ къ демократическому, крестьянскому? А между тѣмъ мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ фактами, что отношеніе аристократовъ-аграріевъ къ украинцамъ несравненно справедливѣе отношенія къ нимъ разнаго оттѣнка демократовъ. Польскій графъ Шептыцкій уже въ зрѣломъ возрастѣ переходитъ въ украинскій лагерь и становится однимъ изъ виднѣйшихъ его представителей. Націоналистское „Діло“ восхваляетъ подавшаго въ отставку краевого маршала гр. Бадени, а социаль-демократическій органъ цитируетъ статью ультраконсервативнаго органа по вопросу объ украинскомъ университетѣ для того, чтобы пристыдить демократовъ. Нѣтъ, кажется, болѣе распространеннаго мнѣнія, чѣмъ то, что сторонники „исторической Польши“ являются самыми заклятыми противниками украинскаго движенія. А между тѣмъ стоящіе на почвѣ „исторической“ польской государственности представители т.-н. „фронды“ въ своихъ взглядахъ на украинскую самостоятельность не только опередили сторонниковъ „этнографической Польши“, но и довольно радикальныхъ украинскихъ политиковъ. Шаблонный взглядъ на тождество классовыхъ интересовъ пролетаріата польской и украинской національностей заставлялъ бы предполагать, что взаимныя отношенія польскихъ и украинскихъ с.-д. въ Галиціи — идиллія. Между тѣмъ въ дѣйствительности мы видимъ нѣчто совершенно обратное тому. Точно такъ же шаблонный взглядъ на польскія національныя стремленія совершенно исключаетъ поддержку какой бы то ни было польской группой москвофиловъ. А вотъ націоналисты изъ н.-д. умудрились-таки ввести это въ обиходъ польской политической тактики.

Все это требуетъ пересмотра прежнихъ взглядовъ и установившихся шаблоновъ, такъ какъ они, повидимому, совершенно устарѣли. И существуетъ цѣлый рядъ вопросовъ первостепеннаго значенія для будущности польско-украинскихъ отношеній, которыя могутъ только вызвать недоумѣнное раздраженіе, если къ нимъ приступать съ устарѣвшими шаблонами.

Такимъ вопросомъ является прежде всего х о л м с к і й.

Какъ извѣстно, противъ отдѣленія отъ Царства Польскаго восточныхъ частей Сѣдлецкой и Люблинской губерній и образованія изъ нихъ новой, Холмской, высказа-

лось самымъ рѣшительнымъ образомъ все польское общество. Консерваторы-угодовцы, національ-демократы, націоналистическая „фронта“, прогрессисты, п. п. с. и даже социаль-демократія Царства Польскаго и Литвы (группа въ національномъ отношеніи болѣе чѣмъ равнодушная) выступали по этому вопросу съ поразительнымъ, совершенно исключительнымъ единодушіемъ.

Чѣмъ же это объясняется? Неужели побужденіями „зоологическаго націонализма“, на который ссылается въ своей интересной статьѣ О. Бѣлоусенко? ¹⁾ Неужели однѣми „захватными тенденціями на украинскую территорію“, о которыхъ говоритъ та же статья?

Но вѣдь противъ отторженія Холмщины высказываются не одни націоналисты изъ лагеря гг. Дмовскихъ, но и люди, ожесточенно борющіеся съ націонализмомъ единомышленниковъ бывшаго предсѣдателя петербургскаго польскаго „кола“. Мало того, — среди противниковъ думскаго законопроекта немало и такихъ, которые вполне согласны съ конечнымъ выводомъ статьи О. Бѣлоусенко, что „этнографическое размежеваніе украинско-польской территоріи — вопросъ жизненной необходимости“. Выступающая самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ отдѣленія Холмщины п. п. с. неоднократно высказывалась и въ своихъ органахъ, и въ воззваніяхъ, и въ спеціальной брошюрѣ въ пользу территоріальнаго разграниченія поляковъ и украинцевъ Холмщины, считая такое разграниченіе желательнымъ съ точки зрѣнія интересовъ трудовыхъ массъ обѣихъ національностей. Слѣдовательно, валить въ одну кучу съ надписью „представители польскаго зоологическаго націонализма“ и Дмовскаго, и Свентоховскаго, и польскихъ социалистовъ не приходится. И мнѣ кажется, что украинцамъ не мѣшало бы познакомиться ближе съ позиціей польскихъ прогрессивно-радикальныхъ сферъ по холмскому вопросу, хотя бы для того, чтобы понять, какой поразительной неожиданностью была для нихъ радость украинцевъ, вызванная думскимъ законопроектомъ ²⁾.

Поляки — сторонники территоріальнаго разграниченія Польши и Украины — понимаютъ его какъ заключенный по

¹⁾ „Укр. Ж.“, № 3, „Украинскіе моменты въ холмскомъ вопросѣ“.

²⁾ Эту радость выражало прежде всего заявленіе деп. Романчука въ вѣнскомъ парламентѣ, „привѣтствовавшаго“ отъ имени украинскаго клуба злополучное дѣтище еп. Евлогія.

обоюдному согласію добровольный актъ, въ основу котораго легъ бы принципъ національнаго самоопредѣленія жителей спорной территоріи. Свободный плебесцитъ мѣстнаго населенія, организованный въ условіяхъ, гарантирующихъ контроль съ обѣихъ сторонъ, могъ бы дать результаты, не наносящіе ущерба существеннымъ интересамъ ни поляковъ, ни украинцевъ и удовлетворяющіе требованіямъ добрососѣдскихъ отношеній. Разграниченіе въ Холмщинѣ (да и не въ ней одной) — это только одно изъ средствъ осуществить желательную гармонію между Польшей и Украиной какъ равноцѣнными цѣлыми,—гармонію, необходимую для обѣихъ сторонъ.

Если мы теперь сопоставимъ эту теоретическую концепцію съ тѣмъ практическимъ разрѣшеніемъ холмскаго вопроса, которое дано Думой, то мы увидимъ, что между первой и вторымъ нѣтъ ничего общаго. Дѣло тутъ вовсе не въ добровольномъ разграниченіи двухъ этнографическихъ территорій, а въ томъ, чтобы создать новый объектъ обрусительныхъ мѣропріятій, направленный противъ двухъ клочковъ двухъ этнографическихъ территорій, объединенныхъ въ одну новую губернію. Вѣдь Холмская губернія въ такихъ границахъ, какія ей начертала Дума, является въ еще большей степени польско-украинской губерніей, нежели она должна была стать на основаніи первоначальнаго, правительственнаго законопроекта. Я не буду здѣсь приводить цифръ, такъ какъ за неимѣніемъ мало-мальски сносной національно-языковой статистики всѣ цифры, которыми оперировали въ Думѣ и сторонники, и противники законопроекта, объективно мало убѣдительны. Тѣмъ не менѣе, даже на тенденціозной картѣ Францева видно, что чисто-польская территорія Холмской губерніи тянется съ сѣвера, отъ границы Ломжинской губерніи, вплоть до галиційской границы довольно широкой полоской. На востокъ отъ нея мы видимъ полосу со смѣшанными польско-украинскими гминами, и только на востокѣ и на югѣ отъ нея украинцы живутъ (внѣ городовъ) сплошной массой. Проф. Грушевскій въ своемъ письмѣ къ депутату Никольскому говоритъ о тѣхъ „уже потерянныхъ безвозвратно колонизованныхъ историческихъ придаткахъ, которыми увеличиваетъ ее (Холмщину) правительственный проектъ“, вѣроятно, не предвидя еще, что думское большинство „округлить“ ее еще цѣлымъ рядомъ чисто польскихъ (мазурскихъ) поселеній.

Такимъ образомъ въ смыслѣ разграниченія поляковъ и украинцевъ Холмская губернія не даетъ ничего. „Возь и нынѣ тамъ“, и размежеваніе двухъ національныхъ территорій такъ же далеко отъ своего разрѣшенія, какъ и прежде.

Гнетъ, который испытывало польское (и вообще католическое) населеніе этой территоріи до сихъ поръ, еще усугубится благодаря исключительнымъ антипольскимъ мѣропріятіямъ, санкціонированнымъ Думой. И это былъ одинъ изъ главныхъ поводовъ, вооружившихъ польское прогрессивно-радикальное общественное мнѣніе противъ отторженія Холмщины. Съ этой стороны указывалось на то, что въ новой губерніи тотчасъ же послѣ ея образованія начнется антикатолическая кампанія, если не тождественная съ той, которую проводила тутъ духовная и недуховная бюрократія съ конца 70-хъ гг. вплоть до 1904 г., то во всякомъ случаѣ ей родственная. Религіозныя притѣсненія вмѣстѣ съ исключительными законами для польскаго населенія создаютъ въ Холмской губерніи почву, на которой пышно расцвѣтаетъ воинствующій клерикализмъ, — съ одной стороны православно-бюрократическій, съ другой — католическій, окруженный ореоломъ мученичества. Вопросы вѣроисповѣдныя, церковныя, выдвинуты опять на первый планъ народной жизни, заслоняя все остальное. При такихъ условіяхъ, взращивающихъ необузданный религіозный фанатизмъ, не можетъ быть и рѣчи о проникновеніи въ народныя массы прогрессивныхъ идей, о развитіи среди нихъ культурныхъ начинаній не-клерикальнаго характера. Положеніе прогрессивныхъ антиклерикальныхъ элементовъ въ Холмской губерніи тѣмъ трагичнѣе, что католическій клерикализмъ здѣсь будетъ стихіей преслѣдуемой, сдавленной тисками исключительныхъ законовъ, циркуляровъ и постановленій мѣстныхъ властей. И вслѣдствіе этого борются съ клерикализмомъ — это будетъ значить играть въ руку Евлогіямъ и ему подобнымъ.

Для польскихъ противниковъ образованія Холмской губерніи это было такъ же ясно, какъ и то, что для украинскихъ національныхъ интересовъ побѣда еп. Евлогіаникомъ образомъ не будетъ выгодной. На послѣднее указывалось главнымъ образомъ въ социалистической печати. Если въ Холмской губерніи польско-католическіе элементы подвергнутся всякаго рода стѣсненіямъ, то вовсе не въ

угоду украинскимъ національнымъ цѣлямъ. Для осуществленія послѣднихъ не будетъ мѣста въ губерніи, созданной исключительно въ видахъ обрусенія. При крайней напряженности борьбы между православіемъ и католичествомъ первое несомнѣнно ограничится исключительно мѣрами административнаго воздѣйствія. Разсчитывать же на то, чтобы администрація стала потворствовать хотя бы самымъ скромнымъ проявленіямъ культурной работы въ національно-украинскомъ духѣ, не станетъ, навѣрное, никто. Такимъ образомъ, и въ новой губерніи положеніе украинскаго населенія нисколько не измѣнится по крайней мѣрѣ къ лучшему.

Съ одной стороны и на него — даже на украинцевъ-православныхъ, не говоря уже о католикахъ, — обрушатся въ извѣстной мѣрѣ тѣ исключительные законы и распоряженія, которые направлены противъ поляковъ (въ области землевладѣнія, эмиграции и т. д.), съ другой — оно встрѣтится съ усиленнымъ воздѣйствіемъ культурнаго характера въ польскомъ національномъ духѣ — съ сознательной, планомѣрной дѣятельностью, уже теперь замѣняющей постепенно прежнее чисто стихійное вліяніе.

Чтобы объяснить, въ чемъ дѣло, я долженъ остановиться на одномъ, весьма распространенномъ въ украинскихъ сферахъ и въ то же самое время очень мало отвѣчающемъ дѣйствительности мнѣніи. Оно касается роли польскаго общества въ полонизаціи части украинскаго населенія Холмщины. Украинцы (и русскіе) убѣждены, что этотъ процессъ является результатомъ планомѣрно проводимой систематической дѣятельности польскихъ политиковъ (пресловутыхъ „пановъ и ксендзовъ“, до сихъ поръ еще играющихъ роль представителей „польской sprawy“). Вотъ и О. Бѣлоусенко въ своей, цитированной мною выше, статьѣ говоритъ о „полонизаторскихъ стремленіяхъ претворить этнографически чужіе элементы въ польскій національный организмъ“, объ „искусно полонизуемомъ украинскомъ холмщакѣ“, объ „агрессивныхъ полонизаторскихъ стараніяхъ“ и т. д. Все это, — въ примѣненіи къ Холмщинѣ, — страдаетъ полнымъ несоотвѣтствіемъ съ дѣйствительностью.

Крестьянская масса Холмщины какъ и была украинской, такъ и оставалась ею вплоть до уничтоженія въ 70-хъ гг. прошлаго столѣтія уни. Мало того, — среди этой

массы обукраинилось немало и чисто польских колоній. Ополячилось уніатское духовенство и отчасти городское населеніе, поскольку оно было украинскимъ, но объ ополяченіи крестьянства не было рѣчи. Для польскихъ „пановъ“ національность ихъ подданныхъ крестьянъ была совершенно безразлична, и ни одному польскому помѣщику не приходило въ голову заботиться о національности своихъ крѣпостныхъ. Впрочемъ, какъ доказываетъ между прочимъ и Бауэръ¹⁾, не было въ исторіи примѣровъ, чтобы помѣщики ассимилировали въ національномъ отношеніи крестьянъ (за исключеніемъ, конечно, единицъ дворовыхъ и т. п.). И любопытно, что часть холмско-подляшскихъ украинцевъ ополячилась не въ эпоху Рѣчи Посполитой,—не тогда, когда въ польскихъ рукахъ были всѣ средства культурнаго и даже административнаго воздѣйствія, а послѣ 1863 г. Именно тогда, когда польскій элементъ потерялъ всю свою общественно-публичную силу, когда польскій языкъ былъ устраненъ изъ школъ, суда и присутственныхъ мѣстъ. Этнографическая граница между польской и украинской территоріей передвинулась къ востоку именно за послѣднія 30 лѣтъ. Эпоха гоненія уніи и „упорствующихъ“ была дѣйствительно свидѣтельницей поразительнаго явленія. Бывшіе уніаты, загоняемые въ православную церковь, становились католиками и затѣмъ—поляками. И роль „пановъ“ и даже „ксендзовъ“ въ этомъ стихійномъ процессѣ чрезвычайно мизерна. Польская историческая и художественная литература полна указаніями на то, какой жалкой была та помощь, которую оказывали гонимымъ крестьянамъ-уніатамъ мѣстные „паны и ксендзы“. Послѣдніе „страха ради іудейска“ отталкивали „упорствующихъ“ отъ костеловъ, принуждая ихъ уходить за десятки миль къ исповѣди у какого-нибудь исключительнаго по своему мужеству священника или годами ожидать тайнаго пріѣзда ксендза-эmissара изъ Кракова, а то и прокрадываться подъ пулями объѣздчиковъ черезъ галиційскую границу. Что касается „пановъ“, поддерживавшихъ духъ „упорствующихъ“, то ихъ въ каждой губерніи можно было прямо по пальцамъ пересчитать. Небольшая горсть молодежи, преимущественно женской, нѣсколько старушекъ-помѣщицъ,—

¹⁾ См. мою статью въ іюльской кн. „Русскаго Богатства“ „Національная ассимиляція и соціализмъ“.

вотъ и всѣ тѣ не-народные элементы, которые содѣйствовали торжеству „упорствующихъ“ надъ официальной церковно-административной организаціей. Ихъ дѣятельность имѣла чисто вѣроисповѣдный характеръ, польско-патріотическій элементъ игралъ лишь добавочную роль. Стремленіе къ польщизнѣ было совершенно стихійно, и проистекало изъ отождествленія католицизма съ польской національностью.

„Ксендзы“ явились на сцену въ качествѣ торжествующихъ побѣду послѣ обнародованія указа о вѣротерпимости. Имъ оставалось только санкціонировать формально то, что неофициально существовало издавна. Что же касается „пановъ“, то они и послѣ 1904 г. немногимъ обнаруживали желаніе заинтересоваться судьбой холмскаго мужика, и городская интеллигенція сдѣлала въ этомъ отношеніи несравненно больше.

Каждый, кто знакомъ съ исторіей страданій и мытарствъ „упорствующихъ“, знаетъ прекрасно, что ходячее мнѣніе о какомъ-то планомѣрномъ, сознательномъ ополячиваніи украинскихъ холмщачковъ совершенно не отвѣчаетъ дѣйствительности недавняго прошлаго. „Упорствующіе“ — поляки, ополяченные украинцы и украинцы, сохранившіе свой родной языкъ, страдали за „польскую“ вѣру и вслѣдствіе этого тяготѣли ко всему польскому, такъ какъ передъ ними было только два пути: или сливаться съ поляками и сообщая съ ними бороться съ религиозными преслѣдованіями, или примириться съ официальнымъ, насильно имъ навязываемымъ православіемъ. Третьяго выхода у нихъ не было. Украинскаго національнаго самосознанія никто имъ не прививалъ, а тѣ украинцы по происхожденію (и нерѣдко по самосознанію), съ которыми они сталкивались, находились всѣ во враждебномъ имъ лагерѣ. Достаточно вспомнить тутъ о тѣхъ многочисленныхъ выходцахъ изъ Галиціи, бывшихъ униатскихъ священникахъ, которые нахлынули въ Холмщину по приглашенію Лебединцева. А вѣдь между ними были не одни москвофилы. Достаточно вспомнить и о П. Кулишѣ, который въ качествѣ члена „устроительнаго комитета“ дѣйствовалъ въ духъ обрусенія Холмщины съ цѣлью „вбить клинъ между Польшей и Украиной“ (слова изъ письма П. Кулиша). Съ одной стороны „упорствующій“ видѣлъ „отзывчивое и теплое отношеніе“ (какъ говорить О. Бѣлоусенко), съ другой — скорпіоны. При такихъ усло-

віяхъ едва ли были нужны еще какія-нибудь средства искусственнаго ополячиванія...

Конечно, въ ближайшемъ будущемъ положеніе дѣль измѣнится, и новая губернія, несомнѣнно, станетъ центромъ систематической, планомѣрной культурно-политической дѣятельности различныхъ группъ польскаго общества, — клерикальныхъ прежде всего. Ко всѣмъ тѣмъ ячейкамъ, которыя полякамъ удалось создать съ конца 1905 г., прибавятся новыя, такъ какъ борьба съ руссификаціей Холмщины едва ли не самый популярный въ настоящее время лозунгъ въ польскомъ обществѣ. Проектъ еп. Евлогія и дальнѣйшая судьба этого проекта вплоть до послѣдней стадіи его развитія чрезвычайно взволновали поляковъ, безъ различія политическихъ взглядовъ и направленій. Чтобы понять и оцѣнить какъ слѣдуетъ тѣ чувства, которыя вызываетъ образованіе Холмской губерніи въ Польшѣ, нужно знать, какое исключительное мѣсто занимаетъ этотъ, относительно маленькій, клочокъ земли въ польскомъ политическомъ самосознаніи. Если для русскаго Холмщина — пустой звукъ, если для украинцевъ — это одна изъ окраинъ ихъ національной территоріи, такая же, какъ и всѣ другія, скажемъ, въ Гродненской, Минской, Харьковской, Курской или Ставропольской губерніяхъ, то для поляковъ она нѣчто совершенно другое.

Дѣло тутъ вовсе не въ историческихъ воспоминаніяхъ временъ Рѣчи Посполитой. До конца 70-хъ гг. прошлаго столѣтія Холмщина, т.-е. ея польская часть, была такой же окраиной, какой является въ настоящее время польская часть Гродненской губерніи (въ Бѣльскомъ, Бѣлостокскомъ и Сокольскомъ уѣздахъ), живущая въ условіяхъ полной обособленности и исключительныхъ антипольскихъ мѣропріятій (вопросъ объ этихъ чисто-польскихъ частяхъ Гродненской губерніи почти никакой роли въ жизни польскаго общества не играетъ). Но вотъ была упразднена унія, и на территоріи Подляшья и Холмщины разгорѣлась страшная борьба официальнаго православія съ „упорствующими“. Эта борьба привлекла къ себѣ вниманіе польскаго общества, польской поэзіи и литературы. Эпизоды этой борьбы вошли органически въ составъ польской національной мартирологіи. Протулинъ, Дрелевъ — это для каждаго поляка такія же священныя имена, какъ Рацлавицы, Гроховъ, Вжѣсня, Милославъ и т. д. Типы „упорствующи-

щих“ то-и-дѣло мелькають на страницахъ польскихъ художественныхъ произведеній, начиная съ повѣстей Крашевскаго и кончая сочиненіями Конопницкой, Жеромскаго, Реймонта и др. Кровью и страданіями „упорствующихъ“ заселенная ими территорія какъ бы завоевана для Польши, и оторвать эту территорію отъ послѣдней значить повторить то, что сдѣлала Пруссія съ Эльзасомъ и Лотарингіей. Таково глубокое убѣжденіе широкой массы польскаго общества, и съ этимъ убѣжденіемъ придется считаться всѣмъ имѣющимъ какое-либо отношеніе къ Холмской губерніи.

Вопреки мнѣнію О. Бѣлоусенко, населеніе Холмщины, безъ различія національностей, экономически связано всецѣло съ польскими центрами — Сѣдлецомъ, Люблиномъ и Варшавой. Въ этомъ отношеніи Холмская губернія ничѣмъ не отличается отъ своихъ западныхъ сосѣдокъ. Въ качествѣ края исключительно земледѣльческаго, Холмщина тяготѣетъ къ ближайшимъ средоточіямъ городского населенія, потребляющаго ея естественные продукты. Пролетаріатъ Холмщины, не находящій заработка на мѣстѣ, идетъ на западъ — въ Островець, Стараховицы, Варшаву и Лодзь. И никакими искусственными мѣрами нельзя создать тяготѣнія экономической жизни Холмщины къ востоку.

Параллельно съ экономическимъ тяготѣніемъ идетъ и культурное вліяніе польскаго запада, съ которымъ официальная руссификація не въ состояніи бороться. Никакими мѣрами принужденія не удастся убить ни національнаго характера жизни мѣстнаго польскаго населенія, составляющаго такую громадную часть жителей новой губерніи, ни общенія его съ остальными поляками, ни распространенія польскихъ культурныхъ вліяній на неполяченное украинское населеніе. Тѣмъ болѣе, что польская культура (какъ это признаетъ и холмскій корреспондентъ „Рады“) все-же ближе украинцу-холмщачу, нежели официальная, великорусская. Слѣдуетъ помнить, что количество православныхъ въ новой губерніи (по официальнымъ, чрезвычайно „оптимистическимъ“ даннымъ) не доходитъ до 37% общаго числа жителей (327,000 на 896,000) и что даже среди православныхъ, какъ указываетъ Францевъ, не менѣе 20,000 употребляютъ только польскій языкъ. Поэтому искусственная руссификація встрѣтитъ чрезвычайно серьезное противодѣйствіе въ совокупности естественныхъ условій мѣстной жизни.

Конечно, польская національно-клерикальная агитація прежде всего используетъ то чувство недовольства и угнетенности, которое, несомнѣнно, будетъ расти среди холмскаго населенія, безъ различія національностей. А что новая губернія ни для кого не будетъ раемъ, въ этомъ едва ли кто-нибудь сомнѣвается. И поэтому результаты образованія ея, навѣрное, будутъ аналогичны результатамъ уничтоженія уніи и тридцатилѣтней беспощадной борьбы съ „упорствующими“. Что при этомъ пострадаютъ національные интересы украинцевъ, не подлежитъ сомнѣнію, но истинныхъ причинъ этого украинская интеллигенція должна искать не тамъ, гдѣ ихъ заставляетъ искать традиціонный, шаблонный взглядъ, а совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ...

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Краковъ, 20. VII. 912.

Почему былъ бѣденъ украинскій отдѣлъ на выставкѣ печати.

Съ большимъ интересомъ и вниманіемъ прочиталъ я въ 9-й кн. „Украинской Жизни“ статью г. Петлюры „Украинскій отдѣлъ на выставкѣ произведеній печати“. Она заслуживаетъ вниманія не только въ смыслѣ интереса къ нашей книжной производительности, но также и въ отношеніи тона, въ какомъ она написана, и вывода, какой слагается у читателя по прочтеніи ея. Тонъ этотъ — удручающій, и я не могу не раздѣлить чувства глубокой скорби г. Петлюры, вызваннаго обзорѣніемъ сравнительно бѣднаго отдѣла украинскаго книгоиздательства. Но, читая статью, я все ожидалъ, что авторъ ея, помимо „остраго чувства скорби“, укажетъ, наконецъ, и причины скудости украинскаго отдѣла печати, освѣтитъ этотъ прискорбный фактъ въ связи со всѣми условіями возрожденія украинскаго печатнаго слова, хотя бы послѣдняго періода, да такъ и не дождался. Статья оставляетъ такое впечатлѣніе, что въ украинской націи „не хватаетъ пороху“ создать литературу, отвѣчающую численному составу ея, а потому и „заставляетъ обзорѣвателя-украинца какъ бы съежиться и войти вглубь себя“... Для читателя, незнакомаго съ исторією и настоящимъ положеніемъ украинскаго движенія и литературы, представляется очевиднымъ фактъ полнаго національнаго безсилія и неспособности творить въ области литературы и науки. Такой выводъ самъ собою вытекаетъ по прочтеніи этой статьи, но мы, украинцы, знаемъ, что онъ — глубоко-невѣрный, а потому приходится крайне сожалѣть о томъ, что г. Петлюра ограничился только констатированіемъ факта скудости украинскаго отдѣла на выставкѣ печати и выраженіями скорби по этому поводу.

Я попытаюсь рассказать въ краткихъ словахъ, очертить основными штрихами условія возрожденія украинской литературы послѣдняго періода, начавшагося въ 1905 году, изложить обстоятельства, сопровождавшія это возрожденіе

и существованіе ея до настоящаго времени. Я ни мало не претендую на то, что исчерпаю матеріаль на эту интересную тему,—пусть дополняютъ или поправятъ меня наши професіональные писатели.

Когда въ началѣ 1906 года стали возникать украинскія періодическія изданія и книгоиздательства, я изумленно спрашивалъ: „Кто же будетъ писать въ газетахъ и сочинять книги?“ Вѣдь до сего времени не было нужды и повода учиться владѣть украинскимъ литературнымъ словомъ, ибо украинская печать была почти запрещена указомъ 1876 г. Прорывалась черезъ цензурныя оковы весьма немногочисленная беллетристика, до 20—30 въ теченіе года народныхъ брошюркъ, да и то съ величайшими затрудненіями и баснословными ухищреніями. Но, владѣя только языкомъ поэзіи или умѣніемъ излагать элементарныя сельскохозяйственныя понятія, невозможно, казалось мнѣ, создать публицистику или научную литературу. Читатель тогдашней литературы былъ весьма рѣдкимъ явленіемъ. Масса украинскаго общества и народа почти не знала о существованіи ея. Люди, умѣющіе писать по-украински, были на-перечетъ, да и они по-украински писали лишь въ галиційскихъ изданіяхъ или — „для потомства“. Научиться правильно и самобытно писать по-украински было трудно не только тогда, но и теперь, ибо и теперь нѣтъ украинской школы, учебники же появились только въ самое послѣднее время. Въ такомъ положеніи находилась украинская литература цѣлыхъ 30 лѣтъ. Казалось, что она умираетъ безъ всякой надежды на возрожденіе, какъ и само національное общественное движеніе. Представители его, также бывшіе на-перечетъ, изнемогавшіе въ непосильной борьбѣ, представлялись массѣ денационализованнаго общества какимъ-то смѣшнымъ анахронизмомъ, пережиткомъ давно миновашаго и невозвратнаго прошлаго.

Наступилъ 1905 годъ, и вдругъ — все ожило: зазвучала украинская рѣчь на собраніяхъ и дома—въ интеллигентныхъ семьяхъ, гдѣ она была въ загонѣ и пренебреженіи, появились программы украинскихъ политическихъ партій и глашатаи національной идеи даже изъ народной среды. Стихійное національное чувство какимъ-то чудомъ превращалось въ сознательное и яркое стремленіе возродить и поднять упавшую родную культуру. Эти очевидные признаки пробудившагося чувства и сознания ободряли инициа-

торовъ періодическихъ изданій и книгоиздательствъ и побуждали ихъ идти впередъ, не взирая на непреодолимую, казалось, трудность создать печать при отсутствіи знанія литературной рѣчи и самой грамоты въ массѣ общества и народа. Эта смѣлость и надежды оправдались: появились самоучки-писатели, никогда прежде не писавшіе на родномъ языкѣ, нашелся и читатель, хотя и съ трудомъ разбиравшій украинское печатное слово, до сего времени незнакомое ему. Правда, читатель періодической прессы и до сихъ поръ еще не такъ многочисленъ, какъ можно было ожидать, принимая въ расчетъ многомилліонный народъ, но это имѣетъ свои причины, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Одновременно съ возникновеніемъ и развитіемъ періодической печати на книжномъ рынкѣ появились десятки, а вскорѣ сотни (ежегодно) книгъ на украинскомъ языкѣ самага разнообразнаго содержанія, и это разнообразіе, а въ особенности большое количество беллетристики и поэзіи, много способствовало тому, что книги расходились въ продажѣ съ неслыханною до того времени быстротою. Онѣ проникали всюду, начиная отъ крестьянской хаты и кончая панскимъ домомъ, а въ территоріальномъ отношеніи онѣ расходились по всей Россійской имперіи, гдѣ только живутъ украинцы, не забывшіе своего языка. Полный „Кобзарь“ Шевченка, злосчастную судьбу котораго я ниже расскажу, выдержавшій въ теченіе 3—4 лѣтъ пять изданій разныхъ фирмъ, разошелся въ количествѣ, если не ошибаюсь, 60,000 экземпляровъ, и когда постигъ его запретъ,— въ продажѣ его уже почти не было.

Газеты также оперялись, улучшались; откуда-то появлялись сотрудники, обладавшіе умѣньемъ излагать письменно мысли на своемъ родномъ языкѣ, и читатель размножился. Съ теченіемъ времени возникли мѣсячные журналы общелитературнаго содержанія и спеціальные, появились другія періодическія изданія и научныя книги, а театральная литература, можно сказать, валомъ повалила, ибо украинскіе спектакли вошли въ большую моду даже среди народа: въ селахъ они стали почти зауряднымъ явленіемъ (исполняютъ роли сами крестьяне). Лишь въ самое послѣднее время мѣстныя власти стали ихъ запрещать, о чемъ почти ежедневно сообщаютъ.

Итакъ, все вышеописанное въ области украинской литературы, прессы и книжной производительности народилось

и существуетъ въ теченіе всего только шести лѣтъ. Оставалось только воскликнуть: „откуда все это взялось, какимъ волшебствомъ создалось?!“ Я хотѣлъ бы знать, когда и въ какой странѣ такъ быстро развивалась національная литература при отсутствіи національной школы и національнаго сознанія въ верхахъ мѣстной интеллигенціи, чуть не сплошь денационализованной? Надо еще принять во вниманіе, что украинская литература создается людьми не изъ зажиточнаго класса общества, у которыхъ есть досугъ вполне отдаться писательству, обдумать написанное и издать книгу на собственный счетъ. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ: наши книги и статьи въ газеты и журналы пишутся урывками, въ антрактахъ обязательнаго „хлѣбнаго“ труда, службы или ученія, наспѣхъ, лихорадочно. При этомъ надо замѣтить, что литературный трудъ въ украинскихъ изданіяхъ оплачивается нищенскимъ гонораромъ, давно уже не слыханнымъ въ русской журналистикѣ, а многое пишется совершенно бесплатно. Нѣкоторые журналы и газеты существуютъ безъ всякаго гонорара сотрудникамъ, какъ литературнымъ, такъ и конторскимъ. Читатель этой литературы набирается преимущественно изъ демократическихъ слоевъ общества, которому трудно покупать дорогія книги и въ большомъ количествѣ. Тѣмъ не менѣе книги пишутся, издаются, продаются и читаются. Такимъ образомъ, побѣждаются трудности, казалось бы, непреодолимыя, ради удовлетворенія интереса и влеченія къ родному печатному слову,—побѣждаются какъ со стороны творцовъ его, такъ и со стороны потребителей, стихійно алчущихъ удовлетворить свою духовную жажду...

Я не буду болѣе распространяться о жизненности украинскаго движенія, чтобы не уклониться далеко въ сторону отъ темы моей замѣтки. Я хотѣлъ только напомнить, а можетъ и вновь повѣдать иному читателю „Украинской Жизни“ условія, при которыхъ возродились и развиваются украинская литература и пресса. Возвращаюсь непосредственно къ своей темѣ.

Украинскій литературный языкъ до сихъ поръ еще находится въ стадіи образованія его, до сихъ поръ не установился, ибо до 1906 года не могъ свободно примѣняться, а слѣдовательно не могъ и развиваться. Отсутствіе школы также въ значительной степени задерживаетъ его формированіе. Какъ интеллигенту, такъ и мужику былъ извѣстенъ языкъ бытовой, обслуживающій будничные интеле-

ресы домашняго обихода или примѣняемый къ беллетристическому повѣствованію. И вдругъ посыпались книги и газетныя статьи на литературныя, политическія и научныя темы! Конечно, тутъ пришлось встрѣтиться съ языкомъ, нерѣдко искусственнымъ, съ позаимствованіемъ словъ изъ чужихъ языковъ и приспособленіемъ ихъ на украинскій ладъ, — это обычная исторія образованія литературнаго языка почти у всѣхъ народовъ, культурное развитіе которыхъ запоздало.

Такою же метаморфозу претерпѣвалъ въ свое время и русскій языкъ, превращаясь въ литературный. Да и теперь онъ пестритъ массою иностранныхъ словъ, которая едва ли не превышаетъ число чужихъ словъ, вошедшихъ въ нынѣшній литературный украинскій языкъ; но читающая публика свыклась съ ними и считаетъ ихъ русскими. Это претвореніе иностранныхъ словъ въ русскія (въ особенности въ газетномъ языкѣ) продолжается до сихъ поръ.

Читатель, привыкшій понимать и излагать устно на своемъ родномъ языкѣ только элементарныя понятія и предметы, былъ огорошенъ и недоумѣвалъ надъ этимъ, казалось ему, „новымъ“ языкомъ, протестовалъ противъ него и неохотно читалъ. Писатель, съ своей стороны, также становился нерѣдко втупикъ передъ задачею изложить свою мысль удобопонятнѣе, когда и самъ онъ не зналъ выраженія ея на украинскомъ языкѣ. Приходилось „ковать“ фразу. Литературная рѣчь теряла типичность, красоту и своеобразность народной, и это отвращало какъ отъ чтенія, такъ и отъ писанія на украинскомъ языкѣ.

Теперь протестъ читателя противъ „новаго“ языка слышится все рѣже и рѣже, отчасти потому, что онъ привыкаетъ къ языку, а съ другой стороны—и потому, что писатель научился лучше писать, сумѣлъ приблизиться къ народному говору, хотя, конечно, и нынѣшній литературный языкъ еще далекъ отъ того, какимъ онъ долженъ стать впослѣдствіи, когда мы будемъ располагать своею родною школою и когда самобытная литература восприметъ отъ народа форму, обороты, выраженія и все это переваритъ въ котлѣ культурнаго процесса жизни... Новое правописаніе, введенное въ украинскую письменность и незнакомое массѣ, выучившейся въ русской школѣ на иномъ, также составляло немалый камень преткновенія въ отношеніи пользованія возродившеюся литературою. Но и къ этому правописанію читатель уже замѣтно привыкаетъ.

Въ послѣднее время возникла и чуть не съ каждымъ днемъ усиливается еще одна преграда распространенію украинской книги и въ особенности періодической прессы,—преграда внѣшняго характера. Этой непроницаемой преградой, которую не побѣждаетъ ни время, ни привычка, является полицейская охрана украинскаго читателя отъ его родной литературы. Несмотря на то, что она въ большинствѣ книгъ чужда политикѣ и что подпольной литературы на украинскомъ языкѣ и совсѣмъ нѣтъ теперь, обладаніе этой легальной литературою и пользованіе ею сплошь и рядомъ навлекаетъ на владѣльца ея подозрѣніе въ глубокой неблагонадежности, а полученіе украинской газеты—изгнаніе со службы, какова бы ни была эта служба: казенная, земская, городская. И затѣмъ уже заклеенный печатью неблагонадежности читатель украинской книги или газеты не будетъ допущенъ администраціей ни въ какое другое мѣсто: всюду за нимъ ходитъ его крамольная репутація. Заподозрѣнный въ „укаинофильствѣ“ или, какъ теперь называютъ, „мазепинствѣ“ преслѣдуется не только администраціей, но весьма часто и ревностными угодниками современнаго режима изъ числа земцевъ и вообще общественныхъ дѣятелей, а про вѣдомство народнаго просвѣщенія и говорить нечего: здѣсь сосредоточены самые усердные гонители украинской литературы, которой они не выносятъ ни въ рукахъ учителя, ни въ рукахъ ученика. Мало того, — иногда люди, независимые по своему социальному положенію, но живущіе въ провинціи, гдѣ трудно укрыться съ такимъ ужаснымъ злодѣяніемъ, какъ полученіе украинской газеты, обращаются въ редакціи съ просьбой прекратить высылку газеты, уже оплаченной... Ходятъ упорные слухи о томъ, что существуютъ циркуляры волостнымъ правленіямъ и почтовымъ отдѣленіямъ задерживать украинскія газеты и направлять ихъ не подписчикамъ, а куда-то въ иное мѣсто. Недавно въ „Радѣ“ было опубликовано письмо подписчика, просящаго редакцію прекратить высылку ему газеты, ибо „сельске начальство не дае ні одного числа (нумера) газеты вже другій місяць, не дае й журналів українських... Сельскій староста теж получив звідкілясь (откуда-то) приказа нищити (уничтожать) усі українські газети, які приходять до нашого села“... Популярныя книжки по земледѣлію, садоводству или коопераціи не допускаются иными земскими управами къ употребленію народомъ, хотя 2 — 3

года назадъ (до возникновенія похода правой прессы на украинство) эти же управы покупали ихъ въ большомъ количествѣ, хвалили ихъ доступность и удостовѣряли популярность ихъ среди народа. Священники, заподозрѣнные въ „укаинофильствѣ“ и обличенные въ томъ, что давали для чтенія своимъ прихожанамъ украинскія книжки, направленные противъ пьянства или хулиганства (которыя, кстати сказать, охватили теперь нашу деревню), или учающіе гигиенѣ, земледѣлію, коопераціи, навлекаютъ на себя опалу высокаго духовенства и переводятся въ худшіе, отдаленные приходы.

Это свирѣпое гоненіе на украинскую литературу, разумѣется, открыло широкое поле дѣятельности для доносовъ, тайныхъ и явныхъ (въ печати), не только на лицъ, но и на книги. Жертвою доноса, судя по слухамъ, палъ и „Кобзарь“ Шевченка. Въ 1904 году еще предварительная цензура разрѣшила къ печатанію полное собраніе сочиненій пѣвца Украины. Въ 1907 г. оно было издано въ Петербургѣ, кажется въ количествѣ 25,000 экз. и затѣмъ вскорѣ было повторено еще нѣсколько разъ въ томъ же видѣ, конечно, съ вѣдома цензуры; четыре года книга свободно циркулировала, не считалась вредною и вдругъ въ 1911 г. была конфискована, а издатели привлечены къ отвѣтственности...

Я могъ бы привести еще много иныхъ мѣръ, направленныхъ противъ украинской литературы и украинскаго движенія вообще, но боюсь утомить читателя, тѣмъ болѣе, что такою матеріала было достаточно представлено въ отдѣлѣ „Украинской Жизни“ „На Украинѣ и внѣ ея“ и въ статьяхъ „На текущія темы“.

Таковы тѣ условія и обстановка, въ которыхъ приходится существовать на Украинѣ книжной производительности. Несомнѣнно, что они угнетающе вліяютъ на успѣхи ея, и потому приходится думать о томъ, какъ бы удержаться хотя бы въ тѣхъ предѣлахъ книгоиздательства, которые такъ сильно удручили г. Петлюру при обзорѣ выставки. Допустимо ли тутъ сравненіе съ польскимъ отдѣломъ, прельстившимъ обзорѣвателя, когда онъ самъ говоритъ, что масса представленныхъ на выставкѣ польскихъ изданій „свидѣтельствуютъ о потребности ихъ въ обиходѣ національно сознавашаго себя общества, глубоко свыкшагося со своимъ литературнымъ словомъ, которое, въ свою очередь, проникло во всѣ поры

жизни и обслуживаетъ самые обыденные и самые разнообразныя интересы всѣхъ общественныхъ круговъ. Намъ до этого еще далеко“¹⁾). Вотъ то-то и есть, что далеко до такой „свички“ и „проникновенія своего литературнаго слова во всѣ поры жизни“. Вѣдь до сихъ поръ оно играетъ роль „жупела“... Польская литература, существующая столѣтія, никогда не прерывавшаяся и не знавшая такихъ драконовскихъ мѣръ противъ нея, какъ наша, представила на выставку 1,664 книги, а украинская, существующая, послѣ 30-лѣтняго запрета, только шесть лѣтъ, представила 242 книги. Я сказалъ бы, что эта производительность невѣроятно большая, принявъ во вниманіе срокъ существованія ея и всѣ вышеперечисленныя условія литературнаго творчества и распространенія украинской книги. Эта почти лихорадочная производительность можетъ быть объяснена только страстною жаждою писать на своемъ родномъ языкѣ, ибо иныхъ, обычно поощряющихъ писателя условій нѣтъ у насъ.

На замѣчаніе обозрѣвателя выставки, указавшаго, что представленное количество украинскихъ книгъ „для 25,000,000 украинцевъ, живущихъ въ Россіи, какъ-будто мало“, я отвѣчу вопросомъ: „сколько тысячъ (не смѣю сказать — десятковъ тысячъ) изъ числа этихъ 25,000,000 — грамотныхъ на своемъ родномъ языкѣ и чувствуютъ потребность въ книгѣ, какъ чувствуетъ ее каждый полякъ или латышъ, обучившійся на родномъ языкѣ?“.. Меня всегда приводитъ въ недоумѣніе, когда говорятъ объ украинскомъ движеніи, эта ссылка на пресловутые 25,000,000 украинцевъ, представляющихъ собою въ огромномъ большинствѣ темную, безграмотную и бессознательную во всѣхъ отношеніяхъ (включая и національное) массу, и мнѣ всегда хочется возразить вопросомъ: почему прогрессивныя стремленія интеллигентнаго русскаго общества не одерживаютъ побѣды въ теченіе 100 лѣтъ, когда за нимъ стоитъ 40 или 50 милліоновъ (не знаю точно) русскаго народа?!

Оканчивая свои возраженія обозрѣвателю выставки печати, я повторяю надежду и мое горячее желаніе, чтобы наши работники пера освѣтили положеніе украинской литературы полнѣе и разностороннѣе, чѣмъ сдѣлалъ это я. Такое освѣщеніе весьма важно для вѣрнаго сужденія о ней и правильной ея оцѣнки.

Л. Жебуневъ.

1) Курсивъ мой. Л. Ж.

Одна изъ очередныхъ задачъ.

Въ замѣткахъ объ украинскомъ отдѣлѣ на послѣдней выставкѣ произведеній печати С. В. Петлюра нарисовалъ предъ нами очень печальную картину. Печальную, но, къ сожалѣнiю, вполне соответствующую дѣйствительности. Этого обстоятельства не можетъ отрицать никто. Спорить можно только о томъ, нужна ли намъ эта картина и правильное ли освѣщенiе сообщилъ ей авторъ въ своихъ бѣглыхъ „впечатлѣнiяхъ“.

Я лично полагаю, что эта картина очень нужна и своевременна. Прятать истину намъ нечего. Только политическая близорукость и безсилiе могутъ рядить дѣйствительность въ поддѣльные цвѣта и ширмою возвышающаго обмана закрывать отъ другихъ и отъ себя низкiя истины нашего сумеречнаго существованiя. Не зная истины, нельзя вести правильной борьбы съ дѣйствительностью, а безъ правильной атаки на врага не можетъ, конечно, быть и настоящей побѣды.

Но кто этотъ врагъ, котораго намъ необходимо знать? Вотъ собственно вопросъ, къ которому должно привести внимательнаго наблюдателя знакомство съ предложенными ему фактами. Въ интересной и написанной съ такою подкупающею искренностью статьѣ Л. Н. Жебунева, которую читатели найдутъ въ настоящей книжкѣ „Украинской Жизни“, вопросъ разрѣшается очень просто. Нашъ врагъ— „независящiя обстоятельства“. Не будь ихъ,—все обстояло бы вполне благополучно. Почтенный авторъ замѣтки склоненъ идти даже дальше: онъ полагаетъ, что современное состоянiе украинской литературы и печати, пожалуй, лучше, чѣмъ ему надлежало бы быть при тѣхъ ужасныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, въ какихъ она выросла и въ какихъ находится сейчасъ.

Я совершенно согласенъ съ Л. Н. Жебуневымъ, что условiя, въ какихъ приходилось и приходится существовать украинской печати, ужасны, и все-же я не могу раздѣлить его точку зрѣнiя. Въ отношенiи теоретическаго обслѣдо-

ванія вопроса она представляется мнѣ односторонней и потому не исчерпывающей всей его сущности. Въ смыслѣ практической политики я считаю ее нецѣлесообразной и отнюдь не полезной для того дѣла, которое дорого автору, такъ какъ, перелагая всю вину на *force majeure*, она тѣмъ самымъ слагаетъ съ насъ отвѣтственность или, по крайней мѣрѣ, сокращаетъ ее до минимума. А гдѣ нѣтъ отвѣтственности, тамъ отсутствуетъ одинъ изъ серьезнѣйшихъ стимуловъ совершенствованія.

Мнѣ кажется, что было бы правильнѣе не преуменьшать того значенія, которое должно принадлежать внутреннимъ силамъ украинства,—точнѣе говоря, его интеллигенціи,—въ творческой національной работѣ, и на-ряду съ нашимъ главнымъ врагомъ неустанно имѣть въ виду наши собственные недочеты и ошибки. Неужели ихъ такъ-таки и нѣтъ? Неужели украинская интеллигенція въ правѣ, положа руку на сердце, сказать: *quod potui—feci*?

Я не хочу и не имѣю возможности останавливаться на этомъ большомъ вопросѣ во всемъ его объемѣ; но мнѣ хотѣлось бы остановить вниманіе читателей на той его сторонѣ, которая ближайшимъ образомъ касается именно нашей печати.

Суровые удары независящихъ обстоятельствъ, систематически падавшіе до сихъ поръ на ея голову, конечно, не могли содѣйствовать созданію крупнаго и сильнаго организма. Объ этомъ не можетъ быть двухъ разныхъ мнѣній. Но вѣдь эти обстоятельства не щадятъ и другія инородческія литературы. Допускаю, что тамъ они не такъ безпримѣрно суровы, какъ у насъ, но зато не у всѣхъ инородческихъ литературъ имѣются тѣ отдушины, какими располагаемъ мы въ видѣ галицкой печати, не зависящей отъ россійской дѣйствительности. И вотъ оказывается, что мы не сумѣли удержать среди пасынковъ Россіи даже того скромнаго мѣста, которое уже принадлежало намъ; оказывается, что печать другихъ инородцевъ обгоняетъ нашу, отодвигаетъ книзу ея мѣсто въ общемъ спискѣ...

Такъ обстоитъ дѣло въ количественномъ отношеніи. Что касается качественной стороны, то и она, если даже судить только по замѣчаніямъ, приведеннымъ въ статьѣ С. В. Петлюры, едва ли лучше. Въ особенности это должно быть отнесено къ періодической печати. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на отдѣльныхъ изданіяхъ и перечислять ихъ

дефекты, иной разъ очень крупныя. Это завело бы насъ слишкомъ далеко, да едва ли было бы и умѣстно на этихъ страницахъ. Но мы позволимъ себѣ повторить въ этомъ частномъ случаѣ то, что сказали сейчасъ вообще. На пути къ широкому распространенію нѣкоторыхъ украинскіхъ органовъ печати стоятъ не одни внѣшнія условія. Имѣютъ здѣсь значеніе и причины внутренняго характера,—какъ чисто литературнаго, такъ и организаціоннаго. Если бы удалось устранить ихъ хотя бы въ тѣхъ предѣлахъ, которые находятся болѣе или менѣе въ нашихъ рукахъ, то и въ такомъ случаѣ украинскія изданія могли бы стать много интереснѣе, могли бы приобрести бѣльшую авторитетность, а слѣдовательно и большее распространеніе и вліяніе. Не слѣдуетъ только усыплять себя ссылкой на непреодолимыя препятствія, а надо учитывать на-ряду съ ними требованія читателя, прислушиваться къ его запросамъ, внимательнѣе относиться къ опыту болѣе развитыхъ литературъ, ставить на первый, на второй и на третій планъ заботы объ общественномъ служеніи и успѣхахъ дѣла, а не какія бы то ни было частныя цѣли, интересы и соображенія, наконецъ—не бояться, а искать критики.

Что все это не маниловскія благожеланія и не беспочвенныя совѣты, можетъ засвидѣтельствовать судьба нѣкоторыхъ—правда, очень и очень немногихъ—органовъ украинской печати, которые приобретаютъ все большее распространеніе и уже окупаютъ себя. На такихъ примѣрахъ нужно учиться. Они являются лучшими свидѣтелями того, что можетъ быть сдѣлано нами даже теперь, когда тяжелую борьбу приходится вести на два фронта.

То, что сказано о періодическихъ органахъ печати, въ значительной мѣрѣ нужно отнести и къ нѣкоторымъ изъ нашихъ издательствъ. Мы не считаемъ себя въ правѣ оглашать здѣсь тѣ данныя, которыми случайно располагаемъ въ этомъ отношеніи; но для насъ несомнѣнно, что организаціонная сторона нашихъ издательскихъ и книгопродавческихъ фирмъ далека отъ совершенства и что этотъ порокъ не составляетъ тайны для людей, непосредственно стоящихъ у дѣла.

Украинская книга, думается намъ, могла бы получить большее распространеніе, могла бы быть издана дешевле и лучше, если бы были устранены тѣ рутинныя приемы и тѣ

практическіе предразсудки, которыхъ, къ сожалѣнію, упорно придерживаются нѣкоторые изъ нашихъ книжныхъ предприятий, проявляющихъ вообще замѣтную косность. Достаточно указать хотя бы тотъ, всѣмъ намъ хорошо извѣстный, фактъ, что до самаго послѣдняго времени въ обѣихъ столицахъ, гдѣ украинцевъ имѣется не одна сотня тысячъ, нельзя было достать украинской книги. А между тѣмъ при самой скромной предприимчивости этотъ рынокъ, въ которомъ и независящія обстоятельства дѣйствуютъ, конечно, слабѣе, чѣмъ на Украинѣ, можно было давно использовать.

Я хорошо понимаю, что замѣчанія, высказанныя въ столь общей формѣ, лишены практическаго значенія, но я и не претендую на это. Мнѣ хотѣлось бы только установить, что несмотря на всю силу независящихъ обстоятельствъ наша печать выходитъ изъ младенческаго состоянія и что въ ея области уже успѣли назрѣть требованія и нужды, удовлетвореніе которыхъ зависитъ прежде всего отъ самихъ дѣятелей печатнаго слова. Журнальными и газетными статьями этихъ нуждъ, конечно, разрѣшить нельзя. Они требуютъ личнаго обмѣна мнѣніями, непосредственнаго общенія представителей украинской литературы, журналистики и книжнаго дѣла. Они требуютъ организациі силъ и правильнаго ихъ взаимодействія. Въ этомъ и заключается та очередная задача современности, о которой намъ необходимо подумать. Пока силы наши будутъ распределены по изолированнымъ ячейкамъ, пока у насъ не будетъ взаимной критики и взаимной поддержки,—мы не двинемся впередъ или будемъ плестись ощупью, понапрасну затрачивая наши усилія на обходы и тренія, которые въ отдѣльныхъ случаяхъ могли бы быть избѣгнуты съ сохраненіемъ энергіи для полезнаго ея дѣйствія.

Конкретно опредѣляя нашу очередную задачу, я утверждаю, что намъ нуженъ прежде всего созывъ съѣзда дѣятелей украинской печати, если не разрѣшеніе, то постановка и всестороннее освѣщеніе на этомъ съѣздѣ нашихъ наиболѣе назрѣвшихъ вопросовъ, выясненіе дѣйствующихъ и потенціальныхъ силъ украинскаго печатнаго слова, опредѣленіе средствъ и путей ихъ дальнѣйшаго роста и—самое главное—установленіе той программы, по которой должна производиться разработка вопросовъ для слѣдующихъ съѣздовъ, ибо послѣдніе собственно и мо-

гутъ уже носить вполнѣ систематическій и дѣловой характеръ.

Разумѣется, говоря это, я не имѣю намѣренія сказать, что первый съѣздъ дѣятелей украинскаго печатнаго слова можетъ обойтись безъ программы и что занятія его могутъ носить беспорядочный характеръ. Я хочу только отмѣтить, что какъ ни важенъ первый шагъ, ошибочно было бы ожидать отъ него непосредственныхъ практическихъ результатовъ. Здѣсь главное вниманіе и силы пришлось бы направить на то, чтобы ориентироваться въ общемъ комплексѣ явленій родной печати, опредѣлить главныя линіи дальнѣйшей работы, нащупать почву для нея въ отдѣльныхъ обслѣдованіяхъ и распределить эти изслѣдованія въ надлежащей пропорціональности и правильной перспективѣ, сообразно практической связи отдѣльныхъ сторонъ печатнаго дѣла. Что же касается программы перваго съѣзда, то полагаю, что въ этомъ отношеніи намъ могъ бы оказать существенную услугу опытъ русскихъ съѣздовъ.

Прежде, однако, чѣмъ остановиться на немъ, я считаю нужнымъ указать, что занятія предлагаемыхъ съѣздовъ дѣятелей печати не могутъ ограничиваться одними только узко практическими, дѣловыми вопросами—литературными, профессиональными и издательскими. На-ряду съ ними съѣздамъ пришлось бы серьезно подумать объ идейной сторонѣ этого большого дѣла, и въ частности о требованіяхъ профессиональной этики, ибо сила печатнаго слова опредѣляется не только матеріальными средствами, на которыя оно опирается, но и той моральной высотой, на которой стоятъ если не отдѣльные работники, то во всякомъ случаѣ общія нормы, регулирующія жизнь литературной среды.

Эта сторона дѣла важнѣе для насъ, чѣмъ можетъ казаться на первый взглядъ. Существуетъ мнѣніе, высказываемое иногда даже очень умными и очень чуткими людьми, будто бы украинская литература и ея дѣятели отличаются исключительными добродѣтелями, блещутъ бѣлоснѣжной нравственной чистотою. Я такого взгляда не раздѣляю. Украинской литературѣ и журналистикѣ, конечно, незнакомы тѣ герои шантажа, которыми кишатъ нѣкоторые слои русской прессы, ей чужда та продажность, которая уже пустила въ эту прессу глубокіе корни, ей далеко до той галереи

разбойниковъ пера и мошенниковъ печати, которая хорошо извѣстна русскому читателю; но тѣ, кто болѣе или менѣе внимательно слѣдитъ за нашей печатью, хорошо знаютъ, что и въ ней не все благополучно по этой части. Быть можетъ къ этому вопросу намъ когда-нибудь придется спеціально вернуться; здѣсь же я только замѣчу, что собственно наличность въ литературной средѣ нѣкоторыхъ негодныхъ элементовъ сама по себѣ еще не такъ страшна. Я даже готовъ пойти дальше. По моему мнѣнію, панегиристы украинской печати въ сущности даютъ ей, вопреки своимъ намѣреніямъ, очень неблагопріятную оцѣнку и устанавливаютъ невысокій ея уровень. Когда Берне на одной изъ сходовъ кто-то заявилъ, что у него похищенъ кошелекъ изъ кармана, вождь молодого тогда освободительнаго движенія въ Германіи остроумно замѣтилъ, что это очень хорошій признакъ, ибо онъ свидѣтельствуетъ, что движеніе вышло за предѣлы узкихъ интимныхъ кружковъ и становится широкимъ общественнымъ явленіемъ, за которымъ, какъ за всякою силою, тянутся и негодные элементы. То же и въ литературѣ. Пока она носитъ любительскій характеръ, пока на служеніе ей идутъ лишь безкорыстные люди съ героической складкою, пока она не развернулась въ широкое профессиональное явленіе, она дѣйствительно блещетъ бѣлоснѣжною чистотою, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличается и бол:шою слабостью. Появленіе на ея горизонтѣ подозрительныхъ личностей, обнаруженіе въ ея средѣ дѣятелей, которые подъ прикрытіемъ высокихъ принциповъ учиняютъ хулиганскіе набѣги или совершаютъ нечистоплотныя манипуляціи—это зло еще не столь большой руки, а въ извѣстномъ смыслѣ должно даже приниматься, какъ благопріятный показатель литературной эволюціи. Но est modus in rebus. Упомянутымъ господамъ нельзя, конечно, покровительствовать, къ ихъ подвигамъ нельзя относиться безразлично, ибо литературное распутство и моральная неряшливость могутъ постепенно превратиться изъ эпизодическаго, такъ сказать, и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, неизбѣжнаго явленія въ систематическое растлѣніе литературныхъ нравовъ и существенно понизить общій уровень литературной среды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, понизился бы и уровень того обаянія, которое должно принадлежать печатному слову, уровень его авторитетности и общественнаго значенія.

Перехожу теперь къ программѣ перваго съѣзда дѣятелей украинской печати. Дать ея детальную разработку я не имѣю въ виду. Если украинская пресса откликнется на мою статью, то детальная разработка явится сама собою въ процессѣ предварительнаго обсуждения. Такая разработка будетъ составлять также ближайшую задачу того организаціоннаго бюро, которое должно возникнуть въ случаѣ сочувственнаго отношенія къ моему предложенію болѣе или менѣе вліятельныхъ круговъ украинской печати въ широкомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь я ограничусь только тѣмъ, что приведу изъ программы російскихъ съѣздовъ писателей пункты, касающіеся наиболѣе общихъ вопросовъ, и именно тѣхъ, которые должны быть поставлены у насъ на первую очередь. Оговариваюсь при этомъ, что области независимыхъ обстоятельствъ я не буду совсѣмъ касаться, такъ какъ это при настоящихъ условіяхъ было бы, кенечно, совершенно празднымъ занятіемъ и желательныхъ практическихъ результатовъ для украинской печати не дало бы.

Что касается тѣхъ сторонъ дѣла, о которыхъ говорилось выше, т.-е. находящихся отъ насъ въ ближайшей зависимости, то онѣ на первый разъ могутъ быть исчерпаны слѣдующими пунктами:

1. Улучшеніе условій сбыта произведеній печати, торговли ими и издательскаго дѣла.
2. Профессіональныя организаціи литературныхъ дѣятелей.
3. Матеріальное обезпеченіе литературныхъ дѣятелей.
4. Литературная этика; достоинство печати; судъ чести.
5. Статистика печати.
6. Организація періодическихъ съѣздовъ печати.

По отношенію къ украинской печати эта программа заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя существенныя пробѣлы, а именно она не удѣляетъ вниманія изученію читательской массы въ смыслѣ группировки отдѣльныхъ ея слоевъ, ихъ взаимнаго количественнаго отношенія, запросовъ, предъявляемыхъ ими къ печати въ идейномъ и матеріальномъ отношеніи, замѣчаемой въ этомъ смыслѣ эволюціи и т. д. Затѣмъ въ приведенной программѣ отсутствуетъ чрезвычайно важный для молодой украинской печати вопросъ о профессиональной подготовкѣ лите-

ратурныхъ и, въ особенности, журнальныхъ работниковъ и о правильной литературной организаціи періодическихъ органовъ печати, которые до сихъ поръ еще не достигли у насъ желательной постановки.

Если ввести въ программу эти вопросы, то, думается мнѣ, она дастъ достаточно широкой базисъ для работы перваго съѣзда. Нужно лишь выполненіе двухъ условій. Во-первыхъ—чтобы нашлись представители печати, которые взяли бы на себя разработку къ съѣзду докладовъ по отдѣльнымъ пунктамъ его программы, когда она получитъ одобреніе организаціоннаго бюро, и, во-вторыхъ, чтобы это самое бюро возможно скорѣе возникло и приступило къ работѣ.

Едва ли нужно объяснять, что и въ той, и въ другой части осуществленіе высказанныхъ въ этой статьѣ предложеній и пожеланій опредѣлится прежде всего отношеніемъ, какое они встрѣтятъ со стороны нашей кievской печати и ея дѣятелей.

Ал. Саликовскій.

Украинскій театръ.

I.

Украинское движеніе съ самаго своего возникновенія глубоко проникнуто народнымъ элементомъ. Иначе и быть не могло: при возникновеніи движенія высшіе классы украинскаго народа уже денаціонализировались, и взоръ піонеровъ украинскаго возрожденія неволью обращался къ низамъ, къ „народу“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, — ибо хотя народъ и былъ лишень національнаго самосознанія, но сохранялъ свою національную фізіономію. Народъ сдѣлался тѣмъ источникомъ „живущоі й цілющсі“,—животворной и цѣлительной,—воды, къ которому неволью влекло всякаго украинца, задумывавшагося надъ вопросомъ, формулированнымъ Шевченкомъ въ такихъ простыхъ, но полныхъ глубокаго смысла словахъ: „кто ми? чиі сини, якихъ батьків?“ Изъ этого неизсякаемаго источника черпали свое содержаніе и украинская литература, и украинскій театръ, возродившійся какъ-разъ въ то время, когда во всей Россіи господствовало народническое теченіе.

Впрочемъ, уже въ XVII в. народная стихія, въ интермедіяхъ и интерлюдіяхъ, вставляемыхъ въ школьную драму, оживляла сухой морализаторскій тонъ этихъ схоластическихъ произведеній. Съ еще большей опредѣленностью проявлялся живой народный элементъ въ народномъ кукольномъ театрѣ-вертепѣ. Какъ интермедіи и интерлюдіи, такъ и вертепъ представляли собой элементы, изъ которыхъ при нормальныхъ обстоятельствахъ развилась бы украинская свѣтская комедія. Но съ Петра I начинается рядъ мѣръ, направленныхъ къ уничтоженію не только украинскихъ вольностей, но и національныхъ особенностей. Петръ поднимаетъ кампанію противъ „малороссійскихъ примрачныхъ рѣченій“ и принимаетъ мѣры, „дабы никакой розни и особаго нарѣчія не было“. Въ частности онъ ополчается и противъ вертепа, которому въ то время, повидимому, не чужды были и отклики на темы политической дѣй-

ствительности. При Петрѣ вертепъ былъ официально запрещенъ, и хотя просуществовалъ до середины XIX в., но уже лишь въ видѣ простаго праздничнаго развлечения.

Преемники Петра въ общемъ вели ту же политику подавленія украинской національности; особенно же ревностно поддерживала эту политику Екатерина II. Конечно, это не могло способствовать развитію украинской драмы. Наоборотъ, образованные классы украинскаго общества все болѣе денационализировались, все болѣе отрывались отъ народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ падали и зачатки украинской народной драмы.

Но инстинктивной любви къ родной національности не могла вытравить самая настойчивая руссификаторская политика. Даже въ душѣ оторванныхъ отъ народа вельможъ, украинцевъ по происхожденію, оставалась искра любви къ своему, родному, прежде всего къ языку. И когда, въ концѣ XVIII в., въ имѣніяхъ богатыхъ украинскихъ помѣщиковъ появились собственные театры съ актерами изъ крѣпостныхъ, украинская струя нашла для себя выходъ и украинская рѣчь зазвучала со сцены: для этихъ домашнихъ театровъ начали создаваться украинскія пьесы. Такъ, Котляревскій писалъ пьесы для театра кн. Репнина, а отецъ Гоголя — для театра сенатора Трощинскаго. Изъ этихъ произведеній до насъ дошли только пьесы Котляревскаго да одинъ водевиль Гоголя. Остальныя пьесы затерялись, какъ затерялось немало ненапечатанныхъ пьесъ и русскаго репертуара, которыя забывались, когда сходили со сцены.

Изъ дошедшихъ до насъ пьесъ Гоголя-отца и Котляревскаго мы видимъ, что зарожденіе новой украинской комедіи было вмѣстѣ съ тѣмъ и возвращеніемъ къ народу. Особенно ярко проявился народный украинскій духъ въ пьесѣ Котляревскаго „Наталка-Полтавка“, которая составляетъ, несомнѣнно, эпоху въ развитіи украинскаго театра. Эта пьеса, просуществовавъ свыше ста лѣтъ, до сихъ поръ остается въ украинскомъ репертуарѣ и, несмотря на устарѣлость своей формы, привлекаетъ жизненностью и колоритностью выведенныхъ въ ней типовъ. Недаромъ она вездѣ встрѣчалась публикой съ восторгомъ. Да и вообще украинскіе спектакли имѣли тогда огромный успѣхъ, и хотя специально украинскихъ труппъ не было, но съ 20-хъ годовъ XIX в. украинскіе спектакли ставятся и частными труппами помѣщиковъ-любителей, и странствующими польскими

труппами правобережной Украины, изъ которыхъ польовалась наибольшою извѣстностью труппа Жураховскаго и Молотковскаго. Среди актеровъ выдвигаются спеціалисты на украинскія роли. Такъ, среди польскихъ актеровъ 30—40-хъ годовъ славился Рыкановскій, „безподобно изображавшій малорусскіе типы“, а среди русскихъ — знаменитый М. С. Щепкинъ, Соленикъ и др.

Такимъ образомъ, постепенно начинается почва для народженія подлиннаго украинскаго театра. Но украинская драматическая литература была пока крайне бѣдна. Изъ появившихся раньше пьесъ Котляревскаго, Гоголя, Квитки и присоединившихся къ нимъ затѣмъ драматическихъ произведеній Шевченка, Костомарова, Кухаренка, Стороженка и др. лишь немногія были отмѣчены печатью таланта, да и въ нихъ царилъ примитивъ. Украинская литература застыла на изображеніи внѣшнихъ сторонъ народнаго быта (причемъ особое вниманіе удѣлялось пѣснѣ), на „жартахъ“ да на слезливо-сентиментальныхъ „несчастныхъ коханняхъ“. И это было естественно. Вѣдь не при николаевскомъ режимѣ можно было нарисовать настоящую, неприкрашенную картину жизни народа, со всѣми ужасами крѣпостничества, народнаго горя и безправія!..

Между тѣмъ русская драма, имѣвшая возможность развиваться на болѣе широкомъ полѣ, выдвинула къ тому времени рядъ крупныхъ талантовъ, которые еще болѣе отѣняли бѣдность украинской драматической литературы. Естественно, что украинская драма отошла на задній планъ. Либеральныя вѣянія 60-хъ годовъ были слишкомъ кратковременны, чтобы неуспѣвшій еще даже прорости ростокъ украинской драмы ожилъ и расцвѣлъ. А когда снова началась реакція, тяжело упавшая на украинство, украинская драма почти совершенно сходитъ со сцены.

„Украинскій театръ былъ тогда при послѣднемъ издыханіи, — говоритъ о началѣ 70-хъ годовъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ карифеевъ украинскаго театра, М. Л. Кропивницкій, — только еще кое-гдѣ любители ставили иногда, разъ въ годъ, „Наталку-Полтавку“ или „Назара Стодолю“, — какъ, напр., въ Александріи, Елисаветградѣ, Херсонѣ, — настоящія же труппы пренебрегали ими, и сами актеры съ украинскими фамиліями попрятались за псевдонимы, то за „овыхъ“, то за „евыхъ“. Михайловскій, когда-то бывшій украинскимъ актеромъ, превратился въ Базарова, Лашко — въ Лашкова, Петренко — въ Петренкова“...

Борьба за украинскую сцену казалась при такихъ условіяхъ крайне трудной. Однако, она не была безнадежной, если принять во вниманіе, что уже въ 60-хъ годахъ въ Елисаветградѣ ставились постоянные украинскіе спектакли кружкомъ любителей, между которыми Карпенко-Карый въ своихъ воспоминаніяхъ называетъ, какъ наиболѣе талантливыхъ, Тарнавскую, Безрадецкую, Островерхаго, Тарнавскаго и др. Затѣмъ, въ началѣ 70-хъ годовъ Кропивницкому удалось встрѣтить въ Харьковѣ подходящихъ для украинскихъ спектаклей актеровъ. „Украинскія пьесы, — рассказываетъ онъ, — превлекали публику, но мѣстная пресса не сочла нужнымъ отмѣтить этотъ успѣхъ“...

Въ то самое время, когда Кропивницкій искалъ „людей“ въ Одессѣ и Харьковѣ, въ Кіевѣ сгруппировался кружокъ украинцевъ-любителей во главѣ съ Н. В. Лисенкомъ и П. М. Старицкимъ и добился разрѣшенія ставить частные украинскіе спектакли. Съ молодой энергіей и одушевленіемъ члены кружка принимаются за дѣло. Ничтожный украинскій репертуаръ требуетъ пополненія. И Старицкій пишетъ оригинальныя пьесы, передѣлываетъ и приноврываетъ для сцены чужія; Лисенко komponуетъ оперу „Різдвяна ніч“, пишетъ музыку къ „Черноморцямъ“. Въ 1874—75 г. кружокъ выступаетъ уже съ публичными спектаклями. Быть можетъ, энергическая дѣятельность молодого кружка положила бы прочное начало украинскому театру, но надъ украинствомъ снова разразилась гроза: знаменитымъ указомъ 16-го мая 1876 г. запрещено было всякое проявленіе украинской національной жизни, литература была сведена почти на-нѣтъ, постановка украинскихъ пьесъ совершенно воспрещена...

„На лѣтній сезонъ 1876 г., — рассказываетъ Кропивницкій, — уѣхалъ я въ Екатеринославъ, къ антрепренеру Изотову, и здѣсь постигло насъ, украинцевъ, величайшее горе: въ іюнѣ мѣсяцѣ исполненіе украинскихъ пьесъ Высочайшимъ повелѣніемъ было воспрещено. И засѣлъ я за зубреніе русскаго репертуара, переводнаго и опереточнаго. Ибо „нужда скачетъ, нужда пляшетъ“... Дѣйствительно, передъ украинскимъ актеромъ стояла дилемма: или уйти со сцены, или приняться за репертуаръ „переводной и опереточный“...

II.

Съ 1876 до 1880 г. украинскаго театра не существовало. Но въ этомъ году начали проявляться „новыя вѣянія“. „Диктатура сердца“ Лорисъ-Меликова, оставляя въ сторонѣ вопросъ о степени ея искренности, нѣсколько смягчила суровость режима. Командированный для ревизіи Юго-западнаго края сенаторъ Половцовъ высказывается противъ запрещенія украинскаго печатнаго слова и театра. Кіевскій генераль-губернаторъ Чертковъ представляетъ докладную записку въ томъ же духѣ. И въ концѣ этого года-новый указъ предоставляетъ генераль-губернаторамъ и губернаторамъ разрѣшать украинскіе спектакли. Разрѣшеніемъ этимъ воспользовались во многихъ городахъ, и спектакли имѣли большой успѣхъ, натолкнувшій дѣятелей украинскаго театра на мысль о постоянной украинской труппѣ. Кропивницкій, „отецъ украинскаго театра“, рассказываетъ о возникновеніи первой украинской труппы, имѣвшемъ огромное значеніе для всего украинскаго движенія, съ такой эпической простотой, которая заставляетъ думать, что самимъ инициаторамъ не вполне было ясно громадное значеніе зарождавшагося предпріятія.

„На сезонъ 1881 года, — повѣствуетъ Кропивницкій, — поступилъ я въ труппу Ашкаренка, въ Кременчугѣ. И съ этого года начинается новая эра для украинскаго театра. Отсутствіе сборовъ вынудило насъ ходатайствовать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Лорисъ-Меликовымъ о разрѣшеніи сыграть хотя нѣсколько украинскихъ пьесъ, чтобы спастись отъ неминуемой голодовки. Графъ внялъ просьбѣ, и въ томъ самомъ декабрѣ, въ которомъ не далѣе, какъ 6-го числа, въ годовой праздникъ, русская пьеса дала намъ сборъ около 50 руб., — почти столѣтняя старушка „Наталка-Полтавка“ въ среднихъ числахъ декабря, предпраздничное время, дала переполненный театр“.

Почва для украинскаго театра была, такимъ образомъ, вполне благопріятная. Очевидно, тяготѣнія къ „своему“, „родному“ не могли окончательно вытравить въ украинскомъ обществѣ никакія мѣры, никакіе запреты!

Уже первые шаги украинскаго театра были настоящимъ торжествомъ. А когда, въ 1883 г., въ труппу вошелъ, кромѣ Кропивницкаго и Н. К. Садовскаго, цѣлый рядъ молодыхъ, полныхъ силъ и свѣжести талантовъ, какъ Заньковецкая,

Затыркевичъ-Карпинская, Саксаганскій, Максимовичъ и др., когда труппа нашла, въ лицѣ М. П. Старицкаго, беззавѣтно преданнаго дѣлу, энергичнаго и умѣлаго организатора, посвятившаго дѣлу и свои силы, и свои средства, украинскіе спектакли превратились въ сплошной триумфъ. Громкій успѣхъ слѣдовалъ за труппой всюду, гдѣ она появлялась,— въ Одессѣ, Николаевѣ, Елисаветградѣ, Кіевѣ, Житомирѣ.

Но вмѣстѣ съ триумфомъ труппу встрѣтили зависть и ненависть. Зависть — со стороны обдѣленныхъ талантами русскихъ актеровъ, подвизавшихся въ то время въ Кіевѣ, ненависть — со стороны стараго заклятаго врага всего живого— „Кіевлянина“. Въ январѣ 1882 г. въ „Кіевлянинѣ“ появилось письмо режиссера русской труппы Казанцева съ „сообщеніемъ“ о демонстративныхъ оваціяхъ украинскимъ актерамъ, устраиваемыхъ „партіей хохломановъ“, и заявленіемъ, что онъ не можетъ пускать за кулисы публику, „потому что скопище это имѣетъ какой-то странный характеръ“. Это было началомъ травли, которую „Кіевлянинъ“ и тогда уже умѣлъ вести по всѣмъ правиламъ сикофантскаго искусства. И въ результатъ въ 1883 г. украинской труппѣ запрещено было играть во всемъ „Юго-западномъ краѣ“, въ составъ котораго въ то время входили пять губерній: Кіевская, Полтавская, Черниговская, Подольская и Волынская, — т.-е. почти вся Украина.

Это было огромнымъ ударомъ для того дѣла, которому, сознательно или нѣтъ — безразлично, служилъ украинскій театръ. Въ своей книгѣ „Двадцать пять років українського театра“ г-жа Старицкая-Черняховская совершенно вѣрно замѣчаетъ, что „ни репертуаръ, ни художественное исполненіе украинской труппы не могли такъ увлечь публику, какъ это сдѣлалъ украинскій театръ, и въ значительной мѣрѣ правду писалъ „Кіевлянинъ“, когда намекалъ, что „умысель тутъ былъ другой“. Да, былъ тутъ и другой „умысель“. Это былъ первый лучъ солнца послѣ долгой ночи, первое дуновеніе весны послѣ безнадежной зимы. Мечты, надежды — все разбудилъ онъ, родной театръ. Общество, писатели, артисты — всѣ сплотились вокругъ него. Публика наводняла заль, стояла толпой у кассы, а въ театрѣ былъ такой энтузіазмъ, какого уже не знавать нынѣшнимъ артистамъ никогда!“...

Дѣйствительно, украинскій театръ сразу приобрѣлъ огомное значеніе для украинства. Въ то время, когда укра-

инское печатное слово было запретнымъ плодомъ, когда литература сведена была почти къ нулю и украинскіе писатели принуждены были печатать свои произведенія за границей, въ Галичинѣ, когда всякое проявленіе украинской жизни было сковано тяжелыми цѣпями запрета, — въ то время украинскій театръ сдѣлался единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было публично услышать украинское слово, гдѣ изображалась жизнь украинскаго люда, пробуждалась любовь къ своему, родному, къ минутой славѣ украинскаго народа. Это была трибуна, образами отвѣчавшая на вопросы: „кто ми? чіі сини, якихъ батьків?“ Пусть украинскій репертуаръ былъ скуденъ, пусть пьесы были примитивны и по конструкціи, и по психологіи, пусть въ нихъ было много наивнаго, быть-можетъ, даже грубаго,—все-же это было для украинскаго общества живое слово, дыханіе живой жизни, это рождало энтузіазмъ, ставило ребромъ вопросъ о принадлежности къ родному народу, — словомъ, вводило въ общественную жизнь украинскій элементъ. И дѣйствіе театра было тѣмъ болѣе могущественно, что онъ говорилъ языкомъ образовъ, доступныхъ одинаково и людямъ образованнымъ, и мало просвѣщеннымъ. Онъ былъ лучшимъ средствомъ проповѣди національной идеи денационализированному украинскому обществу и не менѣе могучимъ средствомъ пробужденія любви къ народной массѣ. Недаромъ на него ополчились темныя силы!.

Вслѣдъ за запрещеніемъ играть въ предѣлахъ Юго-западнаго края, тяготѣвшемъ надъ украинскимъ театромъ цѣлыхъ десять лѣтъ, съ 1883 по 1893 г., министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстой предписалъ, чтобы тамъ, гдѣ оставалась возможность ставить украинскія пьесы, вмѣстѣ съ ними ставились обязательно русскія, „соблюдая равномѣрность актовъ“, т. е. русскія пьесы должны были имѣть столько же актовъ, какъ и украинскія. Эта новая выдумка въ духѣ официальнаго російскаго націонализма легла тяжелымъ бременемъ на украинскій театръ, заставляя содержать одновременно два состава труппы—для русскихъ и для украинскихъ пьесъ. Если же ко всему этому прибавить ту особенную заботливость театральной цензуры, которую послѣдняя неизмѣнно проявляла къ украинскимъ пьесамъ, да еще вниманіе попечительнаго начальства, которое даже пропущенную цензурой, но не понравившуюся почему-либо ему пьесу запрещало въ районѣ своего владычества, — то мы пой-

мемъ, въ какихъ тискахъ очутился украинскій театръ съ первыхъ же шаговъ своего развитія.

И все-таки, принужденный скитаться по чуждымъ, великорусскимъ городамъ, украинскій театръ продолжалъ развиваться, а репертуаръ его, несмотря на всѣ цензурныя притѣсненія, — расширяться. Кромѣ Старицкаго, на поле драматическаго писательства выступилъ Кропивницкій, а затѣмъ — Карпенко-Карый, давшій рядъ талантливыхъ, полныхъ знанія народной жизни пьесъ, съ ярко очерченными, живыми типами.

Какія мытарства приходилось претерпѣвать украинскимъ драматургамъ въ цензурѣ, свидѣтельствуешь приводимый г-жей Старицкой-Черняховской въ упомянутой выше книгѣ ея діалогъ съ цензоромъ по поводу неразрѣшенія пьесы Старицкаго „Богданъ Хмельницкій“:

— Объясните, пожалуйста, въ чемъ дѣло? Если вы имѣете что-нибудь противъ содержанія пьесы, авторъ (отецъ рассказчицы) готовъ измѣнить его, лишь бы она увидѣла свѣтъ. Вѣдь по-русски есть же пьесы, написанныя на эту тему.

— Н-да, — отвѣчаетъ съ усмѣшкой цензоръ, — пьеса пьесѣ рознь, но дѣло не только въ содержаніи, а въ языкѣ.

— Какъ въ языкѣ? Драматическія произведенія на малорусскомъ языкѣ разрѣшены къ представленію.

— Разрѣшены, да не всѣ-съ. Переведите пьесу на русскій языкъ, и тогда мы, пожалуй, разрѣшимъ ее.

— Но почему же...? — слова останавливались въ горлѣ.

— Потому-съ, что русскаго языка народъ малорусскій не понимаетъ, а малорусскій понимаетъ, — вотъ-съ и нежелательно, чтобы народъ видѣлъ такія пьесы на доступномъ для его пониманія языкѣ. Просто?

Украинскія пьесы приходилось посылать въ цензуру по нѣскольку разъ, подъ разными названіями, годами ждать разрѣшенія, и иной разъ такъ и не добиться его, несмотря на всѣ усилія. И это относится не только къ пьесамъ, гдѣ можно усмотрѣть „сепаратизмъ“ и „соціализмъ“, но и къ такимъ невиннымъ пьесамъ, какъ „Ой, не ходи Грицю“ или „Ніч під Івана Купала“, которыя три года запрещались Старицкому. Особенно тяжела была цензурная опека для Карпенка-Караго, пьесы котораго пользовались исключительнымъ вниманіемъ цензуры. Такъ, первая пьеса Карпенка Караго „Бурлака“, написанная въ 1883 г., была раз-

рѣшена въ передѣлкѣ лишь въ 1889 г. Его же пьеса „Не такъ пани, якъ підпанки“ шесть разъ посылалась въ цензуру подъ разными названіями въ теченіе почти 20 лѣтъ, пока ее, наконецъ, разрѣшили въ 1904 г. Изъ пьесъ Кропивницкаго „Глитай“ (т. е. „Міроѣдъ“) и „Доки сонце зійде“ уже послѣ разрѣшенія были снова запрещены: первая — въ теченіе 7-ми, а вторая — 10 лѣтъ.

III.

Примѣровъ, подобныхъ приведеннымъ выше, можно было бы указать значительно больше, но и сказаннаго достаточно для того, чтобы видѣть, въ какихъ условіяхъ пришлось развиваться украинскому театру.

Несмотря на все это, онъ все-таки развивался, доказывая, что живое дѣло нельзя задушить мѣрами насилія. И не только развивался, но и продолжалъ пользоваться крупнымъ успѣхомъ. Расцвѣту его способствовало и то, что онъ былъ дѣломъ новымъ, и то, что въ немъ, по счастливой случайности, соединился цѣлый рядъ крупныхъ сценическихъ талантовъ; главное же то, что во главѣ дѣла стояли люди, глубоко преданные идеѣ украинскаго театра. И даже когда въ труппѣ произошли разногласія и она въ 1885 году раскололась на двѣ, это не помѣшало развитію украинскаго театра, такъ какъ и Старицкій, и Кропивницкій, ставшіе во главѣ новыхъ труппъ, относились къ дѣлу съ прежнею любовью. Лучшія силы сосредоточились теперь въ труппѣ Кропивницкаго, которая приобрѣла такую извѣстность, что Кропивницкій рѣшилъ въ 1886 г. попытать счастья въ Петербургѣ. Съ трудомъ добывъ разрѣшеніе, лишь при содѣйствіи артистки Линской-Неметти, близкой знакомой петербургскаго градоначальника Гресера, Кропивницкій поставилъ въ Петербургѣ рядъ украинскихъ спектаклей, имѣвшихъ небывалый успѣхъ. Такой знатокъ театра, какъ Суворинъ, помѣстилъ въ „Новомъ Времени“ рядъ восторженныхъ статей объ этихъ спектакляхъ. Какъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Н. К. Садовскій, „слава труппы въ Петербургѣ росла съ каждымъ днемъ. Билеты на представленія продавались за недѣлю раньше, и вся Мойка, ведшая къ театральной кассѣ, была запружена людьми всякихъ ранговъ, и проѣздъ по ней былъ прекращенъ. Чиновное общество, бывавшее до сихъ поръ лишь въ Императорскихъ театрахъ, оставило

ихъ и потокомъ устремилось въ Кононовскій залъ, посмотрѣть труппу изъ Назарета. И сидѣла эта публика въ театрѣ такъ тихо, точно весь залъ наполненъ былъ мертвецами, а не живыми людьми. Каждый шепоть, каждое дыханіе актера на сценѣ слышны были въ самомъ отдаленномъ уголкѣ зала. И вдругъ, когда актеръ доводилъ ее до полной иллюзіи дѣйствительной жизни, она, точно бомбой, разражалась бурей аплодисментовъ, „браво“ и мгновенно затихала, точно боясь проронить хоть одно словечко“.

И даже здѣсь, въ далекомъ, холодномъ чиновничьемъ Петербургѣ, труппа производила на украинцевъ, давно забывшихъ въ петербургскихъ канцеляріяхъ о томъ, кто они, „чи сини, якихъ батьків“, такое впечатлѣніе, что, какъ рассказываетъ далѣе Садовскій, „землячки, которыми переполнены всѣ правительственныя петербургскія учрежденія, начали понемногу признаваться, что „я-де, тоже малороссъ, но уже давно изъ Украины и говорить не умѣю, хотя все понимаю; очень-очень приятно познакомиться“. И важный, сановный бюрократъ-малороссъ любезно пожималъ демократическую руку маленькаго украинскаго актера, который не могъ понять, откуда ему такое благоволеніе. Крупныхъ актеровъ петербургское барство наперебой залучало къ себѣ на обѣдъ или на журфиксъ, гордясь передъ другими, которымъ такое счастье еще не улыбнулось“.

Въ концѣ-концовъ слухи о „труппѣ изъ Назарета“ дошли и до Императорскаго дворца, и труппа приглашена была дать спектакль въ присутствіи самого Александра III. Но все это не улучшило положенія украинскаго театра, и всѣ стѣсненія остались въ силѣ...

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

С. Буда.

Національний вопросъ въ европейскомъ освѣщеніи.

Какъ извѣстно, первый съѣздъ расъ въ Лондонѣ, лѣтомъ 1911 г., вызвалъ столь сильный подъемъ интереса къ національному вопросу, обнаружилъ столько неправильнаго, несправедливаго во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ націй, что тогда же организовано было специальное покровительственное учрежденіе, Comité de Patronage, для огражденія правъ подавленныхъ народностей. Въ него вошли выдающіеся дѣятели почти всѣхъ народовъ Европы. Секретарями были избраны гг. Габрисъ и Ж. Пелиссъ. Изъ живущихъ въ Парижѣ членовъ этого комитета образовалось центральное бюро національностей L'Office des Nationalités. Этотъ комитетъ поставилъ себѣ слѣдующія задачи: 1) собраніе всякихъ этнографическихъ, литературныхъ и историческихъ національных матеріаловъ, для изученія духовныхъ особенностей разныхъ націй; 2) облегченіе взаимныхъ сношеній между отдѣльными націями для установленія лучшаго взаимнаго пониманія и закрѣпленія общей солидарности, столь необходимой для осуществленія федеративныхъ и автономныхъ стремленій всѣхъ націй; 3) содѣйствіе разнымъ научнымъ экспедиціямъ во всѣ страны свѣта для изученія быта и условій жизни разныхъ народностей. Мечтой комитета является созданіе международнаго музея-дворца, въ которомъ были бы собраны всевозможныя національныя сокровища этнографіи и исторіи, творчества современнаго и прошлаго. Кромѣ того, комитетъ рѣшилъ освѣдомлять прессу о всякихъ интересныхъ явленіяхъ въ жизни націй, а также издавать свой органъ „Les Annales des Nationalités“. Эти „Анналы Націй“ уже выходятъ въ Парижѣ ¹⁾ ежемѣсячно, и въ нихъ принимаютъ участіе такія выдающіяся силы западно-европейской науки и литературы, какъ Синьебось, Фулье, Смолка, Мистраль,

¹⁾ Адресъ для выписки: Paris, Rue Taitbunt 3 (Boulevard des Italiens). Цѣна за годъ для заграницы 12 франковъ.

Пелиссье и др. На „Анналы“ нельзя не обратить вниманія, какъ на одинъ изъ первыхъ органовъ, обслуживающихъ всемірную идею національнаго освобожденія. Великая идея поставлена въ этомъ новомъ французскомъ журналѣ на соотвѣтствующую ей основу гуманнаго уваженія къ правамъ народовъ, всѣхъ народовъ, какъ бы слабы, задавлены ни были они въ настоящее время. Право націй — вотъ лозунгъ, который „Les Annales des Nationalités“ даютъ нашему времени. Отъ удовлетворенія правильныхъ національныхъ запросовъ зависитъ всеобщій миръ народовъ, а миръ такъ необходимъ: современное человѣчество такъ связано общими культурными и экономическими интересами, что малѣйшее нарушеніе мира на томъ или другомъ концѣ нашей планеты отзывается болѣзненно на другомъ. Все это требуетъ объединенія, а оно возможно лишь при условіи признанія свободы и права на независимую жизнь для каждой націи. Слѣдовательно, миръ всѣхъ зависитъ отъ удовлетворенія отдѣльныхъ націй. „Не должно быть, — говоритъ Пелиссье въ передовой статьѣ, къ „Appal'амъ“, ни одной угнетенной, преслѣдуемой націи, не должно быть и народовъ-притѣснителей, гордящихся своею интенсивною силою давленія¹⁾).

Журналъ ведется очень интересно: теоретическія статьи разсматриваютъ національный вопросъ съ юридической и психологической точки зрѣнія. Въ этомъ отношеніи надо отмѣтить статьи покойнаго Новикова и Габриса. Для практической же разработки національнаго вопроса журналъ помѣщаетъ очерки, знакомящіе съ разнообразными сторонами національной жизни разныхъ націй, и выясняетъ автономныя національныя требованія въ разныхъ странахъ. Такъ, чешской современной литературѣ и чешскимъ „соколамъ“ посвящены двѣ статьи въ третьемъ и четвертомъ №№. Высказаны требованія автономіи Эльзасъ-Лотарингіи (см. № 3, рефератъ Лихтенберга. Кромѣ того, дается хроника — „Echos“, — въ которой отмѣчаются всякія національныя выступленія и случаи выдающагося насилія надъ правами націй.

Весь 6—7 № посвященъ отчету о предварительныхъ засѣданіяхъ комитета для созванія всемірнаго конгресса націй въ іюль 1913 года. Эти работы привлекли въ Парижъ

¹⁾ „La Cooperative des Nationalités“, № 1, p. 1.

лѣтомъ 1912 г. около 200 выдающихся дѣятелей разныхъ націй. Многіе изъ нихъ, какъ, напр., представители литовскаго народа, латышскаго, каталонскаго, сдѣлали обстоятельные доклады о положеніи національнаго вопроса въ ихъ странѣ. Другіе представители ограничивались привѣтствіями и заявленіями о желаніи своей націи присоединиться къ союзу націй. Было и привѣтствіе отъ украинцевъ, живущихъ въ Парижѣ и въ Льежѣ. Высказывая сожалѣніе, что они узнали слишкомъ поздно о предварительномъ съѣздѣ и потому не имѣли возможности приготовить докладъ объ украинскомъ вопросѣ, украинцы заявляютъ лишь отъ имени своей родины полное сочувствіе работамъ комитета.

Между присутствовавшими на съѣздѣ національными представителями особое вниманіе обращали на себя: индусская патріотка г-жа Кама, представители младотурокъ и республики С.-Доминго. Привѣтствовали будущій конгрессъ и выдающіеся ученые — позитивистъ Корро, профессора изъ Гельсингфорса, Копенгагена и др.

На предварительномъ съѣздѣ выработана была программа предстоящаго конгресса. На немъ предполагается обсуждать слѣдующіе вопросы: 1) причины, вызвавшія пробужденіе національностей въ XIX в. (общій докладчикъ Сеньебось); 2) націи и пацифизмъ (докладчикъ Эмиль Арно, вице-президентъ мѣждународнаго бюро мира въ Бернѣ); 3) феминизмъ у разныхъ націй, его требованія и пути дѣятельности (Лидія Писаревская); 4) автономистское движеніе и исторія (Летаконну, хранитель музея на филологическомъ факультетѣ); 5) организація союза націй для взаимной обороны ихъ правъ; 6) всеобщій языкъ.

Бюро приглашаетъ всѣ національныя и областныя организаціи въ разныхъ странахъ готовиться къ конгрессу, присылать доклады по всѣмъ вышенамѣченнымъ вопросамъ. Эти доклады должны быть получены въ центральномъ комитетѣ по крайней мѣрѣ за мѣсяць до конгресса. Комитетъ передастъ ихъ на разсмотрѣніе назначенныхъ по каждому вопросу докладчиковъ. Послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній шестой вопросъ о всеобщемъ языкѣ былъ снятъ съ очереди программныхъ занятій конгресса¹⁾.

Сеньебось указалъ на необходимость всѣмъ угнетаемымъ

¹⁾ № 6—7, стр. 84—85.

и подавленнымъ народностямъ объединиться и организовать синдикатъ народовъ. По его мнѣнію (а оно опирается у этого знаменитаго историка на долгія наблюденія надъ исторической жизнью народовъ), возрожденіе націй — явленіе стихійное и неупорядоченное. Угнетеніе народа вездѣ производилось завоевательною аристократіею. Но вездѣ, на всемъ земномъ шарѣ аристократія обречена на вырожденіе, исчезновеніе. Душа націи нѣдрится въ народныхъ массахъ. По мѣрѣ роста умственного и экономическаго развивается національное самосознаніе этихъ массъ, вызывая у нихъ неупорядоченное стремленіе къ независимости, къ свободному проявленію всѣхъ своихъ національных особенностей. Но при огромномъ увеличеніи военныхъ силъ, находящихся подъ рукою у всѣхъ угнетающихъ государствъ, бороться съ ними вооруженною силою не представляется возможнымъ ни для одной угнетенной народности. Для нихъ остается одинъ путь самообороны — путь печатнаго слова, обращеніе къ всемірной совѣсти.

Историкъ Летаконну съ своей стороны поддерживаетъ необходимость объединенія всѣхъ обиженныхъ націй въ одинъ могучій синдикатъ народностей. Чѣмъ больше націй прикнутъ къ нему, чѣмъ лучше ознакомлены онѣ будутъ съ положеніемъ национальной жизни у каждой изъ нихъ, тѣмъ яснѣе станетъ передъ всѣми вопросъ о правахъ национальностей. „Въ дѣлѣ пониманія национальной жизни великую услугу, — говоритъ Летаконну, — можетъ оказать исторія“. Въ концѣ рѣчи онъ перечислилъ, какія уже были въ 1911—12 гг. по этому вопросу лекціи и рефераты: 1) нація Европы (Сеньебось); 2) автономія Эльзась-Лотарингіи (Лихтенбергъ); 3) польская нація; 4) ирландская автономія; 5) католонское національное движеніе; 6) автономія греческаго архипелага; 7) албанскій вопросъ; 8) сербо-кroatская національность; 9) Финляндія: защита ея конституціонныхъ законовъ; 10) македонскій вопросъ.

На 1912—13 г. намѣчены слѣдующіе рефераты: 1) шлезвигскій вопросъ; 2) литовская нація; 3) возрожденіе Украины (Федорчукъ); 4) румынская нація; 5) чешскій народъ; 6) родина болгаръ.

Школа высшихъ социальныхъ знаній въ Парижѣ дѣятельно помогаетъ комитету въ изученіи всѣхъ этихъ вопросовъ и современемъ, вѣроятно, станетъ автономнымъ университетомъ национальныхъ знаній.

Вслѣдъ за Летаконну Сеньебось огласилъ уставъ союза (или синдиката) націй. Всѣ статьи устава единогласно приняты и будутъ предложены на утверждение конгресса. Затѣмъ предварительный съѣздъ обсуждалъ способы скорѣйшаго распространенія идеи союза.

Нельзя не отмѣтить, что уже на этомъ лѣтнемъ собраніи представитель младотурокъ просилъ центральный комитетъ обратить особое вниманіе на положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ какъ оно болѣе всего угрожаетъ всегда европейскому миру и требуетъ для устраненія взаимнаго антагонизма между народами, населяющими этотъ полуостровъ, скорѣйшей организациі оттомано-балканской федераціи.

Предварительный съѣздъ закончился блестящими банкетами, на которыхъ пѣлись національныя пѣсни: чешскія, эстонскія и др. Участники разѣхались каждый къ себѣ на родину, готовиться къ конгрессу, къ синдикату націй; Настроеніе у всѣхъ было бодрое, повышенное: нынѣ ни одна, самая маленькая нація не одинока, не беспомощна; на праздникъ культуры и гуманизма ей уготовано равное со всѣми мѣсто, ея стремленія къ свободѣ, къ просвѣщенію признаны законными, ей подають руку помощи лучшіе люди, самые свѣтлые умы цивилизованнаго міра.

Итакъ, пока въ русской передовой печати національный вопросъ еще третируется какъ сомнительный факторъ прогресса; пока у насъ въ Россіи на всякое проявленіе національной самобытности смотрятъ какъ на преступное посягательство на благополучіе государства, тамъ, въ Парижѣ, въ центрѣ цивилизациі, блестящее собраніе ученыхъ, политическихъ и общественныхъ дѣятелей, литераторовъ и художниковъ всей Европы громко провозглашаетъ національный вопросъ лозунгомъ всѣхъ передовыхъ общественныхъ направленій и ставитъ гуманное, справедливое разрѣшеніе этого вопроса на первую очередь міровой политики. Вопросъ этотъ ставится на всестороннее научное обсужденіе, какъ самый демократическій и гуманный принципъ XX вѣка. Нація, какъ и всякая человѣческая личность, должна быть свободна, должна быть уважаема въ своихъ національныхъ правахъ.

И всѣ націи, — отъ Финляндіи, Ирландіи до далекой Индіи, — отозвались на призывъ центральнаго бюро, онѣ шлютъ ему свои заявленія, свои привѣтствія. Точно заря но-

ваго для озолотила ихъ темные горизонты. Для своей конечной побѣды друзья національной независимости не ищутъ ни штыка, ни пушки. Они вѣрятъ въ силу печатнаго слова, знанія и единенія. Пусть національная жизнь станетъ открыто у всѣхъ передъ глазами, и міръ ужаснется передъ испытываемой ею несправедливостью. Пусть націи узнаютъ другъ-друга и научатся уважать одна другую, какъ бы мала и невѣжественна ни была та, или иная изъ нихъ до настоящаго момента. Тогда только возможно будетъ объединеніе и взаимная помощь. Въ національныхъ вопросахъ вѣковое поработеніе и угнетеніе породило столько недоразумѣній, лжи, малодушія, что необходимо прежде всего пролить на нихъ какъ можно больше свѣта науки; нужно народамъ воспитать себя въ началахъ демократизма и гуманизма.

Всѣмъ этимъ назрѣвшимъ запросамъ и можетъ лучше всего служить всемірный конгрессъ націй и синдикатъ ихъ, а потому и нужны постоянныя сношенія съ парижскимъ центральнымъ комитетомъ. Ихъ можно вести черезъ редакцію органа комитета „Les Annales des Nationalités“ по приведенному выше адресу. Съ комитетомъ уже завязали связи чехи, болгары, литовцы, латыши, каталонцы и многія другія народности. Украинцы, конечно, не могутъ не протянуть имъ всѣмъ свою дружескую руку и не привнести свою работу въ великое дѣло освобожденія и взаимнаго пониманія всѣхъ націй. Они давно высказывали въ своей литературѣ и публицистикѣ именно такое пониманіе національнаго вопроса, какъ лозунга просвѣщенія и освобожденія всѣхъ народныхъ массъ; они никогда не отдѣляли своего національнаго дѣла отъ широко-демократическихъ интересовъ всего человѣчества. Они въ правѣ сказать, что лозунгъ федераціи націй, поставленный недавно сорганизовавшимся комитетомъ націй, высказанъ 50 лѣтъ тому назадъ украинскимъ поэтомъ Шевченкомъ. Этотъ же лозунгъ былъ научно обоснованъ украинскими учеными Костомаровымъ и Драгомановымъ. Ихъ великія тѣни зовутъ украинскую націю всѣми силами поддержать усилія лучшихъ людей Европы, направленные къ осуществленію истиннаго братства націй.

С. Русова.

Еще о русском либерализмѣ

(Отвѣтъ г. Вл. Жаботинскому).

Что меня особенно удивило въ статьѣ г. Жаботинскаго, напечатанной въ 7—8-й книжкѣ „Украинской Жизни“, такъ это то обстоятельство, что она написана... „инородцемъ“.

Русскій либерализмъ, вѣрный старымъ традиціямъ, по-прежнему „безмолвствуетъ“ во всемъ, что касается украинско-русскихъ отношеній. Съ его молчаливаго согласія монополію въ этомъ вопросѣ захватила, какъ извѣстно, правая печать. Какъ бы это, однако, ни было печально, съ фактомъ нужно считаться и пока-что вести наши споры съ русскимъ либерализмомъ хотя бы и въ отсутствіи обвиняемаго.

Долженъ сознаться, что доводы г. Жаботинскаго, къ сожалѣнію, не заставили меня измѣнить мои взгляды на русскій либерализмъ, высказанные въ № 5 „Украинской Жизни“. Нѣкоторые изъ аргументовъ, приводимыхъ г. Жаботинскимъ, основаны, — какъ я постараюсь ниже показать, — на недоразумѣніи, нѣкоторые же, — какъ я опять-таки постараюсь показать, — противорѣчатъ одни другимъ. Прежде всего въ моей статьѣ я вездѣ говорилъ объ отношеніяхъ украинцевъ къ русскому либерализму, или наоборотъ. Г. Жаботинскій говоритъ о „насъ“ („мы“) — о всѣхъ инородцахъ. Такая постановка вопроса, по-моему, неправильна. И неправильна потому, что украинскій вопросъ — вопросъ исключительной важности для Росіи и съ иными инородческими вопросами не можетъ быть сравниваемъ. Уже это взятіе украинства за общую скобку съ прочими недержавными народами, — по существу дѣла неправильное, — ослабляетъ силу аргументовъ г. Жаботинскаго. Одними изъ нихъ онъ старается доказать, что вопросы внѣшней политики врядъ ли явятся стимуломъ къ будущему русско-польскому союзу. Доказывая это, г. Жаботинскій тѣмъ самымъ опрокидываетъ и мое утвержденіе о возможной враждебности къ намъ русскаго либерализма. Мнѣ кажется, что какъ бы „туманна“, — по выраженію г. Жа-

ботинскаго,—ни была область внѣшней политики, русско-нѣмецкое (если хотите, русско-австрійское) соперничество на Балканахъ представляетъ собою довольно яркое пятно въ этомъ „туманѣ“, которое становится все яснѣе, все ярче и,—*vebussic stantibus*, — не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія исчезнуть. Очень характерно, что единственная причина, способная, по мнѣнію г. Жаботинскаго, бросить Австрію и Россію въ объятія другъ-другу (консолидація Турціи), какъ-разъ въ настоящій моментъ, болѣе чѣмъ когда-либо, проблематична. А если такъ, то парадированіе польскимъ козыремъ со стороны Россіи,—въ интересахъ своей балканской и вообще славянской политики,—не является невозможнымъ. Нѣтъ, по-моему, никакого противорѣчія и въ томъ, если бы Россія въ цѣляхъ пріобрѣтенія симпатіи славянъ съ одной стороны покровительствовала полякамъ, а съ другой—отрицательно относилась къ требованіямъ украинцевъ. Такая политика несколько бы не ослабила моральнаго престижа Россіи на Балканахъ, гдѣ объ украинцахъ имѣютъ не больше понятія, чѣмъ о ботокудахъ, а если и имѣютъ, то какъ о „вѣтви русскаго народа“.

Не опровергаетъ моихъ предположеній о будущей роли поляковъ въ Россіи и указаніе г. Жаботинскаго на сравнительную малочисленность ихъ. Удѣльный вѣсъ какой-нибудь націи въ государствѣ опредѣляется не только ея количественною величиною, а и другими моментами: еще до недавняго времени, напр., нѣсколько сотъ тысячъ австрійскихъ итальянцевъ играли въ Австріи большую роль, чѣмъ 4 милліона украинцевъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать о сильномъ польскомъ „*Besitzstand'ъ*“ на Литвѣ, Бѣлоруссіи и Украинѣ, гдѣ поляки составляютъ,—во многихъ мѣстахъ,—наиболѣе экономически сильный и культурный элементъ населенія, которому русскій либерализмъ уже теперь не прочь протянуть руку. И притомъ какъ-разъ въ тѣхъ самыхъ цѣляхъ, на которыя указывалъ я. Вотъ что, напр., можно было прочесть въ извѣстной статьѣ г. Старосельскаго въ IX кн. „Русской Мысли“ за 1911 г.: „Представляя лишь верхній слой населенія, обособленные отъ главной его массы социальными, національными и религіозными различіями, поляки могли бы быть привязаны разумной и справедливой политикой къ центральной государственной власти, поскольку они въ ней

видѣли бы защиту отъ угрожающихъ ихъ существованію иноплеменныхъ противниковъ, крестьянства и еврейскаго капитала“.

Аналогичныя идеи можно найти во многихъ русскихъ либеральныхъ газетахъ и журналахъ. Даже если оставить въ сторонѣ пресловутыхъ гг. Струве и Кашкарова. Принимая все сказанное во вниманіе, думаю, что сомнѣніе г. Жаботинскаго въ возможности для русскихъ поляковъ занять „амплуа“ привилегированной націи, — врядъ ли обосновано. Повторяю, однако, здѣсь еще разъ: единственное, на что я претендую, это большая вѣроятность моихъ выводовъ.

Г. Жаботинскій старается дальше доказать, что русскій либерализмъ не раньше выступитъ противъ украинства, „чѣмъ измѣненіе культурно-политическаго Besitzstand'a станетъ реальнымъ, конкретнымъ, осязательнымъ фактомъ“.

Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ недоразумѣніемъ. Что русское либеральное общество — въ общемъ и цѣломъ — еще не выступило противъ украинства, и именно вслѣдствіе слабости еще украинскаго движенія, — на это какъ-разъ указывалъ я въ моей статьѣ. Я какъ-разъ писалъ, что только лишь „помѣрѣ роста и укрупленія украинства прежній индифферентизмъ русскихъ либераловъ переходитъ въ явную враждебность“; между г. Жаботинскимъ и мною въ этомъ отношеніи лишь та разница, что г. Жаботинскій считаетъ гг. Струве „исключительными образцами“, я же считаю ихъ выступленія симптомами. Вся разница между ними и прочими либералами та, что гг. Струве поняли значеніе украинскаго движенія для Россіи и увѣрвали въ него сильнѣе другихъ, сильнѣе, быть-можетъ, нѣкоторыхъ украинцевъ. Вѣдь это не случайно, что тѣ изъ русскихъ либераловъ, которые наиболѣе рѣшительно выступали въ защиту украинства, въ силу его почти совершенно не вѣрили. Пусть читатель вспомнитъ думскія рѣчи по украинскому вопросу гг. Милюкова и Родичева. Я вполне согласенъ съ г. Жаботинскимъ, что масса учится только на фактахъ. Но только масса. Думать же, что и русскія политическія партіи либераловъ не пошевелинутъ пальцемъ „ради защиты позицій, которымъ фактически еще долго ничто не угрожаетъ“, — значить, отрицать возможность дальновидной политики, опирающейся на учитываніе настоящаго и предвидимаго будущаго. Въ осо-

бенности относительно этого послѣдняго мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать большую дальновидность у официальной Россіи, чѣмъ у либераловъ. Кромѣ того, на особенную впечатлительность русскаго (независимо отъ партійной принадлежности) по отношенію къ намъ вліяетъ и то особенное значеніе среди инородческихъ вопросовъ вопроса украинскаго, на которое я указалъ выше. Г. Жаботинскій совершенно правъ, говоря, что „великороссъ, въ смыслѣ національной удовлетворенности, такъ богатъ, что многое изъ того, чего мы добиваемся, имѣетъ въ его глазахъ не большую цѣнность, чѣмъ обглоданная кость подъ столомъ миллионера“. Однако, въ этомъ своемъ утвержденіи г. Жаботинскій правъ только до тѣхъ поръ, пока онъ не включаетъ въ это „мы“ украинцевъ... Это обстоятельство и объясняетъ, почему гг. Струве появляются у русскихъ сравнительно скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Если г. Жаботинскій хочетъ сослаться на „національную“ психологію русскаго, то она скорѣе, мнѣ кажется, можетъ быть моимъ аргументомъ. Мнѣ не приходилось встрѣчать большихъ консерваторовъ въ національномъ вопросѣ, чѣмъ русскіе. „Освободиться отъ мнѣній, изрѣдка считаеваемыхъ нами за истину, не каждый въ состояніи“,— говоритъ большой знатокъ человѣческой психологіи, Рене Декартъ. Русскіе „издавна“ считали, что „хохлы“ — „вѣтвь“ русскаго народа. Объ этомъ ихъ училъ Иловайскій, объ этомъ они читали въ газетахъ — даже либеральныхъ, въ этомъ отчасти, къ сожалѣнію, убѣждали ихъ и сами „хохлы“, не всегда съ достаточною ясностью подчеркивающіе свою національную особенность. Что удивительнаго, если они теперь не желаютъ пріучиться къ иной мысли? Вотъ почему „психологически“ даже крайній либераль въ требованіи автономіи для Царства Польскаго увидитъ меньшую несообразность, чѣмъ въ требованіи украинизаціи народной школы на Украинѣ.

Именно, національная психологія русскаго, отъ которой не свободны и либералы, скорѣе въ состояніи „отталкивать“ его отъ украинства, чѣмъ „притягивать“.

Считаю нужнымъ также отмѣтить, что на одинъ изъ существенныхъ моихъ аргументовъ, приведшихъ меня къ заключенію, что либеральная Россія будетъ для насъ тою же „societas leonina“, что и нынѣшняя, — г. Жаботинскій не обратилъ вниманія. Имѣю въ виду такъ-называемый „общественный націонализмъ“.

Не свободно письмо г. Жаботинскаго и отъ одного противорѣчія. Съ одной стороны г. Жаботинскій называетъ г. Струве предтечею тѣхъ, „welche kommen werden“ А въ концѣ статьи онъ пишетъ слѣдующее: „Необходима интенсификація національныхъ движеній. Тогда, я увѣренъ, рука-объ-руку съ этими послѣдними пойдетъ и русскій либерализмъ“. Такимъ образомъ, съ одной стороны вмѣстѣ съ ростомъ украинства русскій либерализмъ обратится противъ него, а съ другой — выходитъ, что онъ пойдетъ съ нимъ „рука-объ-руку“. Какъ это примирить?

Пойдетъ ли въ далекомъ будущемъ русскій либерализмъ съ украинствомъ, — этого я не берусь предсказывать. Во всякомъ случаѣ, такое „хождение“ рука-объ-руку предполагаетъ наличность большого государственнаго смысла. Обнаружить ли его либеральная Россія, — увидимъ.

Задачею же украинцевъ, по моему мнѣнью, является: во-первыхъ, не считать индифферентизмъ русскаго общества по отношенію къ украинцамъ за скрытое благожелательство; во-вторыхъ, не считать выступленія Струве, Кашкарова, Старосельскаго, Никольскаго и имъ же нѣсть числа за „исключенія“ и, наконецъ, постепенно приучать украинское общество къ такимъ взглядамъ на русскій либерализмъ, къ которымъ, — по моему глубокому убѣжденію, — раньше или позже приведетъ его сама жизнь. Къ тому же не нужно забывать, что отвѣтъ на вопросъ, „какъ произойдетъ національная эмансипація безчисленныхъ народностей въ Россійской имперіи — съ помощью русскаго либерализма или вопреки ему“, — въ значительной степени зависитъ отъ того, что подъ „эмансипаціей“ понимать:

Во всякомъ случаѣ, русскимъ либераламъ въ ихъ отношеніи къ намъ надлежало бы всегда помнить слова великаго, такъ мало понятаго, Макіавели: „Если лѣзть болѣзнь въ зародышѣ, — она скоро и легко исчезаетъ; если же дать ей развиться такъ, что каждый ее замѣтитъ, тогда нѣтъ средства для борьбы съ нею“.

Дм. Донцовъ.

Что и требовалось доказать

(Письмо изъ Кіева).

Кіевскій украинскій клубъ закрытъ. Закрытъ навсегда, какъ гласитъ постановленіе губернскаго по дѣламъ объ обществахъ присутствія, и притомъ съ возбужденіемъ противъ совѣта старшинъ уголовного преслѣдованія. Интересно поэтому подробнѣе остановиться на мотивахъ приведеннаго постановленія и обстоятельствахъ, ему предшествовавшихъ.

Собственно говоря, закрытіе это для людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ закулисной стороною дѣла, вовсе не является неожиданностью. Напротивъ, угрожающіе признаки замѣчались давно, почти съ первыхъ же дней существованія клуба. Благодаря своеобразному вниманію администраціи и шуму, производимому вокругъ украинскаго клуба „доносительныхъ дѣлъ мастеромъ“, пресловутымъ Савенкомъ изъ „Кіевлянина“, чуть ли не сразу же создалась какая-то напряженная атмосфера, заставлявшая подозрѣвать, что тамъ, за кулисами, происходятъ какія-то таинственныя манипуляціи „на предметъ пресѣченія“. Савенко прочувствованно взывалъ: „Посмотрите на эти плахты и прочую этнографію“, разумѣя декорированный въ украинскомъ стилѣ залъ клуба, а тѣ, кому вѣдать надлежитъ, дѣйствиительно посматривали и... отмѣчали. Правда, единственно на основаніи „плахтъ и прочей этнографіи“ приступитъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ было все-таки мудрено, и вотъ исподволь и подъ рукою собирается соотвѣтственный „матеріаль“... Онъ нарастаетъ, накапливается, приводится въ извѣстность, пока, наконецъ, не признано возможнымъ приступитъ къ окончательному акту.

„Кіевскимъ губернаторомъ, — гласитъ сообщеніе обыкновенно очень освѣдомленнаго въ подобныхъ дѣлахъ „Кіевлянина“, — въ виду дошедшихъ до него свѣдѣній о тенденціозной дѣятельности кіевскаго украинскаго клуба и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ“ (!) назначена была въ 1911 г. ревизія

клуба¹⁾. Повидимому, нужныхъ „матеріаловъ“ ревизія не дала, такъ какъ клубъ продолжалъ свое существованіе. Но, какъ видно изъ того же сообщенія „Кіевлянина“,—а ему, въ виду его близости къ полиціи, въ этомъ случаѣ можно вполнѣ довѣрять,—производившій ревизію помощникъ кіевскаго полицеймейстера г. Ворончукъ представилъ совершенно недвусмысленный докладъ о результатахъ своихъ изысканій. Докладъ отмѣчаетъ, что „все дѣло-производство клуба ведется на малороссійскомъ языкѣ“; что цѣль клуба, какъ „мѣста объединенія и культурнаго просвѣщенія украинцевъ“, расходится (?) съ указанной въ его уставѣ; что въ направленіи членовъ замѣчается „стремленіе къ національной обособленности и воспитанію юношества въ этомъ духѣ“, а также „указанія на необходимость идейнаго воспитанія дѣтей“; что, наконецъ, обнаруживается „сочувствіе клуба крайнимъ лѣвымъ политическимъ стремленіямъ, что наглядно видно изъ привѣтственной телеграммы, отправленной клубомъ украинскому просвѣтительному обществу во Львовѣ по поводу засѣдающаго тамъ какого-то малорусскаго конгресса“²⁾. Конечно, столь тяжкія преступленія, какъ „идейное воспитаніе дѣтей“ или же „сочувствіе крайнимъ лѣвымъ“, обнаруженное изъ привѣтственной телеграммы³⁾, взывали къ немедленному возмездію, но... дамокловъ мечъ продолжалъ висѣть, а въ клубномъ залѣ по-прежнему продолжали красоваться „плахты и прочая этнографія“.

Такъ обстояло дѣло до іюня текущаго года, когда,—продолжаемъ по изложенію „Кіевлянина“,—губернаторомъ „въ виду дошедшихъ до него слуховъ о дальнѣйшемъ (?) функціонированіи бібліотеки въ украинскомъ

¹⁾ Интересно отмѣтить, что эта ревизія совпала съ намѣреніемъ—увы. не осуществленнымъ—украинскаго клуба устроить торжественное чествованіе памяти Шевченка по случаю 50-лѣтней годовщины смерти опальнаго поэта. Вопли патріотической печати по этому поводу, вѣроятно, еще у всѣхъ въ памяти, и можно предполагать нѣкоторую связь между ними и упомянутой ревизіей.

²⁾ „Кіевлянинъ“, № 284.

³⁾ Г. Ворончукъ между прочимъ приводитъ и текстъ этой преступной телеграммы, свидѣтельствующей въ его глазахъ о неодобрительномъ сочувствіи. Вотъ онъ: „Слава украинскимъ дѣятелямъ на полѣ просвѣтительномъ и экономическомъ. Пусть украинскій духъ объединитъ украинцевъ всего обширнаго міра для совмѣстной работы“. Дѣйствительно, это для помощника полицеймейстера черезчуръ „лѣво“.

клубъ, на что не имѣлось надлежащаго разрѣшенія, было предложено полиціи запечатать эту библіотеку, что и было исполнено“. Итакъ, снова какіе-то „слухи“, и притомъ нужно замѣтить, совершенно неосновательные. При клубѣ не было библіотеки, право на которую, кстати, давалъ ему уставъ; была лишь открыто существовавшая читальня для членовъ клуба. Тѣмъ не менѣ читальня была опечатана, и инспектору типографій г. Никольскому поручено ознакомиться съ ея содержимымъ „для установленія факта, что имѣвшійся въ украинскомъ клубѣ шкафъ съ книгами носилъ характеръ библіотеки“. Конечно, требуемое было г. Никольскимъ непререкаемо установлено...

Помимо этого ужаснаго обстоятельства („библіотека“!) въ запертомъ шкафу г. Никольскимъ обнаружена была американская газета „Свобода“, несмотря на свое названіе, свободно пропускаемая иностранной цензурой, но содержащая недопустимыя по русскимъ законамъ статьи. Эта злополучная, хотя процenzурованная „Свобода“ и была послѣдней каплей, переполнившей чашу административнаго долготерпѣнія. 4-го октября происходила ревизія, а 11-го клубъ обращенъ въ небытіе...

Таковъ фактической остовъ занимающаго насъ событія. За исключеніемъ неосновательныхъ „свѣдѣній“, неясныхъ „слуховъ“ и таковой же цѣнности умозаключеній г. Ворончука, единственно серьезнымъ основаніемъ для закрытія могъ служить фактъ нахожденія лежавшей въ запертомъ шкафу, и потому не читаемой, „Свободы“. Но и здѣсь не совсѣмъ понятно, почему промахъ иностранной цензуры, допускавшей газету къ свободному обращенію въ Россіи, поставленъ въ вину исключительно украинскому клубу?.. Вѣдь если есть здѣсь грѣхъ недосмотра, то недосмотра, такъ сказать, обоюднаго, и потому не слѣдовало ли бы грѣхъ этотъ по крайней мѣрѣ пополамъ разверстать? И если ужъ закрывать украинскій клубъ, то не подумать ли и о закрытіи столь слабо относящихся къ своимъ прямымъ обязанностямъ цензурныхъ учреждений?.. Повторяю, не все понятно въ стремительныхъ дѣйствіяхъ кіевскаго по дѣламъ объ обществахъ присутствія.

Впрочемъ, непонятно лишь съ обычной точки зрѣнія. Тамъ же, гдѣ о степени вредоносности судятъ по „идейному воспитанію дѣтей“, гдѣ такъ внимательно прислушиваются къ неизвѣстно откуда появляющимся слухамъ, гдѣ

серьезно занимаются изслѣдованіемъ вопроса, не носить ли книжный шкафъ „характера библіотеки“,—тамъ предаваться подобнымъ сомнѣніямъ является по меньшей мѣрѣ празднымъ занятіемъ. Счевидно, произошло то, что должно было произойти—раньше ли, позже ли, но непреложно. Дѣйствительность всегда совпадаетъ съ тѣмъ, что написано въ книгѣ судебъ, а означенная книга составляется вѣдь по извѣстному циркуляру объ инородческихъ обществахъ и писаніямъ того или иного Савенка. Слѣдовательно, свершилось; слѣдовательно, „что и требовалось доказать“...

С. Ефремовъ.

На Украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяць.

Н. В. Лысенко

(† 24 октября 1912 г.).

Опять смерть... Снова свѣжая могила... Настоящая книжка „Украинской Жизни“ уже печаталась, когда телеграфъ принесъ намъ горестную вѣсть о внезапной кончинѣ нашего знаменитаго „музыки“, нашего славнаго кобзаря Николая Виталиевича Лысенко. Старое и слабое сердце не вынесло послѣдняго удара, нанесеннаго жестокою судьбою, и сразу оборвалось. Мать Украина лишилась еще одного изъ своихъ прекрасныхъ, вѣрныхъ ей, сыновъ, всю свою жизнь, весь свой богатый талантъ отдавашаго на служеніе ей.

Въ слѣдующей книжкѣ „Украинской Жизни“ мы посвятимъ нашей великой утратѣ особую статью, теперь-же можемъ лишь слить свои слезы съ слезами матери Украины надъ незакрытой еще могилой.

Нехай перомъ тобі буде земля, наш рідний батьку, наш Баяне віщий! Спи спокійно, знаючи, що те, що ти залишив нам „не вмере, не загине“.

Закрытіе украинскаго клуба. 11-го октября по постановленію кievскаго губернскаго по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ присутствія, на основаніи ст. 37, закрытъ послѣ пятилѣтняго существованія кievскій украинскій клубъ. Поводомъ къ закрытію клуба послужилъ главнымъ образомъ номеръ американской украинской газеты «Свобода», найденный въ клубной читальнѣ при производствѣ ревизіи инспекторомъ типографій Никольскимъ; хотя газета эта доставлялась клубу почтою послѣ пропуска ея иностранной цензурою. Въ подтвержденіе этого губернатору представленъ послѣдній, полученный съ почты номеръ «Свобода».

Вмѣстѣ съ постановленіемъ о закрытіи клуба присутствіе постановило передать настоящее дѣло прокурору для привлеченія совѣта старшинъ клуба къ уголовной отвѣтственности по 103 и 132 стт. Уг. ул. (оскорбленіе Величества и храненіе нелегальной литературы).

Закрытый клубъ являлся единственной украинской организаціей, уцѣлѣвшей послѣ разгрома украинскихъ культурно-просвѣтительныхъ учреждений, произведеннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кіевѣ. Дѣятельность клуба была чужда политическаго

характера. Согласно уставу, задача клуба состояла въ осуществленіи чисто культурныхъ просвѣтительныхъ начинаній; онъ имѣлъ собственное помѣщеніе, гдѣ устраивалъ для своихъ членовъ и ихъ семей лекціи, рефераты, бесѣды. Онъ организовывалъ различныя экскурсіи, выписывалъ книги и періодическія изданія, устраивалъ вечеринки и концерты. Среди мѣстной культурной публики и особенно среди молодежи клубъ пользовался большою популярностью, такъ какъ былъ однимъ изъ немногихъ клубовъ, гдѣ не было азартныхъ игръ и гдѣ можно было провести время съ пользой и удовольствіемъ.

Первое организованное собраніе, послѣ котораго украинскій клубъ открылъ свою дѣятельность, состоялось 27-го апрѣля 1908 года. Въ продолженіе 1908 года въ клубѣ состоялось девять литературныхъ вечеровъ, на которыхъ было прочитано 10 рефератовъ и 9 литературныхъ произведеній. Кромѣ того, было организовано нѣсколько вечеровъ для дѣтей.

Въ 1909 году клубомъ было устроено 24 литературныхъ вечера и 3 концерта камерной музыки. Въ этомъ году клубъ посѣтило 2,500 душъ.

Въ продолженіе 1910 года клубомъ было организовано 22 литературныхъ вечера и 28 концертовъ. Въ 1911 году совѣтъ старшинъ устроилъ 23 литературныхъ вечера, 27 музыкально-вокальныхъ вечеровъ, 5 концертовъ камерной музыки, 38 танцевальныхъ вечеровъ, 5 маскарадовъ и 3 спектакля. Число посѣтителей клуба въ прошломъ году достигло 13.434 человекъ. Въ послѣднее время клубъ имѣлъ до 300 членовъ и 200 постоянныхъ гостей. При клубѣ существовало 5 комиссій: литературная, художественно-этнографическая, артистическая, библиотечная и хозяйственная. Въ послѣдніе годы своего существованія клубъ устраивалъ большіе украинскіе концерты, а также организовывалъ экскурсіи на могилу Т. Г. Шевченка.

18-го октября состоялось чрезвычайное собраніе членовъ клуба, постановившее подачу въ сенатъ жалобы на распоряженіе присутствія объ обществахъ и союзахъ.

Странности исправника. Хорольскій музыкально-драматическій кружокъ просилъ мѣстнаго уѣзднаго исправника подписать афишу о постановкѣ извѣстной пьесы М. Кропивницкаго «Глытай, або ж павук». Исправникъ афишу подписалъ, но зачеркнулъ предварительно «або ж павук», оставивъ только «Глытай», и приписалъ для чего-то: «пер»... «Що воно за «пер», недоумѣваетъ корреспондентъ «Рады» (№ 201), «не відомо». Тотъ же исправникъ не разрѣшилъ г. Б. изъ Хорола напечатать плакатъ такого содержанія: «Старовинні речі: килими, рушники, плаhti, пояси, вишивки і сорочки, зібрані в Хоролі і його околиці». Плакатъ этотъ предназначался для сельскохозяйственной выставки въ селѣ Семеновкѣ. Мотивъ неразрѣшенія напечатать плакатъ въ такомъ видѣ—непониманіе того, что тамъ написано. Исправникъ здѣсь изъ «землячковъ»...

Новый украинскій органъ. «Радѣ» сообщаютъ изъ Полтавы о состоявшемся постановленіи общаго собранія полтавскаго

фельдшерско-акушерскаго общества издавать съ новаго года украинскій популярный вѣстникъ по медицинѣ, гигиенѣ, санитаріи и природовѣдѣнію, который будетъ выходить два раза въ мѣсяць размѣромъ въ два печатныхъ листа и стоимостью 2 р. на годъ. Изданіе должно будетъ служить интересамъ фельдшерско-акушерской корпораціи и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворять потребности украинскаго народа въ области медицины, гигиены и пр., помѣщая статьи, написанныя народнымъ языкомъ.

Непоятныя утѣсенія. Изъ Каменецъ-Подольска сообщаютъ въ «Радѣ» о запрещеніи администраціей мѣстной «Просвѣтъ» ставить пьесу «Сто тысячъ». Запрещеніе послѣдовало наканунѣ спектакля.

Та же «Просвіта», приготовившись въ другой разъ къ литературно-вокальной вечеринкѣ, получила въ 8½ часовъ вечера, когда уже собралась публика, распоряженіе отъ полицеймейстера, запрещающее вечеринку на томъ основаніи, что ему не была якобы представлена книжка сочиненій Ив. Котляревскаго, изъ которой должны были читать о жизни и творчествѣ писателя. Въ дѣйствительности книжка была послана полицеймейстеру своевременно. Въ 10 часовъ вечера, когда уже публика разошлась, получилоcь разрѣшеніе на вечеринку, но безъ права читать о Котляревскомъ.

Изъ Миргорода сообщаютъ въ ту же газету о томъ, что въ мужской гимназіи начальство повѣсило такого рода плакатъ: «Въ стѣнахъ гимназіи строго воспрещается воспитанникамъ говорить на малорусской рѣчи».

Изъ Чигирина пишутъ туда же, что мѣстные любители совмѣстно съ двумя пріѣзжими артистами, приготовили къ постановкѣ пьесу «Разумный і дурень», но наканунѣ спектакля узнали, что мѣстный исправникъ отказался подписать афишу; послана была телеграмма губернатору, спектакль былъ отложенъ ко времени сельскохозяйственной выставки. Отъ губернатора получился, однако, отвѣтъ съ запрещеніемъ спектакля. ..

Блюстители «чистоты» русскаго языка. Звенигородская уѣздная земская управа отказалась распространять среди крестьянскаго населенія высланныя ей кievской губернской земской управой для бесплатной раздачи брошюры извѣстнаго на Украинѣ популяризатора Е. Х. Чекаленка «Розмови про сельске хазяйство». Свой отказъ управа мотивируетъ тѣмъ, что брошюра де написана «на искаженномъ русскомъ языкѣ» и мало понятна крестьянамъ. Политиканство звенигородскихъ земцевъ дошло до явной нелѣпости, ибо брошюра г. Чикаленка по сельскому хозяйству удостоены наградъ на многихъ сельскохозяйственныхъ выставкахъ за популярность изложенія, а министерство земледѣлія одобрило ихъ для низшихъ земледѣльческихъ школъ.

Успѣхъ украинской пѣсни. «Радѣ» пишутъ изъ Озургеть (Кавказъ), что украинская пѣсня тамъ пользуется большими симпатіями. Даже во время празднованія въ озургетской городской управѣ столѣтія Бородинской битвы хоръ мѣ-

стных солдатъ опслѣ первой пѣсни «Бородино» запѣлъ неожиданно «Через річеньку, через биструю» и «Ой, ходила дівчина бережком», что вызвало взрывъ восторга среди присутствовавшихъ грузинъ, наградившихъ пѣвцовъ аплодисментами и криками «ваша» (браво) и заставившихъ пѣвцовъ исполнить другія украинскія пѣсни на bis. Такъ на далекомъ Кавказѣ относятся туземцы къ украинской пѣснѣ, а у насъ, на Украинѣ... «въ стѣнахъ гимназій строго воспрещается» малорусская рѣчь.

Награда издательству. Украинскому издательству «Рілля» присужденъ на рокитнянской сельскохозяйственной выставкѣ похвальный листъ за литературу по сельскому хозяйству. Издательство «Рілля» должно благодарить Провидѣніе, что рокитнянская сельскохозяйственная выставка происходила внѣ сферы вліянія на нее звенигородскихъ земцевъ, столь недоброжелательно относящихся къ литературѣ «на искаженномъ русскомъ языкѣ».

Новыя пьесы. Драматическая цензура разрѣшила къ постановкѣ слѣдующія пьесы С. Черкасенка «Жарт життя», комедія на 3 діи и «Земля», драма на 4 діи. Эта послѣдняя пьеса идетъ въ театрѣ Н. Садовскаго въ Кіевѣ.

За «мазепинскія» книжки. Изъ Глинска (Полтавщина) сообщаютъ въ «Радѣ» (№ 215) о закрытіи губернаторомъ публичной бібліотеки, какъ «укрожающей государственному порядку и общественной безопасности». Эта «угроза» состояла въ томъ (корреспондентъ добавляетъ осторожно «мабуть»), что въ бібліотекѣ было около десяти маленькихъ копѣчныхъ украинскихъ брошюрокъ. Правда, передъ закрытіемъ, правленіе бібліотеки постановило выписать украинскихъ книгъ на 18 рублей, и, такимъ образомъ, ихъ было бы на 1,200 русскихъ—около полусотни; кромѣ того, въ числѣ 14 получаемыхъ бібліотекой газетъ и журналовъ имѣлось 5 экземпляровъ украинскихъ изданій, изъ коихъ 3 присылались бесплатно. Эти изданія не давали покоя многимъ. Корреспондентъ съ сокрушеніемъ отмѣчаетъ, что «особенно евреи возставали даже противъ такого ничтожнаго количества украинскихъ изданій. Они убѣждали членовъ правленія въ томъ, что украинская книжка не нужна въ бібліотекѣ... многіе евреи отказались вступать въ члены бібліотеки и въ подписчики потому, «что тамъ все малорусское»...

Современникъ Т. Г. Шевченка. «Радѣ» пишутъ, что въ селѣ Андреевкѣ (Полтавщина) живетъ крѣпкій еще старикъ Борисъ Ивановичъ Захарченко, который довольно хорошо зналъ Т. Шевченка, познакомившись съ нимъ въ то время, когда украинскій Кобзарь пріѣзжалъ въ это село осматривать церковь, сооруженную княземъ Рѣпнинымъ.

Лекція. Проф. Д. И. Эварницкій прочелъ въ Луганскѣ лекцію на тему «Устройство и бытъ запорожскихъ казаковъ». Лекція эта, какъ сообщаютъ «Радѣ» (№ 220), не имѣла успѣха по той причинѣ, что состоялась она не въ народной аудиторіи, наиболѣе посѣщаемой рабочимъ населеніемъ, а въ клубѣ, куда это населеніе по традиціи никогда не заглядываетъ. Благодаря этому лекція собрала всего лишь человѣкъ 70 слушателей и дала толь-

ко 90 рублей сбора, хотя устроена была съ благотворительной цѣлью—въ пользу недостаточныхъ учениковъ и ученицъ мѣстныхъ гимназій.

Могила кошевого Ив. Сирка. По словамъ «Дніпр. Хв.», правленіе екатеринославскаго музея имени Поля постановило поручить директору этого музея проф. Эварницкому выкупить огородъ, принадлежащій одной крестьянкѣ, гдѣ находится могила покойнаго кошевого Запорожья Сирка, за каковой огородъ владѣлица просить 600 рублей.

Автономная» Черниговщина. Въ объединенный комитетъ по сооруженію памятника Т. Г. Шевченку поступило нѣсколько подписныхъ листовъ съ надписью о томъ, что сборъ пожертвованій по Черниговской губерніи воспрещенъ администраціей. По этому поводу комитетъ запросилъ черниговскаго губернатора.

Фондъ имени Карпенка-Караго. Еще пять лѣтъ тому назадъ въ Полтавѣ былъ основанъ фондъ имени украинскаго драматурга И. К. Карпенка-Караго для выдачи премій за лучшія драматическія произведенія на украинскомъ языкѣ. О состояніи этого фонда ничего не было извѣстно до послѣдняго времени, и только теперь, когда этотъ вопросъ поднялъ въ печати братъ покойнаго драматурга А. К. Саксаганскій, выяснилось, что въ 1907 году фондъ этотъ слагался изъ 347 р. 95 к., изъ коихъ 50 р. съ нарощенными процентами хранятся у г. Г. Маркевича въ Полтавѣ, а остальные 297 р. 95 к. были переданы, какъ заявляетъ въ «Радѣ» (№ 200) г. Маркевичъ, вдовѣ покойнаго украинскаго дѣятеля Г. Т. Дмитріевой. Г. Маркевичъ говоритъ между прочимъ, что полтавцы давно уже выражали и выражаютъ желаніе (когда и гдѣ?), чтобы деньги эти были переданы въ какое-либо учрежденіе для выработки устава фонда. Однако о такомъ «желаніи» полтавцевъ,—скажемъ отъ себя,—до сихъ поръ, т.-е. до появленія въ печати письма г. Саксаганскаго, никто ничего не знаетъ. Да и зачѣмъ же, собственно говоря, остановка?

Университетскіе курсы на украинскомъ языкѣ. Въ наступившемъ зимнемъ семестрѣ во львовскомъ университетѣ (Галиція) на украинскомъ языкѣ объявлены слѣдующіе курсы: на богословскомъ факультетѣ: проф. Бартошевскаго—христіанско-католической педагогики, пастырскаго богословія; кромѣ того, семинарій по гомилетикѣ; свящ. о. Гузара—догматическаго богословія и методики параллельно съ практическимъ толкованіемъ катехизиса и библіи; кромѣ этого, онъ же будетъ вести и практическія занятія по этимъ предметамъ. На юридическомъ факультетѣ: ординарнаго проф. Стебельскаго—австрійскаго приватнаго права и австрійскаго уголовного права; прив.-доц. В. Вергановскаго—гражданскаго процесса; прив.-доц.—І. Добранскаго—исторія австрійскаго права; прив.-доц. В. Вергановскаго—гражданской процедуры; прив.-доц.—І. Добранскаго—исторія австрій-

скаго уголовного законодательства. На философском факультетѣ: проф. Мих. Грушевскаго—Хмельничина и избранные вопросы изъ исторіи Восточной Европы; кромѣ того, практическія занятія; прив.-доц. С. Томашевскаго—исторіи Галиціи, ч. II; кромѣ того и практическія занятія; проф. О. Колессы—избранные вопросы изъ исторіи украинской литературы XIX вѣка; кромѣ того, семинарій украинской филологіи; проф. К. Студынскаго—деклѣраціи церковно-славянскаго языка и курсъ украинской литературы до половины XVIII столѣтія; кромѣ этого, семинарій по украинской филологіи.—Прив.-доц. С. Рудныцкаго—курсъ океанографіи и практическія занятія по географіи; лекторъ украинскаго языка д-ръ І. Кокурудзь—лекціи по украинскому языку.

Украинскіе высшіе народныя курсы. Львовская «Просвіта» организуетъ въ началѣ 1913 г. народныя курсы по программѣ народныхъ университетовъ. На курсахъ будутъ читаться лекціи по слѣдующимъ предметамъ: 1) Украинскій языкъ и литература (исторія украинскаго языка, діалекты и говоры; отношеніе украинскаго языка къ славянскимъ языкамъ; эстетика и поэтика украинскаго слова; народная поэзія; исторія литературы: древній періодъ, средній, новый, — до Шевченка, Шевченко, совре-менный). 2) Исторія украинскаго народа. 3) Географія и этнографія Украины. 4) Исторія искусства и въ частности украинскаго, причѣмъ вниманіе будетъ обращено и на кустарный промыселъ. 5) Всеобщая исторія. 6) Юридически-политическій строй Австріи и отдѣльно Галиціи и Буковины и отношенія въ Россіи. 7) Исторія всеобщей литературы. 8) Строеніе міра, астрономія. 9) Всеобщая географія. 10) Всеобщая этнографія и антропология. 11) Развитіе религиозныхъ воззрѣній. 12) Философія, психологія и этика. 12) Исторія матеріальной культуры. 13) Человѣкъ и его строеніе (анатомія, физиологія, бактеріологія, понятіе о медицин-ской наукѣ). 15) Гигіена и первая помощь при внезапныхъ случаяхъ. 16) Природовѣдѣніе (физика, химія, зоологія, ботаника, минералогія, геологія). 17) Ветеринарія. 18) Практическая юрис-пруденція (гражданскіе законы, уголовныя, веденіе процесса, прошенія и т. д.). 19) Общественная экономія (мировое хозяй-ство, кооперація, экономическія организаціи). 20) Торговля и товаровѣдѣніе. 21) Счетоводство. 22) Веденіе хозяйства (въ частности молочнаго). 23) Практическія указанія объ открытіи и веденіи народныхъ обществъ, организаціяхъ и т. п. 23) По-жарное дѣло и гимнастика. 24) Пѣніе. Приступая къ организаціи курсовъ, львовская «Просвіта», озаботилась привлеченіемъ къ участию въ нихъ въ качествѣ лекторовъ и руководителей украинскихъ специалистовъ по соотвѣтствующимъ вопросамъ и научнымъ дисциплинамъ. Курсы, какъ видимъ, обѣщаютъ быть очень интересными и являются яркимъ показателемъ тѣхъ куль-турныхъ начинаній, которыя охватили въ настоящій моментъ широкіе круги украинскаго общества въ Галиціи.

Лекція обь Украинѣ въ Лондонѣ. Въ лондонскомъ клубѣ „Nobodies“ Джорджъ Раффаловичъ въ срединѣ сентября прочелъ лекцію о современной Украинѣ. На лекціи присутствовало около полутораго душъ. Публика живо заинтересовалась темой лекціи и предлагала лектору много вопросовъ. Лекція была иллюстрирована волшебнымъ фонаремъ и граммофономъ, всевозможные рисунки и портреты, относившіеся къ темѣ лекціи, были демонстрированы передъ аудиторіей, а также было пропѣто нѣсколько лучшихъ украинскихъ пѣсень. Для ознакомленія слушателей съ географическимъ положеніемъ Украины была специально заказана небольшая карта Украины. На лекціи присутствовали представители большинства лондонскихъ газетъ, помѣстившихъ на слѣдующій день замѣтки о лекціи, а это вещь въ Лондонѣ очень рѣдкая для непубличныхъ лекцій. Вся аудиторія интересовалась украинской этнографіей, а декламация нѣкоторыхъ вещей Шевченка, переведенныхъ г-жей Войничъ, хоть отчасти познакомила слушателей съ украинской литературой.

Однако главная часть лекціи состояла не изъ этнографіи и литературы, а въ обсужденіи политической стороны украинскаго вопроса, такъ какъ лекторъ—спеціалистъ по международной политикѣ и, естественно, этой стороной украинскаго вопроса наиболѣе интересуется. Главные выводы лектора таковы: Украина занимаетъ самую богатую территорію въ Европѣ, размѣръ которой больше Франціи. Населеніе Украины, 35 милліоновъ человекъ, отличается способностями и талантливостью, благодаря чему среди выдающихся людей Россіи большой процентъ занимаютъ украинцы по происхожденію. Развитие украинскаго національнаго возрожденія ставитъ передъ Европой проблему, которая своими размѣрами можетъ затемнить всѣ вопросы, волновавшіе до сихъ поръ европейское общество. Здѣсь лекторъ далъ нѣсколько удачныхъ цитатъ изъ „Times'a“ и др. англійскихъ газетъ, отозвавшихся на извѣстныя событія въ Вѣнѣ прошлую весну.

Сравнивая положеніе украинцевъ въ Россіи и Австріи, лекторъ находитъ, что въ Австріи имъ дышется легче, и удивляется политикѣ Россіи, стремящейся парализовать развитіе національнаго движенія украинцевъ. Лекторъ рядомъ примѣровъ изъ исторіи Англій доказываетъ, что движеніе національнаго возрожденія никакими мѣрами не можетъ быть остановлено.

Въ концѣ лекціи Джорджъ Раффаловичъ предложилъ аудиторіи воздѣйствовать на англійское общественное мнѣніе, чтобы послѣднее въ свою очередь дружественно воздѣйствовало на Россію въ смыслѣ усвоенія послѣдней тѣхъ способовъ трактованія недержавныхъ національностей, какихъ придерживается Англія. Д. Раффаловичъ кстати напомнилъ аудиторіи, что какъ-разъ теперь пребываетъ въ Англій русскій министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ, который интересуется украинскимъ вопросомъ.

Объявленъ рядъ лекцій Дж. Раффаловича на ту же тему, имѣющихъ быть въ различныхъ мѣстахъ.

Карты Украины въ Британскомъ музеѣ. С. Подолянинъ въ «Радѣ» напечаталъ интересную корреспонденцію изъ Лондона. Приводимъ наиболѣе существенныя выдержки изъ нея.

Библиотека Британскаго музея въ Лондонѣ въ нѣдрахъ своихъ содержитъ немало интереснаго, касающагося украинской исторіи. Въ каталогѣ Британскаго музея помѣщены между прочимъ 20 географическихъ картъ Украины. И это только тѣ карты, которыя указаны подѣ рубрикой «Украина». 7 картъ представляютъ Украину какъ часть великой Польши, — „Regni Poloniae et Ducatus Lithuaniae, Ukrainae et Prussiae Descriptio“.

Вторая группа состоитъ изъ 5 картъ Украины, безъ обозначенія ея политическихъ властителей. Названіе этихъ картъ: *Tynus Generalis Ukrainae Sive Palatinatum Podoliae, Kioviensis et Bracz Kavinsis terras nova delinatione exhibens.*

Въ слѣдующей группѣ картъ, наиболѣе симпатично трактуемой Украину, принадлежатъ карты подѣ названіемъ: 1) *Amplissima Ukrainae Regio—1720 года.* 2) *Ukraina seu Terra Casaccorum, cum vicinio Valachiae, Moldaviae, Moskoviae, Minorisque Tartariae provinciis (1720 г.).* 3) Французская карта 1719 г. *La Russie Rouge ou Polonoise qui comprend les Provinces de la Russie Rouge, le Voehynie et de Podolie, vougarement conniies sous le nom d'Ukraine ou Pays des Cossagues.*

Совершенно отдѣльное и самостоятельное мѣсто занимаетъ карта француза Боплана, входящая въ составъ такъ называемой «Наибольшей книги музея». Карта эта великолѣпно сдѣлана и очень велика по размѣрамъ, хотя заставляетъ сомнѣваться въ специально-географическихъ способностяхъ автора. Украина на этой картѣ выглядит какъ-то вверхъ ногами. *Delineatio specialis et accurata Ukrainae cum suis palatinatibouc, ...erecta per Guilhelmum le Vasseur de Beauplan, ...incisa opera et studio W Hondy (1650 г. Амстердамъ).*

На этой картѣ великолѣпно исполнены фигуры казаковъ, гетмановъ и т. д. Одежда и сбруя на изображеніяхъ представлены очень правильно и удачно. Вообще исполненные въ гравюрахъ фигуры и виньетки составляютъ отличительную черту картъ Украины. Особенно хороши виньетки на картѣ *Amplissima Ukrainai Regio.* Здѣсь изображены фруктовые деревья, роскошные снопы колосистой пшеницы, мѣшки, наполненные хлѣбомъ и овощами, круторогіе украинскіе волю, а по краямъ карты рѣшета, сита, лопаты; дѣвушка съ вѣнкомъ на головѣ изъ колосьевъ, съ серпомъ въ рукѣ и съ горстью пшеничныхъ колосьевъ—въ другой, по всей вѣроятности, символизируетъ Украину. Увѣнчиваетъ виньетку Меркурій со знакомъ торговли въ рукахъ.

На одной изъ картъ, въ числѣ *Urbes majores Ucrinae* находимъ—*Leopolis (Luwow seu Lemberg), Kaminec, Braclaw et Perewolotzna;* а въ числѣ *urbes minores—klovvia, Kudack, Pultava, Baturyn.* Кіевская академія также обозначена на картахъ. Нѣкоторыя карты слѣдуютъ украинскому произношенію названій,—напр., *Les Cosaques Zaporiski.* Но большинство картъ пользуется поль-

скими названіями, давая ихъ латинскія обозначенія. Московское государство вездѣ на картахъ значится какъ *Moscovia*, за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, гдѣ стоитъ: *Russia vulgo Moscovia*, или *Russia Russica*. Украина (иногда по-латински написано *Ucrania*) часто называется также *Russia Rubra* (Червоная Русь). Оба названія въ данномъ случаѣ обнимаютъ всю Украину отъ Перемышля до Батурина.

Пороги обозначены отдѣльными цифрами и названіями. Сѣчь обозначена группой зданій и украшеній. Всѣ большіе украинскіе лѣса—лѣсъ Лебединскій, лѣсъ Мортинь, Черный лѣсъ и т. д.,—также обозначены на картахъ.

Совершенно особое мѣсто занимаетъ англійская карта Украины 1740 года. („*A New Map of the Ukraine etc.*“) составленная какъ иллюстрація къ войнѣ Россіи съ Турціей и татарами въ 1736 г. Рисунокъ для карты издатели получили отъ князя Кантемира, русскаго посла въ Британіи. Карта печаталась въ Лондонѣ.

Карта эта въ музеѣ помѣщена въ отдѣлѣ военныхъ картъ. Такое же мѣсто занимаетъ и французская карта *Dedies et presentée à Monsieur le Duc de Choiseul secretaire d'Etat par Robert de Vaugondy geographe ordinaire du Roi* (1769 г.) Карта называется: *Cart des Environs de la Mer-Noir où se trouvent Ukrayne La Petite Tartarie, La Circaxoié, la Georgie et les Confins de la Russi Europeenne et de la Turquie.*

Есть въ музеѣ и нѣмецкая карта (1831 г.), носящая невинное названіе—*Karte der Russischen Provinzen: Lithauen, Curland, Leipland und der Ukraine.* Интересно, что на самой картѣ, гдѣ Украина является только частью, дано лишь одно названіе—*Ukraine*. Если бы карта была напечатана не въ 1831 г., а теперь, то, вѣроятно, «Кіевлянинъ» здѣсь нашелъ бы *Kiew Fürstentum*.

Изъ жизни украинской колоніи въ Москвѣ. Послѣ лѣтняго перерыва снова начинаютъ проявляться признаки оживленія среди членовъ московской украинской колоніи. Снова поднимаются вопросы о планомѣрной, систематической работѣ двухъ здѣшнихъ украинскихъ организаций: украинской секціи при О-вѣ славянской культуры и музыкально-драматическаго кружка «Кобзарь». Первые собранія новаго сезона были посвящены исключительно организаціоннымъ вопросамъ. На собраніи 25-го сентября былъ прочитанъ докладъ о прошлой дѣятельности секціи и произведены выборы комитета секціи. Въ составъ послѣдняго вошли: С. М. Хвостовъ, С. В. Петлюра, З. Г. Моргулисъ, И. В. Лебединскій, М. Е. Шмигельскій, А. Ф. Хруцкій и А. Ф. Саликовскій. Поднимался вопросъ о неотложной организаціи секціей библиотеки и рѣшено по этому поводу войти въ сношенія съ украинскими студенческими землячествами, предложивъ имъ передать свои бібліотеки въ вѣдѣніе секціи.

19-го октября состоялось общее собраніе членовъ украинской секціи, на которомъ былъ прочитанъ А. Ф. Саликовскимъ докладъ на тему о положеніи украинской печати. Значитель-

ная часть этого доклада вошла въ статью «Одна изъ очередныхъ задачъ», напечатанную въ настоящей книжкѣ «Украинской Жизни». Основные положенія доклада сводились къ слѣдующему. Украинская печать отличается слабою продуктивностью и многими существенными внутренними дефектами. Причины этого коренятся не только въ области независящихъ обстоятельствъ, но также въ отсутствіи самокритики и организаціи дѣятелей печати, ихъ полной разъединенности и нерѣдко косности. Очередная задача украинской печати заключается въ осуществленіи періодическихъ сѣздовъ ея дѣятелей съ постепенно расширяемой и детализируемой программю ихъ. Докладъ А. Ф. Саликовского вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе проф. О. Е. Коршъ, С. В. Петлюра и др. Идея сѣзда печати и предложенная докладчикомъ программа его встрѣтили полное сочувствіе членовъ секціи, и по предложенію нѣкоторыхъ изъ нихъ общее собраніе единогласно приняло резолюцію о томъ, что секція, какъ общественная украинская организація, присоединяется къ пожеланіямъ автора доклада и высказывается за скорѣйшее проведеніе въ жизнь идеи сѣздовъ, какъ одного изъ средствъ къ поднятію современнаго уровня украинской печати.

30-го сентября происходило собраніе членовъ музыкально-драматическаго кружка «Кобзарь». Были произведены выборы комитета «Кобзаря» въ количествѣ двѣнадцати челоуѣкъ. Отчетъ о дѣятельности «Кобзаря» за прошлый сезонъ 1911—1912 гг., прочитанный на этомъ собраніи, свидѣтельствуетъ о расширеніи круга дѣятельности «Кобзаря» и о плодотворной работѣ, какая въ немъ велась. Помимо общихъ собраній членовъ «Кобзаря» и многочисленныхъ (17) собраній комитета «Кобзаря», въ отчетномъ году были организованы музыкальныя вечеринки, на которыхъ выступали лучшія вокальныя силы художественнаго міра Москвы благодаря содѣйствію бывшаго тогда предсѣдателемъ «Кобзаря» И. А. Алчевскаго. Изъ такихъ вечеринокъ особенно любопытна по своей художественной обстановкѣ и исполненію вечеринка 28-го декабря 1911 года, гдѣ принималъ участіе также молодой украинскій композиторъ Я. С. Степовой. Изъ другихъ выступленій «Кобзаря» обращаетъ на себя вниманіе спектакль 4-го марта, на которомъ была поставлена «Наталка Полтавка» при участіи М. К. Заньковецкой и А. К. Саксаганскаго.

26-го февраля вечеръ былъ посвященъ Т. Г. Шевченку, причѣмъ художественная сторона была представлена И. А. Алчевскимъ, М. И. Донцомъ, Е. И. Калиновичъ и пр. Блестящій успѣхъ имѣла также вечеринка 22-го апрѣля, на которой принималъ участіе извѣстный бандуристъ Кучугура-Кучеренко и др.

Еще въ январѣ текущаго года была организована при «Кобзарѣ» школа для обученія игрѣ на бандурѣ, и она съ успѣхомъ продолжаетъ функціонировать по настоящее время.

Заканчивая этотъ бѣглый обзоръ дѣятельности «Кобзаря» въ минувшемъ году, остается пожелать, чтобы такого же темпа и интенсивности она достигла и въ предстоящемъ сезонѣ.

Библиографія.

Возвращеніе къ родному народу.

Z dziejów Ukrainy. Księga pamiątkowa ku czci Włodzimierza Antonowicza, Paulina Świącickiego i Tadeusza Rylskiego, wydana staraniem d-ra Józefa Jurkiewicza, Franciszki Wolskiej, Ludwika Siedleckiego i Wacława Lipińskiego pod redakcyą Wacława Lipińskiego. Kijów. MCMXII. Str. XXIV + 676. Цѣна 5 руб. 60 коп.

Въ высокой степени знаменательнымъ для дѣла возрожденія украинскаго народа является возвращеніе къ украинской національности той его вѣтви, которая, казалось, навсегда заглохла для насъ, окончательно и безповоротно сросшись съ народностью, обладающей сравнительно высокой культурой и могучей національной традиціей: мы имѣемъ въ виду потомковъ украинской шляхты на правомъ берегу Днѣпра, уже сотни лѣтъ ополяченной, окатоличенной и, казалось бы, столь чуждой теперь для народной украинской массы. Но тотъ процессъ, который привелъ на лѣвомъ берегу Днѣпра къ воскрешенію національно-исторической традиціи и сознанию своей народности среди обрусѣвшаго украинскаго дворянства,—потомковъ казацкой старшины гетманщины,—тотъ же самый процессъ пробудилъ сознание своей кровной принадлежности къ украинской народности, а отсюда и сознание общности національно-историческихъ задачъ и среди ополяченной украинской шляхты на Правобережьи. И если здѣсь это стремленіе къ возвращенію въ лоно родного народа не получило такого распространенія и такой силы, какъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, то это объясняется прежде всего различными историческими условіями жизни обѣихъ частей Украины, насильно расторгнутыхъ еще печальной памяти Андрусовскимъ договоромъ 1667 года: правобережная Украина оставалась подъ властью исторической Польши до самаго конца существованія послѣдней, и то, что не удалось сдѣлать Польшѣ во времена ея наибольшаго историческаго могущества, ополячить до конца высшій, культурный слой украинскаго общества, то было совершено въ теченіе XVIII столѣтія, при разложеніи и распаденіи Рѣчи Посполитой. Въ частности окончательное порабощеніе украинскаго народа польской и ополяченной шляхтой и совершенно отчужденіе между «па-

нами» и «хлопами» произошло уже подъ эгидой Россіи, санкціонировавшей и закрѣпившей соціально-экономическій status quo на правобережной Украинѣ въ моментъ ея занятія екатеринскими войсками.

Если мы взглянемъ на отношеніе между помѣщичьимъ, владѣльческимъ классомъ и украинскимъ народомъ, какъ эти отношенія отразились въ украинской литературѣ—въ поэзіи Шевченка, въ повѣстяхъ Ив. Левицкаго, если воскресимъ въ памяти страницы историческихъ изслѣдованій Ореста Левицкаго, то мы ужаснемся этому зрѣлищу ада на благословенной украинской землѣ, этому взаимному ожесточенію и отчужденію, тѣмъ болѣе страшному, что, вѣдь, въ положеніи угнетателей и угнетаемыхъ были двѣ вѣтви одного народа: польская шляхта на Украинѣ—не что иное, какъ плоть отъ плоти и кровь отъ крови народа украинскаго, и даже польскіе антропологи, какъ Талько-Гринцевичъ, признаютъ, что «украинская шляхта менѣе отличается отъ украинскаго народа, чѣмъ, напримѣръ, шляхта въ Люблинщинѣ», и, что несомнѣнно существуетъ общность крови, связывающей украинскую шляхту съ украинскимъ народомъ, такъ же точно, какъ ломжинскую шляхту съ ея крестьянами»¹⁾. И въ то самое время, какъ господствовала въ полной мѣрѣ власть польской шляхты надъ ея «быдломъ»,—власть, поражающая насъ ужасами безчеловѣчныхъ насилій и презрѣнія къ людскому достоинству украинскаго «хлопа»,—когда мы читаемъ мемуары объ этомъ шляхтича-современника²⁾, въ это время въ юныхъ головахъ нѣсколькихъ молодыхъ шляхтичей, воспитавшихся на освободительной французской литературѣ XVIII вѣка и на той романтической «украинской» школѣ въ польской литературѣ, которая умѣла, закрывая глаза на печальную современность, отыскивать идеальныя стороны въ украинскомъ прошломъ и воспѣвать его на свой ладъ, — уже созрѣвала идея долга передъ народомъ. И, когда юные мечтатели сошлись въ кievскомъ университетѣ, они образовали тамъ „украинскую громаду» и сдѣлались идеологами такъ называемаго хлопоманства, которое соотвѣтствуетъ великорусскому народничеству.

И въ тотъ моментъ, когда польская шляхта на правобережной Украинѣ готовилась въ послѣдній разъ поднять возстаніе для воскрешенія давно ислѣвшаго тупа исторической Польши, «отъ моря до моря», на страницахъ украинской петербургской «Основы» появилась знаменитая «Исповѣдь» В. Антоновича, одного изъ идейныхъ вождей хлопоманства. Отвѣчая на упреки польскаго публициста Падалицы въ ренегатствѣ, Антоновичъ дѣлаетъ такое признаніе, которое получило значеніе profession de foi для ряда поколѣній «возвращающейся къ родному народу» украинской шляхты: «Да, г. Падалица,—говоритъ молодой хлопоманъ,—вы правы! Я перевертень (ренегать), но

1) W. Lipiński. Szlachta na Ukrainie. Kraków. 1909. Стр. 39—40.

2) Графа Старженскаго, см. „Лит.-Наук. Вістник“, 1907, I.

вы не взяли во вниманіе одного обстоятельства, именно того, что слово отступникъ само по себѣ не имѣеть смысла; что для составленія себѣ понятія о лицѣ, къ которому приложенъ этотъ эпитетъ, надо знать, отъ какого именно дѣла человекъ отступился и къ какому присталъ,—иначе слово это лишено смысла,—оно пустой звукъ. Дѣйствительно, вы правы. По волѣ судьбы, я родился на Украинѣ шляхтичемъ, въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки паничей и долго раздѣлялъ всѣ сословныя и національныя пробужденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался. Но когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ мое положеніе въ краѣ, я взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность. Я увидѣлъ, что поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣють передъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности, нѣкогда покинутой ихъ предками, и неуспыннымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣднія за потъ и кровь платили презрѣніемъ, ругательствами, неуваженіемъ его религіи, обычаевъ, нравственности, личности: или же, если для этого не хватитъ нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того, чтобы не прибавлять собой еще одной тунеядной личности, для того, чтобы, наконецъ, избавиться самому передъ собой отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что я посредственно или непосредственно питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа... что я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ и что невинно раздѣляю отвѣтственность за ихъ дѣйствія... Я рѣшился на первое».

Для молодыхъ хлопомановъ вступленіе на путь единенія съ украинскимъ народомъ знаменовало полный разрывъ со своимъ обществомъ, съ родными, отреченіе отъ всего, что съ дѣтства пріобрѣтаетъ власть надъ человекомъ и,—хуже всего,—оставляло безъ всякой нравственной поддержки въ кругу близкихъ людей; наоборотъ,—навдекало клеймо «измѣны» и отступничества.

Однако, во главѣ теченія стали люди исключительной силы духа, нравственной мощи и таланта. Они не только придали своему направленію глубоко-идейную окраску, но и послужили родному народу на различныхъ поляхъ дѣятельности—отъ профессуры и до ежедневной, незамѣтной культурной работы въ деревнѣ, рука-объ-руку съ украинскимъ хлѣборобомъ. Среди этихъ людей укажемъ имена Вл. Антоновича, К. Михальчука,

Т. Рыльского, Б. Познанского, такъ много говорящія сердцу интеллигентнаго украинца и тѣхъ людей изъ народа, въ чьей памяти навѣки сохранится образъ пана-народолюбца, какимъ былъ, напримѣръ, Т. Рыльскій.

Размѣры нашей замѣтки не позволяютъ намъ подробнѣе остановиться на характеристикѣ дѣятельности этихъ людей и ихъ послѣдователей. Мы упомянемъ только, что если «хлопоманы» 60-хъ годовъ изъ польской, точнѣе—ополяченной шляхты на Украинѣ и не создали широкаго общественнаго теченія, не вызвали массоваго возвращенія «на родину» его усохшей-было шляхетской вѣтви, то зато все, что было наиболѣе честнаго, истинно демократическаго среди этой шляхты, становилось подъ знамя идей Антоновича и другихъ хлопомановъ. Украинское общество, еще такъ непропорціонально малочисленное, по сравненію съ многомилліонной массой народа, насчитывало за послѣднія десятилѣтія среди своихъ культурно-національныхъ дѣятелей не одного изъ вышедшихъ изъ нѣдръ шляхетскаго сословія на правобережной Украинѣ эпигоновъ дѣятелей-шести-десятниковъ.

Послѣдніе годы оживленія украинскаго національнаго движенія, получившаго сравнительно большую свободу выраженія послѣ 1905 года, вызвали на культурно-общественную арену новое поколѣніе возвращающихся къ своей народности украинскихъ шляхтичей. Благодаря измѣнившимся общественнымъ условіямъ, они могли выступить въ видѣ болѣе или менѣе организованной группы и одно время издавали даже собственный органъ („Przegląd Krajowy“ въ Кіевѣ, 1909 г.). Среди этого поколѣнія безспорно самымъ выдающимся дѣятелемъ является В. Липинскій, талантливый историкъ и публицистъ. Его книга „Szlachta polska na Ukrainie“, къ сожалѣнію, мало извѣстная украинской и тѣмъ болѣе русской публикѣ, развиваетъ идеи «Исповѣди» Антоновича, подкрѣпляя ее цѣлымъ аппаратомъ историко-научныхъ соображеній. Теперь передъ нами великолѣпно изданный, объемистый томъ историческихъ изслѣдованій объ Украинѣ, вышедшій подъ редакціей г. Липинскаго и, главнымъ образомъ, заполненный его же трудами.

Основная идея, проходящая черезъ весь этотъ томъ (за нимъ должны послѣдовать, по сообщенію редактора, еще другіе),—это органическая связь украинской шляхты съ украинскимъ народомъ, выражавшаяся въ исторіи въ томъ, что значительная и при томъ лучшая часть этой шляхты принимала горячее участіе въ судьбахъ своего народа и въ эпоху хмѣльниччины, не говоря о болѣе раннихъ временахъ, и въ эпоху Руины, и въ печальный моментъ послѣдней борьбы украинскихъ автономистовъ за политическую самостоятельность Украины при Мазепѣ. Матеріаль, подобранный въ настоящемъ томѣ, даетъ документальныя свидѣтельства непрерывности украинской національной традиціи среди шляхты, даже усвоившей себѣ по внѣшности польскую культуру, начиная отъ участниковъ люблинской

уни 1569 года и кончая сподвижниками гетмана-скитальца Филиппа Орлика, этого первого украинскаго политическаго эмигранта въ Европѣ. О томъ, что украинская исторіографія не доцѣнивала до сихъ поръ роли шляхетскаго сословія—православнаго исповѣданія и украинской народности—въ судьбахъ Украины, съ момента возстанія Хмѣльницкаго, объ этомъ какъ-разъ теперь вспоминаетъ и г. Мякотинъ въ своей интересной статьѣ «Очерки социальной исторіи Малороссіи», печатающейся на страницахъ «Русск. Богатства». Онъ документальнымъ образомъ доказываетъ, что даже на лѣвомъ берегу Днѣпра возстаніе 1648 года далеко не истребило шляхты, ставшей въ ряды возставшаго народа и перешедшей въ составъ Гетманщины. Г-нъ Липинскій въ своихъ трудахъ доказываетъ, что и правобережная шляхта во множествѣ становилась подъ знамя возстанія и затѣмъ связывала свою судьбу съ судьбами Украины, поддерживая автономистскія стремленія среди казацкой старшины.

Ни мѣсто, ни размѣры нашей замѣтки не позволяютъ намъ съ достаточной подробностью остановиться на научной сторонѣ помѣщенныхъ въ сборникъ „Z dziejów Ukrainy“ матеріаловъ и изслѣдованій. Мы полагаемъ, что дать оцѣнку такого, на примѣръ, труда, какъ монографія г. Липинскаго о сподвижникѣ Хмѣльницкаго, полковникѣ Станиславѣ-Михаилѣ Кричевскимъ, шляхтичѣ брестъ-литовскаго повѣта (стр. 143—513), умѣстно на страницахъ спеціального историческаго органа, и мы думаемъ, что историческая наука обратитъ вниманіе на трудъ г. Липинскаго; здѣсь считаемъ необходимымъ остановиться преимущественно на той сторонѣ разсматриваемаго изданія, которая носитъ общественный интересъ и придаетъ ему значеніе извѣстнаго акта въ текущей украинской жизни.

Книга посвящена издателями памяти Вл. Антоновича, Фаддея Рыльскаго и Паулина Свенцицкаго. Антоновичъ—извѣстный историкъ; Рыльскій—помѣщикъ-народникъ, политико-экономъ и популяризаторъ; Свенцицкій—эмигрантъ изъ правобережной Украины въ Галицію послѣ польскаго возстанія 1863 года, принимавшій горячее участіе въ культурно-національной жизни галицкой Украины. Понятнымъ является посвященіе сборника памяти именно этихъ лицъ. Редакціи пришлось помѣстить въ началѣ книги и некрологъ одного изъ издателей, скончавшагося ранѣе осуществленія изданія, д-ра Юсифа Юркевича, одного изъ тѣхъ же «возвратившихся» шляхтичей и украинскихъ общественныхъ дѣятелей, принадлежавшаго къ болѣе позднему поколѣнію, чѣмъ Антоновичъ, Рыльскій и Свенцицкій.

Въ предисловіи «Къ читателю изъ земли украинской», находимъ опредѣленіе характера и задачъ сборника, а также его внѣшней формы—польскаго языка. Да нѣ посѣтуетъ на насъ читатель, если мы приведемъ болѣе пространныя цитаты изъ этого предисловія, носящаго характеръ такого же манифеста, какъ и знаменитая исповѣдь Антоновича, но высказаннаго устами представителей уже значительно младшаго поколѣнія. Мы

оправдываемся въ этихъ выдержкахъ сравнительной малодоступностью книги для русскаго читателя...

«Наше поколѣніе,—такъ начинается предисловіе,—живетъ въ эпоху возрожденія народовъ, которые, утративъ нѣкогда въ тяжелой борьбѣ отдѣльное политическое устройство, были задержаны на нѣкоторое время въ своемъ нормальномъ развитіи, ассимилированы государствами значительно болѣе сильными и лишились своихъ такъ-называемыхъ высшихъ классовъ благодаря чужой національной культурѣ.

Пробудился теперь для новой жизни и нашъ народъ, народъ украинскій. Безповоротно прошли, наконецъ, для насъ часы усыпленія; отходятъ въ прошлое тяжелые моменты упадка и безсилія. Кличъ жизни прозвучалъ по широкой землѣ нашей отъ края до края. И откликнулись на него всѣ уголки, всѣ расчлененныя и раздробленныя злыми судьбами составныя части нашего національнаго организма.

Неужели же должны остаться въ сторонѣ только мы—кровь отъ крови и кость отъ кости украинскаго народа—его нераздѣльная часть, которую нѣкогда оторгнула отъ родного корня силою польская государственность, клеймя насъ позже печатью отступничества: инымъ языкомъ и чужою культурой? Неужели только мы одни должны остаться для гигантскаго дерева народности нашей той мертвой, усохшей вѣтвью, которую ничто уже не въ состояніи оживить и возродить?

Вѣдь у насъ есть право на жизнь. Мы имѣемъ право идти туда, гдѣ въ открытомъ полѣ происходитъ борьба за возможность человѣческой жизни, украшенной облагораживающими формами національной культуры для милліоновъ, которые поливаютъ украинскую землю своимъ потомъ и кровью уже много вѣковъ... мы имѣемъ право воплощать въ жизнь то, что мы избрали добровольно: своими дѣлами давать свидѣтельство нашей привязанности къ украинской землѣ,—привязанности, вынесенной съ малыхъ лѣтъ всѣми нами, коренными Украины жителями....

Мы имѣемъ это право, а кромѣ того у насъ есть и обязанности.

Ибо, если мы сами, не трудясь физически, живемъ трудами рукъ народныхъ украинскихъ массъ, то на нашей обязанности лежитъ вернуть этотъ долгъ народу въ формѣ культурныхъ цѣнностей. Ибо, если предки наши, въ эпоху общаго упадка Украины, восприняли на лѣвомъ берегу Днѣпра русскую, а на правомъ—польскую культуру, то мы должны искупить ихъ вину и помочь возрожденію народа, отъ котораго,—говоря словами Шаснаго Гербурта,—«взяли кровь свою»...

Работу надъ пробужденіемъ національнаго самосознанія мы должны начать съ самихъ себя. Мы не хотимъ, проливая фарисейскія слезы надъ «несознательностью нашего народа», ждать въ постыдной лѣни, пока кто-либо сдѣлаетъ дѣло за насъ, пока народъ нашъ станетъ могучимъ и сильнымъ и пока увлечетъ насъ, безъ всякаго съ нашей стороны усилія, прибывающая вол-

на побѣды. Мы не хотимъ тревожно оглядываться на братій нашихъ.... Но сами,—смѣло, по-мужски,—отвѣтимъ себѣ на поставленный всей Украинѣ нашимъ Пророкомъ вопросъ:

Що ми?

Чи сини? Якихъ батьків?

Ким, за що закуті?

А такъ какъ въ исторіи Украины мы занимаемъ свою отдѣльную страницу и такъ какъ наше національное возрожденіе происходило въ нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ у другихъ частей украинскаго народа, то мы этой исторіи, безъ познанія которой не можетъ быть пониманія современности,—исторіи національнаго возрожденія ополяченной украинской вѣтви,—посвящаемъ настоящее изданіе».

Потомки украинской, ополяченной теперь шляхты, хотять знать прежде всего историческую правду о дѣяніяхъ своихъ отцовъ. И хотя эти дѣянія содержатъ въ себѣ много печальныхъ страницъ, но потомкамъ извѣстно также, что отцы «сражались въ рядахъ старой Руси, что со славной памяти Богданомъ Хмѣльницкимъ они отчизну свою изъ неволи освобождали, что на вѣрность Украинѣ «въ часы счастья и несчастья» присягали, что съ послѣдними гетманами они шли въ изгнаніе и головы свои клали въ послѣднихъ оружныхъ бояхъ». Припоминая дѣятельность своихъ предшественниковъ, начиная съ Антоновича, издатели книги хотять идти рука-объ-руку съ представителями народа, «отъ котораго отдѣлится себя они не могутъ». Польскій языкъ изданія объясняется какъ дань временному, преходящему состоянію возвращающейся къ родному народу шляхты, пока еще не владѣющей достаточно украинскимъ литературнымъ языкомъ. Но переходъ ея къ этому языку—вопросъ ближайшаго будущаго, а пока книга имѣетъ въ виду «тѣхъ изъ братій нашихъ, которые пользуются польскимъ языкомъ какъ языкомъ общества».

Содержаніемъ сборника являются статьи: проф. М. Грушевскаго—«Украинская шляхта на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ»; В. Л.—«Названія Русь и Украина и ихъ историческое значеніе»; К. Шайнохи—«Какъ ополячивалась Русь» (перепечатка давней статьи извѣстнаго польскаго историка); упомянутая уже нами монографія В. Липинскаго о полковникѣ Кричевскомъ; г. Липинскаго же «Два момента изъ исторіи пореволюціонной Украины» (о политикѣ Богдана Хмѣльницкаго); статья проф. М. Грушевскаго «Шведско-украинскій союзъ 1709 года», перепечатанная по-украински изъ «Лит.-Наук. Вістника»; кромѣ того—цѣлый рядъ матеріаловъ, документовъ и замѣтокъ, принадлежащихъ перу г. Липинскаго и посвященныхъ важнѣйшимъ моментамъ украинской исторіи, начиная съ 1569 года и кончая политикой послѣдняго гетмана, поборника независимой Украины Филиппа Орлика. Среди матеріаловъ перепечатано изъ старыхъ и рѣдкихъ изданій много важныхъ и интересныхъ документовъ, какъ, на примѣръ, присяга волынскихъ пановъ на люблинскомъ сеймѣ

1569 года, рѣчь Самуила Зорки надъ гробомъ Б. Хмельницкаго и друг.

Сборникъ украшенъ множествомъ снимковъ со старинныхъ портретовъ, гравюръ и плановъ. Снимки прекрасно исполнены въ краковскихъ литографіяхъ.

Мы думаемъ, что сборникъ представить глубокой интересъ не только для той части украинскаго общества,—«украинцевъ польской культуры», о которыхъ говорятъ издатели въ предисловіи; онъ имѣетъ и болѣе широкій общественный интересъ, не говоря уже о научномъ значеніи, напримѣръ, монографіи г. Липинскаго о Кричевскомъ и статей проф. М. Грушевскаго. Благородная же идея, согрѣвающая всю книгу тепломъ горячей любви къ обездоленному и покинутому народу, найдетъ, надѣемся, откликъ не у одного изъ оторванныхъ пока чужою культурою сыновъ этого народа, «взвѣвшихъ отъ него свою кровь»,—повторимъ выраженіе украинскаго шляхтича XVII вѣка Ивана Гербурта.

Д. Д—ко.

Peasant art in Russia. *Special autumn number of „The Studio“.* 1912. London, Paris, New-York.

Проклятая историческая судьба украинскаго народа давно изгладила въ Европѣ память о немъ какъ о самостоятельной націи. Вслѣдствіе этого очень часто плоды украинскаго народнаго генія становятся извѣстными широкой европейской публикѣ въ качествѣ произведеній русской или польской культуры. Къ счастью, издатели сборника „The peasant art“ сумѣли избѣжать этого, иногда комичнаго, чаще возмутительнаго маскарада. Народному (дословно—крестьянскому) искусству на Украинѣ посвящена особая глава въ сборникѣ, вышедшемъ недавно какъ особый номеръ извѣстнаго артистическаго журнала „The Studio“. Роскошно изданный сборникъ содержитъ 170 страницъ иллюстрацій (нѣкоторыя цвѣтныя) и 52 страницы текста, посвященнаго народному искусству въ Великороссіи (1-й очеркъ), на Украинѣ (2-й), русской Польшѣ (3-й) и Литвѣ (4-й).

Наибольшее количество иллюстрацій находимъ въ великорусскомъ отдѣлѣ. Однако, выборъ ихъ нельзя назвать вполне удачнымъ. Напримѣръ, мы находимъ тамъ 48 иллюстрацій, представляющихъ разные виды женской одежды и ни одной мужской. Да и изъ женскихъ многія иллюстраціи представляютъ скорѣе костюмы боярынь и боярышень, чѣмъ образцы народнаго, крестьянскаго искусства. Неудаченъ также подборъ иллюстрацій, имѣющихъ цѣлью дать образцы строительнаго искусства въ Великороссіи: всѣ фотографіи русскихъ избъ относятся къ Вологодской или Олонецкой губ. и вообще къ сѣверу Россіи. Какъ извѣстно, населеніе тамъ богаче. Поэтому тѣ, часто двухъэтажныя, избы, изображеніе которыхъ мы находимъ въ сборникѣ, отнюдь не могутъ дать надлежащаго представленія о характерѣ народнаго строительнаго искусства въ Россіи. Во-

обще, въ цѣломъ глава, посвященная народному искусству въ Великороссіи, производитъ такое впечатлѣніе, какъ-будто авторы ея старались дать читателю представленіе не о наиболѣе типическомъ, а о наиболѣе изящномъ и выдающемся въ русскомъ народномъ искусствѣ. Этимъ грѣхомъ не страдаютъ очерки (и иллюстраціи), посвященные польскому и литовскому искусству. Очеркъ объ украинскомъ искусствѣ, который насъ здѣсь наиболѣе интересуесть, занимаетъ наибольшее, по сравненію съ другими, число страницъ (семнадцать). Написанъ онъ Н. Біляшевскимъ, директоромъ музея Императора Николая II, въ Кіевѣ. Авторъ разсматриваетъ украинское народное искусство въ исторической перспективѣ. Борьба Украины за независимость, окончившаяся для нея такъ печально, создала невозможныя для развитія національной культуры условія. Тяжелыя времена отразились и на украинскомъ искусствѣ, принужденномъ теперь, послѣ денационализаціи высшихъ классовъ, укрыться подъ крестьянскую «стріху». Здѣсь, однако, оно развилось до такихъ размѣровъ, которые, несмотря на невозможныя для развитія національной культуры, условія, ставятъ украинское народное искусство на одинъ уровень съ народнымъ искусствомъ другихъ окружающихъ его народовъ. Къ тексту приложена небольшая карта Украины, для англійскаго читателя совершенно необходимая. Терминологіи авторъ также придерживается совершенно правильной, вездѣ употребляя слово „Ukraine, the ucrainian“. Вѣроятно, только по недоразумѣнію въ заглавіи очерка написано: Малороссія (Little Russia) и только въ скобкахъ—Ukraine. Вообще изъ текста украинскаго очерка видно, какъ трудно было давать представленіе объ искусствѣ народовъ, которые только одною частью своей живутъ въ Россіи (поляки, украинцы). Поэтому г. Біляшевскому, вполне естественно, приходилось переступать границы Россіи и «вторгаться» въ предѣлы Австріи. Напримѣръ, говоря объ одномъ характерномъ обычаѣ на Украинѣ (ношеніе такъ-назыв. дукатовъ), ему пришлось указать на австрійскую Гуцулію, какъ мѣсто, гдѣ этотъ обычай еще сохранился. Точно такъ же, говоря о стиляхъ украинскихъ церквей въ Россіи, ему пришлось сдѣлать экскурсію въ Галицію, гдѣ церковная архитектура такъ напоминаетъ нашу.

Тамъ, гдѣ, какъ въ народномъ искусствѣ, наша нація является еще сама собою, она съ трудомъ укладывается въ существующія государственныя рамки...

Приложенныя 87 иллюстрацій даютъ довольно отчетливое понятіе о характерныхъ формахъ украинскаго искусства. Типы крестьянскихъ одеждъ, ковровъ, хатъ, церквей, «плахтъ», образцы домашней утвари, керамики и пр. составляютъ содержаніе иллюстрацій.

Для насъ, не особенно избалованныхъ вниманіемъ европейцевъ, появленіе книги, старающейся, между прочимъ, дать понятіе объ одной изъ отраслей культуры нашего народа, какъ народа самостоятельнаго, имѣетъ громадное значеніе. Для вся-

каго непредубѣжденнаго англійскаго читателя, не знающаго изъ Иловайскаго, что русскіе и украинцы—«одинъ народъ», абсурдность подобнаго утвержденія сама бросится въ глаза. Даже болѣе. Ни одному непредубѣжденному англичанину при чтеніи „The peasant art“ даже и въ голову не придетъ, что украинцы и русскіе одинъ народъ. До такой степени все народное творчество украинцевъ носить яркую индивидуальную окраску, такую чужую, такую особенную по сравненію съ русскимъ. Повторяю еще разъ: тамъ, гдѣ нашъ народъ является еще самимъ собою, самостоятельность его не будетъ никто оспаривать. Намъ нужно только пожелать, чтобы онъ развилъ свою индивидуальность во всѣхъ областяхъ культуры,—какъ низшихъ, такъ и высшихъ. Только тогда наступитъ конецъ легендѣ объ «одномъ народѣ».

Журналъ „The Studio“ очень распространенъ какъ въ Англии, такъ и на континентѣ. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что Ukrainian people и его культура заинтересуютъ не одного европейца.

Дм. Донцовъ.

„Nowy Prąd“.—*Tygodnik polityczny, ekonomiczny, społeczny, naukowy i literacki. Lwów, 1912, №№ 1, 2, 3, 4.*

Болѣзненная немощь и старческій идиотизмъ господствующихъ классовъ и слабость демократіи—вотъ тотъ общій фонъ, на которомъ развивается политическая жизнь современной Галиціи. Этотъ идиотизмъ, полная утрата политическаго смысла особенно ярко проявляется въ томъ новомъ курсѣ, въ который теперь, сломя голову, ударились поляки: и національ-демократы, и консерваторы, и просто демократы. Этотъ курсъ,—чтобы охарактеризовать его однимъ словомъ, неославистскій. Правда, официально, проформа поляки въ послѣдней комедіи неославизма участія не принимаютъ. Но идея союза съ «старшимъ братомъ» до сихъ поръ является насущнымъ хлѣбомъ польскихъ политиковъ въ Галиціи. Цѣлью этого союза, какъ всегда, является усмиреніе «гайдамаковъ». Русская «оріентація», какъ здѣсь говорятъ, до того овладѣла головами польскихъ политиковъ, что она является исходнымъ пунктомъ при оцѣнкѣ всѣхъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики, будетъ ли это избирательная реформа, соглашеніе съ украинцами или балканская война.

Борются съ этимъ теченіемъ и ставятъ себѣ цѣлью новый органъ г. Л. Кульчицкаго „Nowy Prąd («Новое Теченіе»). Важнѣйшіе пункты программы новаго еженедѣльника слѣдующіе: демократизація сейма и польско-украинское соглашеніе, основанное на полной равноправности обоихъ народовъ. „Nowy Prąd“, считая, что только въ границахъ Австріи польскій народъ можетъ развиваться нормально, стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что польскіе интересы солидарны съ интересами Австріи, а потому слѣдуетъ усиливать могущество этого государства, отъ котораго въ значительной степени зависитъ будущее всего польскаго народа.

Исходя изъ этихъ соображеній и принимая во вниманіе тревожный, чреватый невѣрнымъ будущимъ, историческій моментъ, переживаемый нами, „Nowy Prąd“ особенное вниманіе удѣляетъ интересамъ и вопросамъ внѣшней политики Австріи. Этому вопросу посвящена статья Л. Кульчицкаго „Zagraniczna polityka Austrii a nasze interesy narodowe“. Иностранная политика Австріи, — какое бы направленіе она ни приняла, — безусловно не останется безъ вліянія на положеніе поляковъ. Задача этихъ послѣднихъ стремиться, чтобы это вліяніе послужило въ пользу ихъ національнаго развитія. Что польскіе національные интересы не лежатъ тамъ, гдѣ ихъ видятъ официальные представители польской государственной мудрости, для автора внѣ сомнѣнія. Авторъ заявляетъ далѣе, что въ противорѣчіе тому, что утверждаютъ эти «государственные мужи», національные интересы польскаго и украинскаго народовъ тождественны. Отсюда директива для политики въ Галиціи: «польскія сферы въ Галиціи должны предпринять мужественный шагъ и довести до конца польско-украинское соглашеніе, понимая, что оно необходимо для насъ въ Галиціи, для нашихъ общенациональныхъ интересовъ и для Австріи».

Смотря «чорту прямо въ глаза», „Nowy Prąd“ не боится выводить всѣ логическія слѣдствія изъ своихъ соображеній. Кромѣ социаль-демократической печати въ Галиціи и отчасти «людовой» „Nowy Pr.“ — единственный органъ, проповѣдующій открыто то, что, по его мнѣнію, является насущной задачей польской національной политики. Послѣ вопросовъ иностранной политики одной изъ главныхъ темъ новаго органа является борьба съ польскимъ москвофильствомъ. Въ этой борьбѣ „Nowy Pr.“ окажетъ, безъ сомнѣнія, еще не одну услугу краю и хоть немного очиститъ ту душную атмосферу, которая господствуетъ въ Галиціи. Надлежащую оцѣнку нашли себѣ, между прочимъ, на страницахъ новаго органа сервилитическія выступленія гг. Пининскаго и Енджейовича, старавшихся навязать въ делегаціяхъ свою вновь изобрѣтенную «оріентацію» и австрійскому правительству. Въ вопросахъ областныхъ, галицкихъ, „Nowy Pr.“ борется за честное соглашеніе съ украинцами, за основанное на полной равноправности соглашеніе обоихъ народовъ. Этимъ вопросамъ посвященъ въ четырехъ, до сихъ поръ вышедшихъ, номерахъ рядъ статей. Взгляды новаго органа по этимъ вопросамъ знакомы уже читателямъ «Укр. Жизни» изъ рецензій на книжки Л. Кульчицкаго „Uгода polsko-ruska“ и „Dokąd idziemy“.

Газета обѣщаетъ, если представится возможнымъ, выходить ежедневно. Этого можно ей пожелать вполнѣ искренно. Поднявъ знамя широкой національной политики, чутко прислушивающейся къ колебаніямъ и теченіямъ міровой политики, протягивая открыто руку украинцамъ во имя далекаго идеала счастливаго будущаго обоихъ народовъ, „Nowy Pr.“ можетъ рассчитывать на полную симпатію украинцевъ.

Дм. Донцовъ.

Христя Алчевская („Туга за сонцем“ и „Вишневий цвіт“).

Глубокая грусть о чемъ-то недостижимо-свѣтломъ и бодрая вѣра въ осуществленіе этого свѣтлаго — обычное настроеніе поэтовъ. И если тяжелая дѣйствительность, окружающая русскаго поэта, создаетъ самую подходящую обстановку для скорбныхъ напѣвовъ, то чуткая душа украинскаго поэта должна страдать вдвойнѣ. Его народъ несетъ двойное иго на своихъ плечахъ: къ трагедіямъ общерусской дѣйствительности здѣсь присоединяются еще и больные вопросы національнаго характера.

Оттого-то такую грустью и насыщены пѣсни и думы украинскаго народа, оттого-то и у поэтовъ (возьмите хотя бы Шевченка) въ ихъ лирѣ преобладаютъ печальныя струны.

1905 годъ, неожиданно сверкнувшій яркой надеждой, внесъ много новыхъ мотивовъ: сначала это были бодрые призывы къ дружной работѣ и прорицанія о грядущихъ, еще болѣе свѣтлыхъ дняхъ; потомъ все смѣнилось разочарованіемъ, тоской. И этотъ послѣдній мотивъ звучалъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ значительнѣе была реакція. Реакція всегда несетъ съ собою огромный упадокъ силъ, энергіи и болѣе или менѣе глубокое разочарованіе.

Христя Алчевская пережила обѣ эти стадіи. Впрочемъ, приходится признать, что менѣе всего у нея бодрыхъ мотивовъ и менѣе всего она отразила свѣтлую полосу осуществлявшихся надеждъ. И поэзія Христи Алчевской какъ была предразсвѣтной поэзіей, такъ и осталась ею даже въ дни разсвѣта и въ дни, смѣнившіе его. Какъ-будто въ глухую ночь, въ ожиданіи радостнаго солнечнаго восхода поетъ она свои грустныя пѣсни о покинутой солнцемъ землѣ.

Въ представленіяхъ поэтессы земля является «закованной въ горе», «повитою тьмою». Даже мертвыя силы природы тоскуютъ въ этомъ «морѣ страданія».

«Як тяжко!..

Сьпіває знудьгований вітер,
І плаче, і стогне, і в вікна нам бє,
І крыла тускливо свої розтынає,
Шепоче й ридає, і знов затихає:
Як тяжко!..»

На этой землѣ, закованной въ горе, живутъ «страждущіе невольники»-люди.

Испоконъ вѣковъ они влачатъ цѣпи, испоконъ вѣковъ они не могучіе цари природы, а «в'язні», не знающіе воли. «Мы вже омертвіли»,—говорять у Алчевской въ одномъ стихотвореніи люди:

По степах широких
Вже не встати—спати
Нашій Україні!

И въ этой полудремѣ, охватившей людей, они—«Тільки того й дожидають, щоб убити все барвисте».

Эти пессимистическіе взгляды на все окружающее, вплоть до человѣка, заставляютъ поэтессу искать успокоенія не въ реальной

дѣйствительности, а въ мірѣ, созданномъ ея воображеніемъ,—въ мірѣ грезъ и сказки.

«Въ чудномъ, тихомъ краю,—разсказываетъ она,—есть поля, устѣяныя цвѣтами фантазій; формы и краски этихъ цвѣтовъ великолѣпны, но сны, навѣваемые ими, обманчивы... Полетимъ въ этотъ свѣтлый край, полный грезъ, и тамъ изъ чаши страданья будемъ пить медъ забытія».

Это все; никакихъ опредѣленныхъ желаній, никакихъ опредѣленныхъ требованій не предъявляется къ жизни. «Жить тяжело»—и поэтесса уходитъ въ міръ фантазій и сказки. А люди на землѣ, «закованной въ горе», напрасно зываютъ «до свѣтла, до правды святої». Она тоже рвется къ этому «свѣтлу», и даже заглавіе сборника ея стиховъ,—Туча за сонцемъ—говоритъ объ этомъ.

Но стремленіе къ свѣту выливается у Алчевской въ такой же неясный, неосознанный, красивый порывъ: «къ солнцу!» Это въ предразсвѣтныя сумерки можно съ такой тоской, съ такимъ напряженіемъ и болѣзненной жаждой пѣть о солнцѣ, какъ поетъ Алчевская. Въ этомъ порывѣ къ солнцу—все святое, все хорошее, все высокое для нея.

Великое Солнце! до тебе взиваю:
Пошли свое свѣтло на землю до нас!
Благаю я Правду, благаю природу,
Щобъ всіх Ідеал нас від темряви спас.

Но этотъ идеаль яснѣе не опредѣленъ. Онъ—солнце, какъ начало всего свѣтлаго и высокаго. Власть солнца надъ душой поэтессы велика. Нѣтъ его,—и земля это только море страданья, люди—это только измученные рабы. Но вотъ «сквозь тучи проглянуло ясное солнце, освѣтило огромные просторы степей и пробудило думы про волю, широкую и желанную волю; полились весеннія яркія пѣсни, такія вольныя, что никакія цѣпи ихъ не сдержали бы; и ясной волною счастья онѣ залили и села, и поля; безграничною радостью воли онѣ наполняли рощи и долины, и долгожданную свободу, прославляли тогда и небо, прекрасное, какъ сонъ, и хмурые люди—сыны непрерывнаго труда».

Впрочемъ, все это только мечты о грядущемъ приходѣ солнца, а пока его нѣтъ—«сіріе байдужість убога, на небі панує и землю хова»...

У Алчевской очень много грустныхъ пѣсень, проникнутыхъ какой-то тихой тоской въ ожиданіи солнечнаго восхода. Въ этомъ и состоитъ «предразсвѣтность» ея поэзій. А сумерки передъ разсвѣтомъ такъ легко приносятъ разочарованья и въ собственныхъ силахъ, и въ благодатномъ солнцѣ, которое еще взойдетъ. Взойдетъ ли?.. Рождаются не бодрія думы о свѣтломъ утрѣ, а тоскливыя—о сумракѣ жизни и о томъ, какъ далеко восходъ.

И природа часто навѣваетъ у Алчевской только «тугу и смутку».

Ночь у нея готова «погубить все прекрасное дыханіемъ смерти», а осень

- Замінить палкіи розмови.
Горе украдетъ весну!..

Эти отклики на настроение природы, большею частью то-скливыя, сумеречныя, прорываются въ душѣ поэтессы яркимъ порывомъ къ свѣтлой сторонѣ жизни, съ ея красками, смѣхомъ и радостью. Но этотъ послѣдній мотивъ у Алчевской слишкомъ одинокъ среди предрасвѣтныхъ напѣвовъ. Въ первомъ сборникѣ стихотвореній («Туга за сонцемъ») чуть ли не одно только стихотвореніе ясно выражаетъ этотъ мотивъ:

Я бажала бы сміятись
Всіми барвами життя
По всімъ свѣті розілятись
Хвилей сміху й забуття.

Такъ же мало вниманія удѣлено въ ея стихотвореніяхъ любовной лирикѣ. И характерно, что одно изъ такихъ стихотвореній, прекрасное «Світить місяць погідний і ясний», звучить очень отчетливо нотками предрасвѣтной поэзіи.

Таковы настроенія поэзіи Алчевской. Но къ украинскому поэту всегда предъявляются еще и спеціальныя требованія. Онъ долженъ пѣть объ украинскомъ народѣ, и въ стихахъ своихъ отразить его скорби, думы и надежды.

У Алчевской мало откликовъ на это. Украинская природа у нея не отразилась совсѣмъ. Да и вообще реальныхъ картинокъ природы почти нѣтъ въ стихахъ Алчевской. Природа у нея—носительница собственныхъ мечтаній поэтессы,—то грустныхъ, то радостныхъ,—и отражается въ формѣ поэтическихъ схемъ: тоскливая осень, радостное лѣто, яркое утро и гнетущая ночь.

Гражданскій оттѣнокъ носятъ на себѣ только нѣсколько стихотвореній, гдѣ слышится все тотъ же порывъ къ солнцу и свѣту, который здѣсь уже принимаетъ болѣе опредѣленныя очертанія—«правды и свободы».

Въ одномъ изъ стихотвореній съ такимъ гражданскимъ оттѣнкомъ чувствуются мотивы ясно выраженного національнаго характера. Поэтесса говоритъ объ украинской пѣснѣ, которую услышала она давно-давно, когда-то ночью,—

То голос був мого зневольного краю,
І глибоко запав у серце він міні,
І ось від тих часів спокою я не знаю
Ні в-день, а ні в-сісні...
Здається все міні: катують його душу,
Здається іноді: клює и орел,
І я весь спокій свій забути зараз мушу,
Убогих ради сел.

Совсѣмъ недавно вышелъ второй сборникъ стихотвореній Христи Алчевской—«Вишневыи цвіт».

Пятилѣтній промежутокъ, отдѣляющій его отъ перваго сборника, даетъ себя чувствовать. Талантъ поэтессы значительно окрѣпъ. Формой стиха она владѣетъ несравненно свободнѣе, и число удачныхъ, хорошихъ стихотвореній несравненно выше. Чувство и настроеніе теперь больше гармонируютъ съ формой и способомъ выраженія, между тѣмъ, какъ въ первомъ сборникѣ очень многія мысли и впечатлѣнія поэтессы выливались въ неудач-

ную, блѣдную форму. Чувствуются и кое-какіе новые мотивы. Хотя общій фонъ опять тотъ же: ночь тоскливая, сѣрая жизнь и яркое могучее стремленіе, страстный порывъ къ солнцу, которое все еще должно прійти. Но отчетливо чувствуется, что очи поэтессы на мигъ увидали его золотые цѣлительные лучи; пѣсня временами становится тоскливѣе, что-то похожее на неудовлетворенность краткостью этого мига, сверкаетъ въ ея стихахъ.

Жизнь теперь даетъ больше откликовъ въ душѣ поэтессы. Она готова любить и любить уже то, что раньше вызывало въ ея душѣ только скорбныя думы, только негодованье и заставляло ее уноситься въ міръ фантазіи.

Теперь она принимаетъ все то, что отвергала:

Люблю тебе, краю,—хоч ти і покірний,
Хоч ты не досяг ще нової доби,—
І темну недолю, і смуток твій мірний,
І злиднів тумани без хвиль боротьби!

Теперь она и въ природѣ улавливаетъ другое; кромѣ прежнихъ тоскливыхъ напѣвовъ вѣтра, она слышитъ его вольныя пѣсни.

И теперь ей хочется противопоставлять человѣка природѣ, какъ существо темное, рабское свѣтлому и вольному началу. Слово рабы у нея часто теперь замѣняетъ собою слово люди, и то упрекомъ, то жалостью звучать ея пѣсни объ этихъ рабахъ. Но теперь она не бросаетъ ихъ однихъ на «закованной въ горѣ» землѣ, не улетаетъ своей легкой фантазіей въ зачарованныя міры. Она живетъ среди людей-рабовъ, людямъ-рабамъ поетъ пѣсни, чтобы хоть немного вольнѣе, немного свѣтлѣе имъ было. «Співай пісні»,—обращается она къ поэту въ прекрасномъ стихотвореніи:

Співай пісні! Нехай весна цвіте!
Нехай людей и вабить, и керує!
Твій юний спів—це сонце в небесах,
Се ранком перли—сльози квітів рясних,
Се—світло дум в сіяючих очах,
Се—волі дух в рабах нещасних!
Співай, співай, і сонце викликай:
Ми прачем волі, ясних мрій і світла,
Щоб ширше думка рідная розквітла,
Щоб для рабів розцвівся май!

И Алчевская поетъ теперь о солнцѣ, о веснѣ, о грезахъ съ мыслью о землѣ. Для «раба слезъ», для «хмураго человѣка» она низводитъ на землю солнечныя грезы.

И все-же эти бодрые мотивы не являются господствующими въ сборникѣ «Вишневий цвіт». Онъ не пропитанъ такъ однимъ настроеніемъ предразсвѣтнаго ожиданія солнца, какъ первый сборникъ. Онъ значительно разнообразнѣе и по настроенію, и по мыслямъ, и поэтому значительно глубже. Здѣсь, какъ въ жизни, тѣсно переплелись «счастье и горе». И, переходя отъ одного стихотворенія къ другому, чувствуешь, что все это пережито.

Слѣдуетъ однако отмѣтить, что національный колоритъ довольно блѣденъ и во второмъ сборникѣ. Прекрасна только напи-

санная въ народномъ тонѣ «Калина и тополя». Бросается въ глаза множество руссизмовъ какъ въ словахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ фѣрмахъ словъ. Впрочемъ, ихъ значительно меньше, чѣмъ въ первомъ сборникѣ.

Немногимъ больше стихотвореній на любовные мотивы, и для тѣхъ нѣсколькихъ, что даны въ новомъ сборникѣ, поэтесса наша прекрасное выраженіе, ласкающія слухъ, красивыя слова (напримѣръ, «Думонька ніжна»). Заглавіе хорошо подходитъ къ сборнику. Буйнымъ цвѣтомъ—пѣснями вылилась душа поэтессы. И мы будемъ ждать, когда ея весна смѣнится лѣтомъ и тихое лѣто принесетъ плоды буйнаго вишневаго цвѣта.

В. Міяковскій.

А. Θ. Кони. *На жизненномъ пути. Т. I. СПб. 1912 г.*

Въ чрезвычайно интересной и поучительной книгѣ такого мастера слова, какимъ является А. Θ. Кони, особенное вниманіе украинскаго читателя должны привлечь два очерка, оба касающіеся религіозныхъ движеній на Украинѣ. Первый, «Уніатскія дѣла», содержитъ скорбную исторію такъ-называемаго «возсоединенія» уніатовъ въ Холмщинѣ; второй, «Штундисты», представляетъ изъ себя не менѣ скорбный листокъ правительственныхъ мѣропріятій противъ секты, извѣстной подъ именемъ штундизма. Благодаря исключительному дарованію автора оба названные очерка даютъ такія яркія картины изъ нашей современности, мимо которыхъ нельзя пройти равнодушно, тѣмъ болѣе, что и Холмщина, и вообще положеніе иновѣрцевъ въ Россіи выдвинулись въ послѣднее время на передній планъ нашей жизни. Очерки г. Кони многое уясняютъ въ той патріотической путаницѣ, которая въ такомъ изобиліи нагромождена вокругъ такъ-называемаго холмскаго вопроса.

Въ началѣ 70-хъ гідовъ уніатское украинское населеніе Холмщины начало вдругъ обнаруживать «настойчивое желаніе» присоединиться къ православію; къ начальству цѣлыми массами стали поступать приговоры сельскихъ обществъ, заявляющіе объ этомъ желаніи. Въ начальствѣ, отъ мѣстнаго до петербургскаго, это движеніе вызвало, разумѣется, живѣйшее сочувствіе и содѣйствіе, и въ 1875 г. произошло возсоединеніе уніатовъ съ православною церковью, «отпразднованное съ особою торжественностью молебствіями, краснорѣчивыми реляціями въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и наградами разнымъ лицамъ за усердіе въ этомъ благомъ дѣлѣ». Ликованіе продолжалось, однако, не долго, и въ томъ же году, благодаря мѣстнымъ судебнымъ дѣятелямъ, начала обнаруживаться истинная подкладка этой внезапной ревности къ православію. Возникаетъ цѣлый рядъ судебныхъ дѣлъ, тюремные замки наполняются «упорствующими», только-что якобы заявлявшими о своемъ желаніи оставить унію, а затѣмъ и цѣликомъ раскрывается вся та гнусная «комедія лицемѣрія и честолюбія», въ которую втянуто было

противъ воли населеніе Холмскаго края. Оказалось, что «все это блестящее воссоединеніе уніатовъ есть не что иное, какъ созданный довольно беззащѣтными руками административный миражъ,—одинъ изъ тѣхъ многихъ, которые такъ долго извращали и жизнь, и нравственный смыслъ русскаго общества»; «что гминные приговоры были составлены не только не добровольно, но явились результатомъ настойчиваго давленія и всяческаго воздѣйствія, до угрозъ включительно, со стороны ближайшаго полицейскаго начальства, руководимаго, въ іерархическомъ порядкѣ, признаніями и настояніями высшей губернской власти». И когда населеніе отказалось подчиниться насильственному «воссоединенію», то его начали понуждать къ этому все тѣми же старыми и испытанными въ русской практикѣ средствами, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что теперь уже отъ угрозъ перешли къ дѣйствіямъ. Администрація, во главѣ которой стоялъ небезызвѣстный губернаторъ Громека, выработалъ цѣлую систему взысканій, направленныхъ на то, чтобы сломить упорство «православныхъ», желающихъ жить по своимъ старымъ обычаямъ. Началось обыкновенно со штрафовъ за нежеланіе крестить дѣтей, вѣнчаться или хоронить у православныхъ священниковъ. Штрафы эти росли подобно лавинѣ, пока совершенно не разоряди упорствующихъ. Затѣмъ происходилъ «бунтъ», усмиряемый обычными средствами русской администраціи, и населеніе тюремъ возростало, а также прогрессировала колонизація болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностей «на сѣверѣ дикомъ». Всѣми этими мѣрами населеніе холмщины было доведено до крайней степени отчаянія, которое сказалось въ послѣднее время, послѣ манифеста 17 апрѣля 1905 года, массовымъ переходомъ бывшихъ уніатовъ... въ католичество. Больно, стыдно и обидно читать тѣ краснорѣчивыя страницы, которыя посвятилъ г. Кони этимъ вопіющимъ дѣламъ...

Такое же гнетущее впечатлѣніе производитъ и другой очеркъ, посвященный штундистскимъ дѣламъ. Вотъ буквально вопль штундиста, приводимый г-номъ Кони изъ одного письма, отобраннаго полиціей при обыскѣ: «Просимъ васъ сердечно со слезами, возьмите эту бумагу вы или нехай возьметъ кто-либо другой, кто можетъ сильно кричать, можетъ кто услышалъ бы нашу страшную минуту. Ибо мы въ сіе время сдавленные за горло, и не можемъ кричать, чтобы кто услышалъ». «Сдавленные за горло», преслѣдуемые за книгу, «именуемую Евангеліемъ» (буквально изъ полицейскихъ протоколовъ!), за желаніе жить по-своему и не по консисторской указкѣ вѣровать, признанные за это «сектой болѣе вредной»,—штундисты перешли такую же скалу чисто религіозныхъ гоненій, какъ и воссоединенные уніаты. Страницы г. Кони воскрешаютъ и въ этомъ случаѣ картины, достойныя какого-нибудь средневѣковаго уклада жизни. И хорошо, что въ кругъ наблюденій талантливаго автора попали эти уніатскія и штундистскія дѣла. Г. Кони принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые могутъ «сильно кричать», по наивному выраженію приведеннаго выше письма, и, несомнѣнно

этотъ «крикъ» долженъ произвести соотвѣтственное впечатлѣніе на всѣхъ, кто интересуется практической постановкой вопроса о свободѣ совѣсти въ Россіи. Не имѣя возможности въ краткой замѣткѣ исчерпать богатое содержаніе очерковъ, г. Кони, горячо рекомендуемъ его книгу читателямъ.

С. Е.

СОДЕРЖАНІЕ УКРАИНСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. М. Возняк. З культурного життя України XVII—XVIII в. — *Меланія Бордун.* З життя українського духовенства львівської епархії в другій половині XVIII в. — *Хризант Ящуржинський.* Причинки до пізнання культу предків на Україні. — *Андрій Франко.* Григорій Ількевич як етнограф. — *М. Грушевський.* Оден з Ніжинців (Іван Затиркевич). — *Як. Гординський.* Недоля галицьких дяків. — *М. Возняк.* З фольклорних занять Маркіяна Шашкевича. *Г. Франко.* Основа нової славянської політики Бакуніна (оригінальний текст відозви з 1848 р.). *В. Дорошенка.* Огляд Показчика „Кіевской Старины“. Бібліографія.

Світло (кн. I за 1912/1913 г.). Од редакції. — *С. Русова.* Жан-Жак Руссо. — *Я. Чепіа.* Народній учитель і національне питання. — *Я. Юдинъ.* На літніх харківських курсах. — *П. Б.* З життя народної школи. — *В. Мировиць.* З щоденника вчителя. — З біжучого життя: Курйози. — *Провінціала.* — Хистка педагогія. *С. Є.* — Нові стежки до рідної освіти. *С. Тит—ко.* — Критика й бібліографія.

Українська Хата. *Гр. Чупринка.* Завіса смерти. *Мак. Рильський.* Широке поле. *М. Шаповал.* Вечір. *Вас. Алешко.* Сад вишневий. *Ол. Неприцький-Грановський.* Не вірю я. *Я. Мамонов.* Серпень (нарис.) *Вар. Евтімович.* Озеро мое (етюд). *Ф. Петруненко.* Фрагмент. *Мак. Рильський.* Тишина. В'осени. *Гав. Левченко.* Князь Хорів (трагедія). *М. Коваленко.* Українська мелодія. *Отто Рунк.* Хірург (Оповідання з данського). Пер. *Ол. Кобилянська.* *Гр. Чупринка.* Літературні новини. *М. Філянський.* Calendarium. *М. Євшан.* Яцків. Adagio consolante. *Яків Вассерман.* Літерат. (кінець) з німецького перек. *М. Євшан.* *М. Сріблянський.* Фабрика доброго тону. *В. Грищинський.* Національний рух в киргизів, бурятів та якутів. Бібліографія.

Учитель, орган Українського Педагогічного Товариства. Редагує Іван Юцишин. За редакцію відповідає Р. Д. Кульчицький. Річник XXV. Ч. I. Львів 20-вересня 1912 р. **Зміст:** Від Видавництва! — *Іван Юцишин.* Жан-Жак-Руссо. — *Я. Ф. Зеленкевич.* Вільна Школа. — *Стефан Ковалів.* Методична оцінка шкільного підручника п. 3. „Рахунки для шкіл народніх ч. IV 1911“. *Володимира Вільшанецька.* Будуча жіноча виділова школа. Критика, бібліографія. Звіт із загальних зборів Тов-а „Взаїмна поміч учительська. — В обороні прав нашої мови.

Ukrainische Rundschau. Nr. № 8—9. 1912. — Zur Geschichte des polnischen Loyalismus in Oesterreich. Von Alpha. — Die ukrainische Sprache in den Schulen Russlands. Von M. Danko. — Die wissen-

schaft im Dienste der Politik. — Die russischorthodoxe Propaganda in galizien. — Die Statistik der Umgangssprache in galizien. — Die Unvenbeserlichen. Von P. O. — Komm, o komme, Väferchen Zar! — Die landwirtschaftliche Landesgesellschaft «Silskyi Hospodar» in Lemberg. Von W. S. — Umschau.

Литературная лѣтопись.

— „Українські узори“ Олени Пчілки вышли на-дняхъ четвертымъ изданіемъ. Цѣна 1 р.

— Медицинская секція Украинскаго Научнаго Общества въ Киевѣ выпустила на-дняхъ 2-й томъ своихъ трудовъ. Содержание этого тома слѣдующее: „Клинический причинок до пізнання впливу крови перед сітківку (Haemorrhagia praeretinalis) з малюнками. Д-ра Михайла Коса. До казуістики піддіафрагмальнихъ абсцесів. Д-ра. Е. Черняхівського. Организация медичної допомоги нічної доби у Київї (34 таблицями). Д-ра Лук'яніва. Гоїння гнойових процесів. роگیвки ока антідівтерійною сироваткою. Д-ра П. Блонського. Амебоїзм та пластичність неврона (з таблицюю). Д-ра Черняхівського. Situs viscerum inversous totalis (з рентгенограмою). Д-ра Е. Лукасевича. Жіночий тип розположення волосся на tuberculum pubicum у чоловіків. Д-ра М. Вашетко.

— Украинскій географическій атласъ, составленный проф. Мир. Кордубой, вышелъ недавно въ Коломиѣ (Галиція). Въ атласѣ 24 основныхъ карты и 11 вспомогательныхъ. Отмѣчаемъ выходъ въ свѣтъ этого изданія, какъ *перваго* въ этомъ родѣ на украинскомъ языкѣ.

— Нѣмецко-украинскій словарь, составленный В. Кмицкевичевымъ и др., вышелъ изъ печати, въ размѣрѣ 44½ печатныхъ листовъ. Цѣна этого изданія 10 кронъ.

— Новый украинскій журналъ „Маякъ“ (еженедѣльникъ) начнетъ выходить въ Киевѣ съ начала 1913 г. Журналъ ставить своей задачей обслуживаніе интересовъ крестьянской и рабочей украинской интеллигенціи.

— Вышли изъ печати слѣд. книги: В. Товстонось. „Жінка з голосомъ“. (Музична хвороба). Водевиль въ одномъ дѣйствіи. — *Ив. Федорченко*. „Чотири артикули“. — *Ольго Островскій*. „В сутніні ночі“. Очерки и рассказы. Послѣднія двѣ книжки издало украинско-русское издательство „Гасло“.

— Издательство „Вік“ выпустило третье изданіе брошюры *Б. Гринченка* „На безпросвѣтномъ пути“ (объ украинской школѣ). Это же издательство выпустило брошюру *С. Буды* „За украинскій університет“.

— Из-во „Вік“ выпустило „3 книги житія“ *А. Тесленка* (повѣсти) съ портретомъ автора и вступительной статьей *С. Черкасенка*.

— *М. Загірня* выпустила на этихъ дняхъ новую популярную книжку: „Про одружіння на Вкраїні в давніші часи“.

— Вышла новая интересная книга съ примѣчаніями *М. Комарова* „Вінок Т. Шевченкові з віршів українських, російських, білоруських і польскихъ поетів“.

— Кустарный складъ полтавскаго губернскаго земства издалъ отдѣльной брошюрой „Рѣзные пряничныя и кафельныя формы“ изъ альбома „Украинское Народное Творчество“.

— Въ 12 т. „Энциклопедическаго словаря“ бр. Гранатъ помѣщены, между прочимъ, статьи „Гадаяцкая Унія“ *М. Грушевскаго* (стр. 281—285); „Гайдамаччина“ — *Н. Василенка* (323—330 стр.); „Галиція“ (362—367 стр.) *З. Ленскаго*. Послѣдняя статья безъ указанія литературы предмета. „Галицкое княжество“ (367—376 стр.) *В. Пичеты*.

— Въ 13 т. „Энциклопедическаго словаря“ бр. Гранатъ помѣщены слѣдующія замѣтки, касающіяся исторіи Украинны: Генеральная войсковая канцелярія — *Н. Василенка*. — Генеральная старшина. — *Его же*. — Генеральный судъ. — *Его же*. Въ 14 томѣ. — Гетманщина. — *Н. Василенка*. — Гетманъ на Украинѣ. — *Его же*.

— Въ Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 234 и 235) помѣщены корреспонденціи изъ Кіева, рисующія тѣ гоненія и репрессіи, которымъ подвергается украинское печатное слово и національно-общественная жизнь на Украинѣ. Во одной изъ этихъ корреспонденцій сооб-

щаются свѣдѣнія объ украинскомъ клубѣ и его закрытіи.

— Въ октябрьской книжкѣ „Русской Мысли“ напечатана небольшая статья Мих. Могиланскаго: „Галиція впечатлѣнія“, въ которой авторъ останавливается на современныхъ обостренныхъ отношеніяхъ между поляками и украинцами въ Галиціи, иллюстрируя ихъ событиями послѣднихъ дней.

— Въ 4-ой книжкѣ „Вѣстника Кооперации“ помѣщена статья С. Гадячина объ украинской кооперации въ Галиціи.

— Въ октябрьской книжкѣ „Русск. Богатства“ В. Мякотинъ продолжаетъ печатать свою статью „Очерки, социальной исторіи Малороссіи“. Въ этой же книжкѣ помѣщена рецензія на романъ украинскаго писателя В. Винниченка „На вѣсахъ жизни“, написанный на русскомъ языкѣ. Авторъ замѣтки говоритъ: Разсказываетъ г. Винниченко интересно, языкомъ живымъ. Мѣстами разсказъ кажется даже занимательнымъ. Повѣствованіе г. Винниченка свободное отъ самаго страшнаго въ литературѣ—пошлости. Въ романѣ чувствуется совсѣмъ другой недостатокъ:—легкомысліе въ творчествѣ: всему, что показалося, авторъ повѣрилъ, и обо всемъ, что пришло въ голову, написалъ. Эту черту въ творчествѣ писателя рецензентъ считаетъ угрожающей, но въ то же время и легко удалимой.

— Въ предыдущемъ № „Украинской Жизни“ мы уже отмѣчали интересъ къ украинскому вопросу со стороны виднаго англійскаго публициста Джорджа Рафаловича. Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ упоминавагося нами „Saturday Review“ появилась небольшая замѣтка, принадлежащая перу того же автора, въ которой послѣдній, указывая на ростъ украинскаго движенія, отмѣчаетъ отсутствіе на англійскомъ языкѣ солидной литературы для ознакомленія съ украинскимъ вопросомъ. Это нежелательное явленіе ухудшается, по мнѣнію Рафаловича, незначительностью литературы по этому вопросу и на французскомъ языкѣ, знаніе котораго сравнительно распространено среди англчанъ.—Отмѣчая статью Рафаловича, мы думаемъ, что наиболѣе удобнымъ и достигающимъ цѣли въ дѣлѣ ознакомленія англчанъ съ украинскимъ вопросомъ было бы изданіе специальнаго украинскаго журнала на англійскомъ языкѣ, который, такимъ образомъ, выполнилъ бы то же назначеніе, которое для русскихъ выполняетъ „Украинская Жизнь“, а для нѣмцевъ—„Ukrainische Rundschau“.

— Въ октябрьской книжкѣ нѣмецкаго журнала „Die Weltklorres pondenz“ (издается въ Вѣнѣ) напечатана статья Богдана Заклынскаго „Aus dem karpathen gebirge“. Авторъ въ началѣ статьи сообщаетъ краткія свѣдѣнія объ Украинѣ, останавливаясь потомъ на жизни гуцуловъ (украинскихъ карпатскихъ горцевъ), ихъ бытъ, обычаи и т. д. Статья иллюстрирована тремя фотографіями.

— На нѣмецкомъ языкѣ вышла книга: Taras Schewtshenko: Der Künstler-Auf biographischer Roman. Aus dem Rissischen Von Arthur Seelib, herausgegeben imd eingesetzt durch julra Virginia. Mit 10. Biedern Schewtschenkos. Xenien-Verlag Leipzig.

— Во французскомъ журналѣ, издающемся въ Монреалѣ (Канада), „Le Devoir“ въ № 219 помѣщена статья объ украинскихъ эмигрантахъ Канады. Интересно отмѣтить, что авторъ ея священникъ Сабурень, французъ по происхожденію, превосходно владѣетъ украинскимъ языкомъ: говорить и писать на немъ.

— Въ чешскомъ „Cas“ (издается въ Прагѣ) напечатана обстоятельная статья „Ukrajina“ (№ 220, 258, 260). Авторъ жгато излагаетъ исторію Украины и характеризуетъ главнѣйшія теченія въ современномъ украинскомъ обществѣ.

— Въ чешскомъ журналѣ „Rusky Obzor“, ставящемъ своей цѣлью ознакомленіе славянскихъ народностей съ жизнью и культурой сѣверо-восточныхъ славянскихъ народностей, помѣщены слѣдующія статьи, касающіяся украинской жизни: 1) Бочковскаго—„Ukrajinska ořarka pred torem Europu (kn. 1), 2) „Ruskoukrajinsky spor v nove fasi“ (kn. 3—4), В. Хорвата—„Ukrajinska literatura za rok 1911 (kn. 1). Кромѣ этого въ отдѣлѣ хроники встрѣчаемъ много інформаціонныхъ замѣтокъ о текущихъ явленіяхъ и фактахъ современной украинской жизни и литературы.

— Въ польскомъ еженедѣльникѣ „Nowy Prąd (№ 3) напечатаны въ переводѣ Л. Кульчицкаго слѣдующія стихотворенія: 1) Франка „Prolog“ (изъ „Моисея“), „Z Więzlenyih Sonetów“, „Olaze“ Z RciŃai smytnych piesni и „Z księgi Kaaf“.

— Въ москалефильскомъ „Галичинѣ“ въ №№ 219—220—221—222 помѣщены интересныя письма извѣстнаго украинскаго дѣятеля М. Павлика, касающіяся вопроса о взглядахъ М. Драгоманова на такъ-назыв. „радикальное

теченіе среди галицкихъ русофиловъ, и отвѣты на эти письма редакція названнаго органа. Для историка общественнаго движенія въ Галициі эти письма представляютъ несомнѣнный историческій интересъ.

— Въ № 744 „Dzenika Petersburgo“ напечатана прекрасная статья-корреспонденція изъ Кіева г. Ст. Вольскаго подъ заглавіемъ „Sprawa ukraínska“. Авторъ, полемизируя съ г. Демилемъ изъ „Swiat'a“, горячо защищаетъ молодое украинское движеніе,

доказываетъ его неуклонный ростъ и пророчитъ ему большое будущее.

— Въ послѣдніе два мѣсяца въ разныхъ русскихъ изданіяхъ („Рус. Вѣдом.“, „Рус. Слово“, Провин. Голось“, „Голось Ярослав.“, „Южн. Заря“, „Кубан. Курьеръ“ и др.), а также въ „Dzien. Petersburg.“ появился рядъ замѣтокъ и статей, посвященныхъ „Украин. Жизни“ и содержащихъ либо обзоръ содержания послѣднихъ книжекъ нашего журнала, либо сочувственные отзывы объ отдѣльныхъ статьяхъ.

ОТВѢТЫ ЧИТАТЕЛЯМЪ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

Л — опи (Москва). Евангеліе на украинскомъ языкѣ издано «по благословенію святѣйшаго правительствующаго синода» и напечатано московской синодальной типографіей. Приобрѣсти его можете или въ книжномъ магазинѣ синодальной типографіи (на Никольской ул.), или въ любой книжной лавкѣ библейскаго общества. Ваши «земляки», живущіе на Украинѣ, могутъ приобрести украинскре евангеліе въ любомъ книжномъ украинскомъ магазинѣ.

В. Р—ко и другимъ, интересующимся вопросомъ о продолженіи изданія «Украинской Жизни».—Отвѣтъ на интересующіе васъ вопросы вы найдете въ объявленіи редакціи о возобновленіи подписки на «Украинскую Жизнь» на 1913 г. и въ редакціонной замѣткѣ, которою открывается настоящая книжка журнала.

В. Я. (С.-Петербургъ). Вы напрасно полагаете, что къ письмамъ, подобнымъ вашему, редакція относится отрицательно. Наоборотъ: указанія читателей, хотя бы и заключающія въ себѣ критику журнала и того направленія, котораго редакція неуклонно придерживается и которому впредь не намѣрена измѣнять, принимаются не только «къ свѣдѣнію», но, если это возможно по принципіальнымъ соображеніямъ, и «къ исполненію». Въ частности и вашими нѣкоторыми указаніями редакція не преминетъ воспользоваться. Ваши пожеланія относительно помѣщенія въ журналъ большаго количества статей научнаго содержанія раздѣляются редакціей, хотя и съ оговорками. Отсутствие въ журналѣ нѣкоторыхъ желательныхъ статей объясняется прежде всего реальнымъ соотношеніемъ литературныхъ силъ, какими располагаетъ редакція. Тѣ «острые углы», которые вы отмѣтили, вполне естественны въ безпартійномъ журналѣ такого типа, какимъ является «Укр. Жизнь». Безпартійность, ограниченная опредѣленными прогрессивно-демократическими рамками, предполагаетъ и разнообразіе исходныхъ точекъ зрѣнія у авторовъ, трактующихъ одинъ и тотъ же вопросъ, и разную аргументацію, и даже различіе тона. «Настраиать» каждаго изъ своихъ сотрудниковъ непременно на опредѣленный «тонъ» редакція считаетъ и невозможнымъ, и нежелательнымъ. Мы думаемъ, что при-

держиваясь этого правила, выполняемъ нужнымъ образомъ свое отвѣтственное дѣло посильнаго служенія интересамъ родного народа въ Россіи. Намъ необходимо включить въ кругъ нашихъ національныхъ интересовъ и тѣ литературныя силы, украинскія по происхожденію, которыя пока стоятъ вдали отъ непосредственнаго участія въ украинскомъ культурно-общественномъ творчествѣ. Нашъ журналъ, къ участію въ которомъ мы стремимся привлечь эти силы, является, быть можетъ, единственной пріемлемой для нихъ трибуной, выступая на которой онѣ, по логикѣ фактовъ, должны будутъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ направленіи къ непосредственному участію въ нашемъ національномъ строительствѣ. Если въ процессъ приближенія къ украинству указанныя, цѣнныя для насъ, силы выявляютъ нѣкоторое несоотвѣтствіе тѣмъ требованіямъ, которыя вы хотѣли бы къ нимъ предъявить, то изъ этого едва ли слѣдуетъ, что нужно отказаться отъ тактической идеи собиранія разрозненныхъ и растерянныхъ въ историческомъ процессѣ украинскихъ силъ.—По мнѣнію редакціи, это именно является одною изъ задачъ такого журнала, какъ нашъ.

Въ вопросѣ о замалчиваніи тѣхъ фактовъ и теченій общественной жизни и мысли, которые вы считаете «хатными справками», мы также придерживаемся нѣсколько иного взгляда, чѣмъ вы, и думаемъ, что, согрѣтое любовью къ дѣлу нашего національнаго развитія указаніе нежелательныхъ, антидемократическихъ или антигуманныхъ явленій украинской дѣйствительности должно входить въ задачу нашего журнала, ибо этимъ путемъ мы содѣйствуемъ сохраненію нашего подлиннаго національнаго достоинства какъ вообще, такъ и въ глазахъ демократическихъ круговъ русскаго общества, игнорировать которые, мы, конечно, не можемъ. Думаемъ, что въ этомъ отношеніи намъ не слѣдуетъ пренебрегать словами того великаго украинца, къ идейнымъ послѣдователямъ котораго вы себя причисляете: «чисте діло потрібує чистихъ рукъ». Редакція склонна придавать этимъ прекраснымъ словамъ самую широкую интерпретацію, включая въ нее и способы литературнаго служенія національному дѣлу.

Приймається передплата на 1912—1913 шкільний рік
НА УКРАЇНСЬКИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ ЖУРНАЛ

== „СВІТЛО“ ==

третій рік видання.

Журнал призначається для сем'ї і школи і виходить раз на місяць (всього 9 книжок, кожна розм. од 4 до 5 арк.шів) по такій програмі:

1) Статті що до теорії виховання і народньої освіти. 2) Ознайомлення з усякими питаннями виховання і практичне пристосування їх до шкільного і сям'йового життя. 3) Значіння художнього розвитку в справі виховання і освіти. 4) Сьогочасне становище народньої освіти, школи і народнього учительства на Україні. 5) Хроніка діяльности всяких просвітніх, педагогічних і наукових товариств. 6) Огляди педагогічних російських і закордонних журналів. 7) Твори красного письменства. 8) Бібліографія. В журналі „Світло“ за перший й другий рік взяли участь своїми писаннями такі співробітники: Х. Алчевська, Батько, С. Бердяєв, Біякий, Ан. Василько, С. Васильченко, С. Волох, П. Воронін, М. Грінченко (Загірня), Я. З—кевич, Дячкова Чайка, Д. Дорщенко, С. Єфремов, Д. З. Бір, Т. Згор ласький, П. Кальєгородський, Н. Кибальчич, А. Курилас, В. Куц, Людомир П., Гр. Михайлець, З. Мірна, Он. Мусяєнко, Гр. Наш, Гр. Неборак, М. Невада, К. Оберучев, Ол. Он—ко, О. Она, Сергій Павленко, П. Понятенко, В. Поточний, Педагог, Д. Пісочинець, Провінціал, Я. Савченко, Гр. Сьогобочній, М. Рубакін, Ол. Русов, С. Русова, Ю. Сірий, Ю. Стрижавський, С. Сірополко, Слюсар, В. Спілка, Ів. Стешенко, Я. Стороженко, М. Ткаченко, П. е. Т—ро, С. Титаренко, Ф. Тусія, е. Чарнолуська, Чепелянський, Я. Чепіга, С. Черкасенко, Л. Чулий, Св. К. Шар—кий, С. Шелухін, С. Шохорь-Троцький.

Журнал „Світло“ виходить з септября. Передплата на рік 4 карб. На пів року 2 карб. 50 к. За годон 5 карб. Передплата приймається в конторі „СВІТЛА“, у Києві, В. Володимирська, 93. Яедплачувати „Світло“ можна ще у Києві: 1) в Українській книгарні, Безанієвськ, 8; 2) в книгарні Л.-Н. Вістиня, В.-Володимирська, 28; 3) в Крайниці „Час“ Вел. Волод. 53, вь Харькові, в Українській книгарні, Рыбна. 25, в Полтаві в „Українській книгарні“ Петровська ул., будинок Ворожейкина, поруч з європейським готелем; в Одесі: вь книгарні „Діло“, Преображенська, 11, риг. Лисаветинської, в Катеринодарі, Красна ул. Кригарня Запорожця.

Редактор-Видавець Л. ШЕРСТЮК.

Вже приймається передплата на багато-ілюстрований
літературно-мистецький місячник

„СЯЙВО“.

Місячник, маючи на меті задовольнити естетичні потреби нашого громадянства, заручився згодою на участь кращих українських поетів, письменників, критиків, етнографів, артистів, малярів, різьбярів, музиків, будівничих та инш.

Місячник виходитиме по такій програмі: 1) Від редакції. 2) Мистецькі твори. 3) Твори з історії та теорії штуки. 4) Твори з етнографії України. 5) З життя діячів письменства та штуки. 6) Театр та музика. 7) Огляд письменства та штуки. 8) Хроніка. 9) Усячина. 10) Оповідки.

Ціна на рік 3 карб. з пересилкою.

Адреса редакції: Київ, Бульварно-Кудрявська, 31, кв. 1.

Редактор-видавець О. КОРОЛЬЧУК.

ВІНОК.

Перша читанка для дітей молодшого віку. Уложив О. Білоусенко. Видання друге, із 116 малюнками, 512 сторін. I. Серед маленьких дітей.—II. Що живе на світі.—III. Що росте.—IV. Од льоду до льоду.—V. Серед людей (Розум.—Праця.—Правда, рівнієть, братерства. — Рідне).
—VI. Бог і люде.

Ціна 1 р. 20 коп.

Въ Октябрь мѣсяцѣ выйдеть въ свѣтъ въ изданіи журнала „Наше Дѣло“ новая книга:

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА „КРИНИЦЫ“.

Съ предисловіемъ проф. ТУГАНЪ-БАРАНОВСКАГО.

(Съ иллюстраціями и особыми приложениями).
Цѣна 2 рубля.

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА „КРИНИЦЫ“

заслуживаетъ вниманія не только кооператоровъ, но и широкихъ круговъ читателей, интересующихся общ-ственной жизнью. Въ книгѣ по личнымъ воспоминаніямъ, дневникамъ, протоколамъ и прочимъ достовѣрнымъ источникамъ развертывается картина возникновенія интеллигентной колоніи „Криница“, ея переживаній, колебаній и развитія вплоть до 1910 года, когда, преодолевъ общественныя и финансовыя трудности, колонія выходитъ на свободный путь общественной работы, какъ производительный кооперативъ.

съ: Кіевъ, Спасская ул., № 16 Ред. журн. „Наше Дѣло“.

Открыта подписка на 1913 г. на журналы:

- 1) „ЮНАЯ РОССИЯ“ ежемѣсячный иллюстрирован. журналъ для семьи и школы. Сорокъ пятый годъ изданія. На годъ 4 р. 50 к. безъ пересылки. 5 руб. съ пересылкой. За границу 7 руб. Журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскія, по Положенію 1872 г., училища и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки. Въ 1913 г. журналъ «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») дастъ всѣмъ подписчикамъ: 12 ежемѣсячныхъ книжекъ, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія, в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки; съ портретовъ замѣчательныхъ людей, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и пр. Бесплатныя приложения къ журналу «Юная Россія» на 1913 годъ: I. Ч. Робертсъ. Рассказы: 1) Сѣрый атаманъ. 2) Послѣдняя охота Сѣраго. 3) Черная дѣбрь. Переводъ съ англ. В. Гатцука. Съ рисунками. II. Исторія одной жизни (Томасъ Эдисонъ). Н. Каринцева. III. Путешествія Н. М. Пржевальскаго, Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржимайло. С. Покровскаго. IV. Сборникъ избранныхъ стихотвореній А. М. Жемчужникова, С. Я. Надсона, И. З. Сурикова, К. М. Фоханова, Н. В. Жадовской, В. Л. Величко, С. Д. Дрожжина и др., подъ редакціей Д. И. Тихомирова.

2) „Педагогический Листок“, журнал для воспитателей и народных учителей. Сорок пятый год издания, Журнал выходит 8 раз в год, книжками до 5 листов. 1 р. 75 к. без пересылки; 2 р. с пересылкой, За границу 3 р. Подписная цена на оба журнала 6 руб. на год с пересылкой, без пересылки 5 руб. Адрес редакции: Москва, Б. Молчановка, д. № 18. Подписка принимается и во всех известных книжных магазинах. Книгопродавцам уступка 5%. Плата за объявления в журналах «Юная Россия» и «Педагогический Листок»: за страницу 40 руб., за $\frac{1}{2}$ стр. 20 руб., за $\frac{1}{4}$ стр. 10 руб., за $\frac{1}{8}$ стр. 5 руб. Издательница Е. Н. Тихомирова. Редактор Д. И. Тихомиров. При журнал «Юная Россия» и «Педагогический Листок» организованы книжный склад изданий Д. И. Тихомирова: 1) Библиотека для семьи и школы; 2) Учительская библиотека; 3) Учебники Д. И. Тихомирова. Каталог высылается бесплатно по первому требованию.

„МАЯК“

Принимается предплата на рік 1913-й на новый популярный литературно-громадський **тижневик „Маяк“** буде обслуговувати культурно-національні потреби української сільської й міської інтелігенції й буде освітлювати всі значні події в політичному й культурному житті України. **„Маяк“** матиме широкий програм, даватиме місце літературним і художнім творам, звертатиме увагу на громадське життя краю. Поруч з політичними питаннями будуть розглядатися справи економічні й кооперативні. До участі в „Маякові“ запрошуються найкращі автори. Журнал буде добре ілюстрований. **Ціна „Маякові“** на рік—3 руб., $\frac{1}{2}$ року—1 руб. 75 коп. Адреса редакції: Київ, Тургенівська, 9.

Редактор-Видавець **З. Шевченко.**

„Народный Учитель“.

Москва, VIII год издания. 40 № № в год и 3 бесплатн. приложения. Открыта подписка на 1913 год на еженедельный профессиональный и общественно-педагогический журнал. Съ 1912 г. журнал выходит еженедельно, кроме летних месяцев. В журнал участвуют видные деятели по народному образованию. В состав сотрудников вошли: И. С. Абрамов, В. А. Анзимиров, А. Н. Ачкасов, гр. Бобринская, И. П. Бѣлоконский, В. П. и Э. О. Вахтеров, А. Г. Вязлов, А. Ф. Волошин, Д. И. Дорошенко, И. Я. Дрилик, Я. И. Душечкин, С. А. Ефремов, Ф. О. Жаров, Б. Н. Звонарев, Е. А. Звягинцев, Я. Ф. Зеленкович, С. А. Золотарев, В. Зельгейм, А. Е. Ивашкин, А. П. Ивашенко, В. В. Кирияков, В. С. Костромина, М. А. Крылова, К. Ф. Лебдинцев, С. И. Лисенко, А. А. Локтин, Н. Д. Лубенец, Т. Г. Лубенец, Д. Е. Любченко, С. А. Малиновский, С. П. Мельгунов, Ф. П. Матушевский, В. С. Мурзаев, А. Б. Петричев, А. Н. Проппер, д-ръ Г. И. Ростовцев, С. С. Раецкий, вр. М. П. Рашкович, Н. Е. Румянцев, Л. Н. Рутцен, С. Ф. Русова, И. Н. Сахаров, Н. А. Скворцов, В. В. Симоновский, Б. Е. Сырофчиковский, О. Н. Смирнов, С. О. Сѣрополко, д-ръ П. П. Тутышкин, Г. А. Фальборк, С. В. Хатунский, Н. В. Чехов, Е. Г. Шольц, М. Л. Цитронъ и др. Всюду собственные корреспонденты. Живая связь с народным учительством и земскими деятелями. Разнообразные иллюстрации. Постоянные отделы журнала: I) Вопросы народного образования в Государственной Думѣ. II) В учительских обществах. III) Хроника народного образования. IV) Изъ жизни заграничной школы. V) Народное образование в земствах и городах. VI) Внешнее образование. VII) Педагогическое обозрѣніе. VIII) Сообщения с мѣст. IX) Новости педагогической, учебной, дѣтской и народной литературы, X) Справочныя свѣдѣнія по народному образованию. XI) В помощь самообразованію. XII) Среди книг (библиографія). XIII) Школьная практика. XIV) Письма в редакцію. XV) Почтовый ящикъ. В 1913 г. всѣ годовые подписчики получают бесплатно 3 приложения: 1) 20 лекцій Н. Е. Румянцева по педагогической психологіи (въ 1-мъ полугодіи). 2) Календарь-справочникъ (2-ю часть—справочникъ 286 страницъ) при № 1. 3) Альбомъ (настѣнныхъ) портретовъ знаменитыхъ педагоговъ. Подписная цена—3 руб. со всѣми приложениями. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб. и 1 руб. къ 1 апр. Адресъ редакціи. Москва, Тверская застава, Царскій, д. 4. Подписавшіеся до января получают №№ за декабрь бесплатно. Редакторъ **О. Н. Смирновъ.** Издательница **Л. П. Смирнова.**

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Продолжается под-писка на двухнедель-ный журнал нового типа. (4-й годъ изданія). Подписной годъ начинается съ 1-го сентября.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ, книжками въ 4—5 печатныхъ листовъ большого формата въ два столбца. Задача журнала „Бюллетени Литературы и Жизни“ — по возможности всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Все временное, скоропреходящее, хотя бы и сенсационное, но нехарактерное для жизни человѣческаго духа, журналомъ «Бюллетени» совершенно игнорируется, какъ ненужный балластъ, только затемняющій подлинное лицо жизни. Наоборотъ, изъ массы печатнаго матеріала журналъ выбираетъ главнымъ образомъ то, что не носитъ характера случайности, а имѣетъ длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ. Библиографическій отдѣлъ журнала «Бюллетени» представленъ въ такомъ, можно сказать, исчерпывающемъ видѣ, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ общихъ журналовъ. Библиографія въ томъ видѣ, какъ она ведется въ «Бюллетеняхъ», необходима для самаго широкаго круга читателей.

Приблизительно о такомъ типѣ періодическаго изданія мечтали такіе корифеи русской литературы, какъ Г. И. Успенскій (см. «Рус. Бог.», 1912 года, III кн. «Изъ переписки Успенскаго») и Ф. М. Достоевскій (см. бесѣду Дроздовой съ Шатовымъ въ «Бѣсахъ»). За истекшій годъ (съ 1-го сент. 1911 г. по 1-ое сент. 1912 г.) въ журналъ «Бюллетени» напечатано до 350 статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, около 1000 отзывовъ о книгахъ, данъ перечень до 2500 новыхъ книгъ и приведено содержаніе 40 журналовъ. Подробный проспектъ журнала разсылается бесплатно. **Подписная цѣна:** на годъ 3 руб. Допускается разсрочка: 1 р.—къ 1-му сент., 1 р.—къ 1-му янв. и 1 р.—къ 1-му мая. За границу на годъ—5 р. Для сельскихъ учителей при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала подписная цѣна на годъ—2 р. 50 к. Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ имперіи. При перемѣнѣ адреса нужно прилагать 20 к. Цѣна отдѣльнаго №—20 к. Продажа производится во всѣхъ столичн. книжныхъ магазинахъ, въ газетн. кіоскахъ и на станц. желѣзн. дор. Книгоиздательства приглашаются присылать исключительно на имя редакціи новыя книги для помѣщенія о нихъ въ журналъ библиографическихъ свѣдѣній. Имѣются полные комплекты журнала «Бюллетени» за 1910—1911 и 1911—12 гг. Цѣна комплекта 1-го года—2 р., 2-го—3 р. съ пересылкой. Цѣна за оба комплекта въ переплетѣ (3 тома)—6 р. 50 к.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ и РЕДАКЦИИ: Москва, Хлѣбный пер., № 1.

Издатели: **В. Крандіевскій и В. Носенковъ.**

Редакторъ: **В. Крандіевскій.**

**ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬМАНАХЪ**

„ВЪ РОДНОЙ ДОЛИНѢ“

Выписи
ПРОДАЕТСЯ
Адресовать:

скидка 30%
ВЗ. МОСКВЫ.
д. 15., кв. 7.

